ПИОНЕР 11

1986

Подражать их героизму

I

Солнце поднялось по-октябрьски поздно и стояло теперь над Москвой в дымной мгле. Деревья на бульваре были схвачены инеем. Идти под ними опасно — могут подстрелить откуда-нибудь с чердака...

Но у Коли было важное дело, и он бежал прямо по бульвару.

У Арбатских ворот его остановили юнкера.

— Дяденьки, пустите, я к деду иду. У меня мамка померла,— захныкал он.

Один из юнкеров, длинный, усатый, обыскал драную одежку, нашел только черствую краюшку и отпустил мальчишку, наградив напоследок подзатыльником.

— Спасибо, дяденьки, век не забуду! — крикнул, убегая, Коля.

Чем ближе были Никитские ворота, тем сильнее становилась стрельба. Трещали ружейные выстрелы, ухали орудия. Одно юнкера даже в дом, на второй этаж, затащили. А в «Унионе» у них штаб.

Да, хорошо бы когда-нибудь потом в «Унион» попасть. Говорят, кино — замечательная штука.

Над головой свистнула пуля. Он упал. Вторая и третья ударили в мерзлую землю перед его головой, вырыв воронки. «Ишь, снайпер,— подумал Коля,— нашел себе мишень».

Он и сам не сообразил, как оказался у стены дома, а потом в подворотне.

Дело было сделано. Коля пробирался к Тверской и все думал об этом снайпере. Хорошо, что он мазилой оказался, а то бы так и пришлось остаться на этом бульваре.

Коля поежился, вспомнив, как Федотов рассказывал о гибели их командира — Сапунова. Два дня назад тот повел триста человек из Замоскворечья на охрану Моссовета. На Красной площади их юнкера остановили, потребовали, чтобы те сдали оружие. Сапунов повернулся к своим, видно, что-то сказать хотел, а полковник, который юнкерами командовал, выстрелил в упор и убил Сапунова.

Федотов, когда рассказывал об этом, чуть не плакал. А он-то здоровый совсем дядька и солдат боевой. И большевик. А разве большевики могут плакать?

Тут Коля вспомнил про Федотова такое, что смешно стало. Надо было разведать, сколько в

Александровском юнкерском училище штыков, оружия и боеприпасов. Так Федотов нарядился, как барыня, на голову длинные волосы нацепил — парик называется — и все разузнал. Только уж больно барыня неказистая вышла. Как только юнкера ее не распознали? Федотов все это рассказывал, так сам член Военно-Революционного Комитета товарищ Усиевич смеялся...

Но воспоминания воспоминаниями, а донесения-то он... так и не написал. Коля остановился, вытащил из потайного кармана карандаш и бумагу, ухмыльнулся, вспомнив юнкеров, которые его обыскивали, да так ничего и не нашли, и начал писать: «У Арбатских ворот юнкера обыскивают всех проходящих. Где станция трамвая, там орудие и окопы. На Арбате у гаража стоят автомобили... Броневиков нет. У Никитских ворот в магазине Блинцова на втором этаже стоит легкое орудие. Все время бьет по направлению к Страстному монастырю. Мальчик Кауров».

Он еще раз перечел донесение. Вроде ничего не забыл. Вот только подпись несолидная: «Мальчик Кауров». Из-за того, что лет мало, его (и других ребят тоже) в Красную Гвардию не записывают. Они уж Федотову жаловались. Федотов сказал, что обязательно запишут. А раз Федотов сказал, значит, так и будет...

II

Донесение юного разведчика Коли Каурова хранится теперь в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Хранится там и заявление заместителя начальника отдела разведки Московского ВРК, большевика с 1912 года П. Ф. Федотова: «На каком основании приходят все желающие записываться в Красную Гвардию в ком. 33. И почему до сих пор команда юных разведчиков не введена в помещение Совета. Она изъявила готовность принести пользу штабу Революции».

Заявление это обращено к члену ВРК, большевику с 1908 года Г. А. Усиевичу. Известно, что юные разведчики стали красногвардейцами. И еще — в воспоминаниях Федотова можно прочесть о его замечательном опыте разведки, а рядом с Красной площадью есть проезд, названный именем погибшего Сапунова...

Прошло 69 лет. Мы празднуем шестьдесят девятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Но этот праздник не только торжества, веселья. Мы обращаемся к прошлому нашей страны и, перелистывая страницы истории, стараемся понять, что дала нам Революция. Потому что, только помня о прошлом и осмысливая его опыт, мы сумеем выбрать верный путь в будущее.

III

Опыт революции неисчерпаем. Освобождение человека труда от эксплуатации — гарантия сохранения мира на Земле, создание небывалой еще экономической и политической системы, стремительные темпы преобразования жизни людей...

Но, может быть, сегодня для нас всего важнее то, что революция создала нового человека.

Многие века на Земле существует наука о Добре и Зле, знание о целях и ценностях жизни. Знание это вырабатывается не учеными в тихих кабинетах. Его вырабатывает опыт человечества. Совесть, Честь, Долг, Справедливость — вот главные слова этой науки. Именно Совесть, Честь, Долг, Справедливость — внутренние двигатели человека, побуждающие его к действию (а иногда — внутренние тормоза, от действия удерживающие). За долгую историю человечества слова эти, не изменяя своего звучания, разными людьми понимались по-разному. И зависело это от того, в каком обществе жили люди.

Сменяли друг друга царства, королевства, империи, республики. Но как бы ни называлось государство, в нем всегда немногие владели многим, а большинство не владело ничем. И это большинство становилось для немногих средством, с помощью которого они увеличивали свое богатство и свою власть. Чтобы власть их была прочной, они придумывали жестокие законы. Но любой закон, знали они, бессилен, если Совесть, Честь, Долг и Справедливость противоречат ему. И поэтому они внушали людям: «Если тебя ударят по одной щеке, подставь другую... Будь бедным и покорным — и войдешь в небесное царство...». Они твердили: «Своя шкура дороже... Всяк сверчок знай свой шесток... Моя хата с краю...». И еще они говорили, что эти внутренние законы вечны. А для себя они придумывали совсем иные законы: «Собственность священна... Сильный всегда прав...».

Так продолжалось века. Случалось, что в ком-нибудь из трудящихся пробуждалось стремление к освобождению от угнетения, и он восставал. Но чтобы победить угнетателей, недостаточно желания и даже действий одного человека, недостаточно желания и даже действий сотен и тысяч людей. Только когда общество достигнет определенного этапа в своем развитии, только тогда возможно освобождение трудящихся от угнетателей. А пока этот этап не наступил, внушенное людям: «Своя шкура дороже... Моя хата с краю...» — разъединяло их.

Но вот Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали научную теорию коммунизма. Теория эта завладела умами передовых людей во всех странах. Стремление трудящихся к освобождению от угнетения перестало быть стихийным. Возникали партии коммунистов, которые учили трудящихся, сплачивали их, готовили к революции. Дело Маркса и Энгельса продолжил Ленин. И уже тогда среди передовых рабочих начали зарождаться новые, коммунистические понятия: «Счастье свободного народа дороже личного благополучия... Пролетарии всех стран, соединяйтесь...».

И наступило 25 октября 1917 года, первый день величайшего переворота в жизни человечества. День, с которого начался отсчет нового времени — времени социализма.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1986 г.
Издательство «Правда»

Но социализм не возникнет сам по себе (Владимир Ильич Ленин сказал как-то: «Представлять себе социализм так, что господа социалисты преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платьице, нельзя,— этого не будет»). Социализм необходимо построить. А что такое — построить социализм? Построить современные фабрики, заводы, возвести плотины, создать крупное сельскохозяйственное производство? Мы знаем, что наше общество, общество развитого социализма, обладает мощной материально-технической базой. Но это не все. Построить социализм — это значит дать каждому человеку знания. И не просто научить читать и писать, не просто научить профессии. Построить социализм — это значит воспитать нового человека, человека, у которого совершенно иные цели и ценности жизни, чем у человека капиталистического общества.

Что это за воспитание нового человека? На этот вопрос еще в 1920 году ответил Владимир Ильич Ленин. На III съезде комсомола он говорил: «Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своей силой отстоять себя и создать новое общество, вот здесь и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплуататоров, воспитание в союзе с пролетариатом против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: «Я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела».

IV

В истории Московского Октябрьского восстания 1917 года есть такой эпизод. Группе красногвардейцев, которой командовал поручик Крылов, чтобы пробиться к Манежу, нужно было занять Газетный переулок. Неожиданно появился какой-то человек и предложил очистить занятую часть переулка за деньги. Ему пригрозили арестом. Тогда он спросил командира: «За что же вы боретесь? Что вы за это получите?» Ему ответили: «Мы идем за общий интерес, мы боремся за диктатуру пролетариата».

Вряд ли этот человек сумел понять смысл ответа. А для нас это как раз очень важно — правильно понять, за что мы боремся.

За 69 лет наша страна превратилась в могучую мировую державу. И мы знаем, что за 69 лет не только возросло могущество нашего государства, но возросло и благосостояние каждого советского гражданина, его материальное благополучие. Но не это сегодняшнее наше благополучие — цель борьбы. И участников революции вело в бой не стремление получить большую зарплату, шикарную квартиру или собственную яхту. «Общим интересом» пролетариата, завоевавшего власть, был и остается коммунизм.

Только высокая идея коммунизма могла сплотить пролетариат и поднять его на героическую борьбу и героический труд. И героика эта не всегда означала победу над врагом. Часто героика заключалась просто в честном выполнении своего долга...

V

Мария Петровна не была дома уже несколько дней. Районный штаб Красной гвардии поручил ей поддерживать связь с военно-артиллерийским заводом, на котором она работала, ходить в разведку, распространять партийную печать. Работы было

много. Мария Петровна и раньше участвовала в партийной работе, еще с пятого года. А с апреля семнадцатого, с тех пор, как ее приняли в партию большевиков, выполнять партийные поручения стало для нее не просто обязанностью, а жизненной необходимостью.

Вот только как там дома сыновья? И есть им особенно нечего. И главное — усидят ли они дома, не побегут ли на улицу? А там опасно. Вроде уже большие — старшему тринадцать, младшему десять,— а все равно душа болит...

Мария Петровна взяла связку газет, которые надо было распространить по району, и пошла сначала на свой завод. Еще издали увидела у ворот две мальчишечьи фигурки. Сыновья.

— Что это вы здесь делаете? — спросила Мария Петровна.— Я ведь вам сказала: из дому ни на шаг...

Младший, не обращая внимания на суровый голос матери, обнял ее, а старший спокойно ответил:

— Мы бы ни на шаг, да только тебя долго нет. В городе вон какая стрельба. Мало ли что случиться может. Вот мы и пришли узнать, что с тобой.

Мария Петровна не смогла больше выдержать сурового тона. Она расцеловала сыновей. Младшему такое обращение даже понравилось, а вот старший только стерпел — нежностей не любил.

— Домой когда придешь, а, мам?

Мария Петровна рассказала, какие события происходят, почему она не приходит домой, что делает.

— Мы тебе помогать будем,— решил старший.

— Мы с завода не уйдем,— добавил младший.

Ну что с ними сделаешь? Мария Петровна дала половину газет старшему, и договорились с ним, что он пойдет с газетами по Тверской, а она с младшим — по Дмитровке к Страстному монастырю. Встретиться условились у памятника Скобелеву, у Моссовета.

Старший убежал, а Мария Петровна с младшим двинулись к Дмитровке потише. Дошли до Садовой — и попали под обстрел белых.

Ко всему можно привыкнуть, а вот к стрельбе невозможно. Марию Петровну на секунду сковал страх. Потом она решила — лучше переждать обстрел. Повернулась — сынишки не было...

Теперь уж она испугалась так, как не пугалась никогда. Несколько раз позвала сына. Тот не появился. Что делать?

Обстрел продолжался. Надо все же было разнести газеты. У памятника ждал уже, может быть, старший сын. Нет, надо идти вперед.

Мария Петровна раздала газеты по установленным пунктам. У памятника Скобелеву встретилась со старшим сыном. Теперь, когда задание было выполнено, когда она видела одного из своих мальчиков, ее охватила тревога за второго, которую до сих пор она тщательно прятала.

Они отправились на поиски. Из-под ворот одного из домов близ Страстного монастыря Марию Петровну окликнули:

— Мам!..

Обнимая сынишку, Мария Петровна подумала: «Завтра я его снова с собой возьму».

VI

Этот рассказ можно найти в воспоминаниях участницы Октябрьской революции Т. Ф. Людвинской. Дальше в этих воспоминаниях написано: «Рабочая молодежь района, дети рабочих в те дни играли немалую роль. Они были прекрасными связными, разведчиками. Они разносили наши газеты, выпускавшиеся райкомом бюллетени о ходе борьбы, листовки и воззвания Московского боевого центра».

Участвуя в борьбе против эксплуататоров, молодежь проходила курс коммунистического воспитания.

В нашей стране построено развитое социалистическое общество. Но курс коммунистического воспитания не закончен.

Советское общество не остановилось в своем развитии. Оно неустанно движется к коммунизму.

В новой редакции Программы КПСС, которая была принята на XXVII съезде партии, есть подробное, развернутое, полное и глубокое определение коммунизма.

Наверное, если прочесть это определение недостаточно внимательно, то самым важным может показаться, больше всего может понравиться принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям». Этот принцип провозгласил еще Карл Маркс, один из создателей коммунистической теории. И принцип этот действительно прекрасен.

Но слишком бедно воображение тех, кто предполагает, будто осуществить этот принцип — значит дать одному человеку десяток автомобилей, другому — дворец, третьему — тонну мороженого, десятому —.., трехмиллиардному —...

Если мы хотим построить коммунизм, мы должны понять, что «потребность» не означает только «получать», «приобретать». Для людей социалистического, и тем более коммунистического, общества «потребность» означает еще и «отдавать».

Внимательно прочтем еще раз определение коммунизма. И увидим слова: «...труд на благо общества станет для всех первой потребностью...» И еще: «Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников...».

VII

Революционная борьба, строительство социализма помогали воспитанию нового человека, помогали формированию новых, коммунистических понятий Совести, Чести, Долга, Справедливости, новой коммунистической нравственности. (Ученые называют науку о Добре и Зле этикой, а то знание, которое изучает эта наука,— моралью, или нравственностью.)

Чем дальше развивается социализм, чем больше ускоряется его движение к коммунизму, тем большим становится значение Совести, Чести, Долга, Справедливости.

Свободный и сознательный человек трудится не потому, что его принуждают, не потому, что он стремится к прибыли. Свободный труд — это труд, необходимый человеку, дающий ему самую высокую радость — радость творчества на благо всего общества. И единственный закон, который может регулировать свободный труд,— это закон Совести, нравственный закон.

Коммунистическая нравственность, коммунистическая мораль — это мораль коллективистская, гуманистическая, активная, деятельная.

Начинать учиться этой нравственности нужно как можно раньше.

Нужно избавляться от эгоизма, себялюбия и своекорыстия.

Нужно научиться уважать человека труда.

Нужно воспитать в себе привычку к товарищескому сотрудничеству, взаимопомощи, доброжелательности, честности, простоте, скромности.

Нужно заинтересованно участвовать в жизни всей страны, активно бороться за коммунистические идеалы.

VIII

Если оглянуться на путь, пройденный нашей страной за 69 лет, окажется, что самым трудным, самым сложным делом было и остается не строительство заводов и не выращивание хлеба, а воспитание в человеке коммунистической нравственности. Окажется, что очень тяжело победить «въевшиеся» в человека за века понятия: «Моя хата с краю... Главное — своя выгода... Человек человеку — волк...»

Эти и подобные им понятия, как болезнетворные микробы, могут заразить человека, родившегося через много десятков лет после того, как пролетариат уничтожил капиталистический строй в нашей стране. И если такая нравственная болезнь начнет вдруг распространяться, развиваться, движение социалистического общества к коммунизму замедлится, путь к нему станет длиннее и сложнее.

Сейчас, когда начался в жизни нашей страны качественно новый этап — этап ускорения, очень важно каждому советскому человеку, сколько бы ему лет ни было, где бы он ни учился или ни работал, преодолевать в себе все мешающее воспитанию коммунистической нравственности.

И особенно важно это для пионеров, для комсомольцев.

Им есть у кого учиться: коммунисты всегда умели открыто и честно признавать свои ошибки и преодолевать их. И недаром называют сейчас XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза уроком Правды.

IX

23 ноября 1917 года в Москве, у Кремлевской стены, победивший пролетариат хоронил погибших героев Октябрьской революции. В Москву приехали представители трудящихся Петрограда, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Тулы, Одессы, Рязани и других городов.

Среди похороненных у Кремлевской стены героев Октября были: организатор красногвардейских отрядов Замоскворечья П. Г. Добрынин, солдат Е. Н. Сапунов, организатор коммунистической молодежи Л. А. Люсинова, многие и многие другие. Были среди них и московские мальчишки — Саша Киреев, Леня Кузнецов, Павлик Андреев.

Павлик в бою с юнкерами получил 14 ран. Когда его привезли в госпиталь, он спросил: «Ну, как? Наша взяла?» Ему ответили, что рабочие победили. «Я так и знал»,— были последние слова мальчика...

7 ноября 1918 года при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции Владимир Ильич Ленин сказал: «Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму».

И мы, живущие в восьмидесятые годы, мы, наследники завоеваний революции, дадим себе клятву идти по следам героев Октября.

Елена СЕЛЕЗНЕВА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Размышляем, Вникаем, Спорим

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЮНКОРЫ! РУЧКИ, БЛОКНОТЫ ВЗЯЛИ? НАСТРОИЛИСЬ РАЗМЫШЛЯТЬ, ВНИКАТЬ, СПОРИТЬ? ТОГДА ПРИСТУПАЕМ К РАБОТЕ!

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

6 ноября — 45 лет со дня гибели А. П. Чекалина (1925—1941), партизана, комсомольца, Героя Советского Союза.

«Люди видели, как он, смеясь, глядел в лицо своим палачам. Они велели ему написать на фанерной дощечке: «Такой конец ждет всех партизан». А он взял карандаш и написал крупными буквами во всю фанеру: «Сотрем с лица земли фашистскую гадину!» — и бросил дощечку в народ».

«Мой сын», Н. Чекалина.

7 ноября — 69 лет назад свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

16 ноября — 45 лет со дня подвига (1941 г.) 28 героев-панфиловцев.

«Политрук Клочков воспаленными от напряжения глазами посмотрел на солдат.
— Тридцать танков, друзья! — крикнул он.— Верно, придется всем нам умереть. Велика Россия, а отступать некуда. Позади — Москва!»

«Панфиловцы», Ф. Селиванов.

22 ноября — 45 лет со дня гибели Е. И. Чайкиной (1918—1941), партизанки, Героя Советского Союза.

«Книги, дружная, жадная на колхозную работу семья, жизнь колхоза — вот кто были учителями Лизы. Вступив в комсомол, она прочитала о жизни Ленина все, что было в Залесье и Пено. Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Горький, Островский, встречи с людьми, работа с двенадцати лет, комсомольская организация развернули в простой девушке те могучие силы, которые показала она в минуты тяжелых испытаний».

«Лиза Чайкина», Н. Михайлов.

29 ноября — 45 лет со дня гибели З. А. Космодемьянской (1923—1941), партизанки, комсомолки, Героя Советского Союза.

«Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная советская земля дала Зое могучую недевичью силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг».

«Таня», П. Лидов.

СПОР-ПЛОЩАДКА

Сегодня на нашей спор-площадке обсуждаются два вопроса.

Первый — продолжаем разговор о ПИОНЕРСКОМ ПОРУЧЕНИИ.

Я нашел настоящее дело

У меня никогда не было в школе интересных поручений. Так почему-то получалось. И даже когда был звеньевым (в 3—4-м классе), НИЧЕГО полезного не сделал.

Настоящее дело я для себя в конце концов нашел. И стал барабанщиком. Наша школьная пионервожатая Ира предложила мне пойти в разновозрастный дворовый отряд «Синий краб-зюйд». И там, в отряде, из меня сделали настоящего барабанщика. А потом я понял, что могу не только играть на линейках, но и учить этому делу других. В этом я убедился, когда в школе потребовалось заниматься с барабанщиками перед праздником Победы.

Верьте или нет, но ребята, кроме двоих, все были старше меня — из шестого и даже седьмого класса!

Сначала они меня не слушались. Но потом все обошлось. Я вспоминал командиров и инструкторов отряда «Синий краб-зюйд» и делал, как они. Барабанщики научились всему, что нужно. После тех занятий я уверен, что смогу научить ребят полезным вещам. Я это теперь умею.

Валера ВАСИЛЬЕВ, 5-й класс, младший барабанщик отряда «Синий краб-зюйд», г. Симферополь.

А кто в тени?

Интересно, выбрали бы вы в своем отряде председателем троечника? Умного, доброго, хорошего организатора, но троечника? В моем отряде — нет!

У нас ребята почему-то считают, что плохая учеба и выборное, постоянное пионерское поручение несовместимы.

Обычно всю пионерскую работу отряд поручает успевающим ребятам, а те, кто в учебе слабоват, остаются в тени.

Я считаю, что КАЖДЫЙ пионер, независимо от того, как он учится, должен иметь пионерское поручение — постоянное или разовое и с ответственностью выполнять его.

А главное — рассчитывать на помощь ребят. Вот тут и должен помочь весь отряд никому не остаться в тени, каждому проявить себя.

Нина ГОМЕНИК, юнкор отряда «Пламя», г. Пятигорск.

Вопрос второй — ИМЯ ГЕРОЯ — КАК ОТРЯДУ БОРОТЬСЯ ЗА ЕГО ПРИСВОЕНИЕ?

Работа есть, но какая?

Есть хорошая традиция — отрядам и дружинам носить имена героев. Но как организовать эту работу — вот проблема. Не обошла она и нашу дружину. Нельзя сказать, что мы совсем не боремся за присвоение отряду имени героя. Работа есть, но какая? Многие отряды ограничиваются тем, что сделают стенд, оформят альбом, проведут сбор. И все! А разве этого достаточно?

По-моему, в такой работе много формального.

Главное — стараться быть на него, героя, хоть в чем-то похожим. А это самое трудное.

Есть у нас в дружине отряд имени Чкалова 7-го «А» класса. Сначала у этого отряда не все получалось, но ему повезло: удалось завязать переписку с сестрой героя. И стало интересно, пионеры узнали много нового. Ребята гордятся тем, что они чкаловцы, подтянулись в учебе.

Но... Только в нашем районе несколько отрядов имени Чкалова, а сколько их в Москве, во всей стране? Нашим ребятам повезло, а многие не могут найти ничего интересного — все известно, опубликовано, есть в музеях.

Мне кажется, те отряды и дружины, которые борются за право носить или носят имена известных героев, могут столкнуться с такими же трудностями.

И вообще, часто получается, что отряды берут одни и те же имена. А почему? Думаю, потому, что ребята спешат, принимают решения на скорую руку. А ведь есть много малоизвестных героев, достойных того, чтобы их именами были названы отряды. У нас в районе немало примеров, когда отряд выбирает имя героя, ведя поиск в микрорайоне школы. Пусть будет больше дружин и отрядов, которые САМИ НАЙДУТ *имя героя.*

Игорь ЛОЗБЕНЕВ, школа № 955, г. Москва.

Юнкоры! А что вы думаете о ПИОНЕРСКОМ ПОРУЧЕНИИ и о том, как ОТРЯДУ БОРОТЬСЯ ЗА ПРИСВОЕНИЕ ИМЕНИ ГЕРОЯ? Приведите примеры из жизни своего отряда.

ДЕД И ВНУК.— *Автор Тимур ГРИБ, 8-й класс, Республиканский Дворец пионеров и школьников БССР.*

МЫ ДРУЗЬЯ! — *Автор Маскат ТАГАНОВ, 12 лет, Дворец пионеров г. Ашхабада.*

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Девочки 6-го класса просят тех ребят, которые знают, как привлечь к пионерской работе мальчишек, написать по адресу: Северо-Казахстанская обл., Тимирязевский р-н, з/с Б. Хмельницкого, школа, девочкам 6-го класса.

* * *

Пионерки из города Братска могут поделиться опытом, как создать вокальную группу в школе или во дворе. Пишите им по адресу: 665703, Иркутская обл., г. Братск-3, ул. Горького, д. 26 «Б», кв. 9. Марине Глазуновой для вокальной группы.

ВОЗНИК ВОПРОС

Я председатель совета отряда. Хочу рассказать вам историю, которая произошла в нашем отряде... За недостойное поведение мы одного пионера лишили галстука.

Но приближался День Советской Армии. Лучше этого пионера никто не умел командовать отрядом на смотре строя и песни. И тогда наша классная руководительница сказала: «Что же это получается: командир на смотре — и без галстука? Двайте, ребята, простим его и повяжем галстук».

Все покорно закивали головами, и в тот же день галстук снова был на груди у недостойного пионера.

Вот я и хочу спросить: правильно ли мы сделали? Наверное, стоило бы на очередном сборе обсудить, исправился наказанный пионер или нет? Наверное, надо было нам серьезнее подойти к снятию наказания. Как вы думаете?

Фариза ТХАГАПСОНОВА,
г. Апшеронск, Краснодарский край.

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

Письмо Фаризы нам поможет прокомментировать новое **Положение о Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.** В разделе «Поощрения и взыскания» записано:

«К членам организации, нарушившим Законы пионеров Советского Союза, применяются меры наказания: обсуждение на сборе звена, отряда, совета дружины; замечание; предупреждение об исключении; как крайняя мера — исключение из пионерской организации.

Вопрос об исключении пионера из организации решается на сборе отряда. Решение об исключении из организации считается принятым, если за него проголосовало не менее двух третей пионеров, присутствующих на сборе, и приобретает силу после утверждения на совете пионерской дружины».

А как быть, если человек исправился? Исправившегося можно снова принять в пионеры, если он будет активно участвовать в делах отряда, выполнит ряд поручений, осознает свое поведение. Прием в пионеры осуществляется как обычно.

ОТ РЕДАКЦИИ: ЮНКОРЫ! Были ли у вас случаи, когда члена отряда исключали из пионеров, и за что? Какие наказания применяются у вас в отряде, в дружине? На конверте напишите: «ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ».

И еще вопрос: и в ваших отрядах все решает классный руководитель, а вы только покорно киваете? На конверте напишите: «Мы сами».

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

Ребята, разучите в своем отряде НОВУЮ ПЕСНЮ. Ее хорошо петь всем вместе, когда отряд куда-то идет: на сбор, в поход, просто по улице.

Надеемся, что эта песня придется вам по душе.

Ноты — на обложке журнала.

ОТРЯДНЫЙ МАРШ

Музыка Игоря КАДОМЦЕВА. **Стихи Петра СИНЯВСКОГО.**

Отличный барабанщик
У нашего отряда,
Мы в праздники и будни
Идем, как на парад.
В отряде дружном нашем
Ребята — то, что надо,
Не зря гвардейской выправкой
Гордится наш отряд.

ПРИПЕВ:

И не гаснут,
Никогда не гаснут
Солнечные зори впереди,
Если галстук,
Если алый галстук
Гордо пламенеет на груди.

И снова голос горна
Летит навстречу солнцу,
И снова песня льется,
Когда идет отряд.
И кажется, что каждый
Похож на знаменосца.
Горят лучи у галстуков,
Сердца в груди горят.

Нам первые отряды
Вручили эстафету,
Мы новым пионерам
Ее передаем.
Мы весело и дружно
Идем по белу свету,
А пламя наших галстуков
Сливается с костром.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «ПОСЧИТАЕМ — ПОДУМАЕМ»

Юнкоры! Необходима ваша точная информация! Сообщите в юнкоровский пост «РВС», **за чьи имена борются отряды вашей дружины?** Перечислите в письме все отряды и их названия.

На конверте напишите: «СБ «Посчитаем — подумаем».

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Внимание! Напоминаем, что вы получили несколько заданий.

Ждем от вас заметки на темы:

ПИОНЕРСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ,
ИМЯ ГЕРОЯ,
ПИОНЕРСКИЙ СБОР,
НАКАЗАНИЕ В ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ — ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ,
МЫ САМИ.

И еще. Как прошла операция «ПОДПИСКА»? Сколько членов вашего отряда подписались на журнал «Пионер»?

Ждем сообщений!

Михаил Пляцковский

Что главней всего на свете

Рисунок А. БОРИСОВА.

Сами в гору только в сказке
Поднимаются салазки.
Только в сказке
сами с горки
Скачут по воду ведерки.

Сам собой не вспыхнет свет,
Если в лампе тока нет.
Сам собою самолет
Не отправится в полет —
Самолеты без пилота
Не годятся для полета.

Сам собою тепловоз
Никого еще не вез.

Машинист в любые рейсы
Тепловоз ведет по рельсам.
То вдали мелькнет береза,
То поклонится сосна...
Машинисту тепловоза
Вся страна в окне видна.

Сам бы в море ледокол
Глыбы льда не размолол.
Ледокол среди торосов
Плыть не смог бы без матросов.

И сама собой пшеница
Уж не станет колоситься.
Полевод и агроном
Нежно нянчатся с зерном.

Сам собою новый дом
Не возникнет за углом.
В срок строителями точно
Новый дом сработан прочно.
Смотрят весело на мир
Окна солнечных квартир.

И сама собой граница
От врагов не защитится.
Стерегут покой державы
Пограничные заставы.

Не сами делаются блюдца,
Не ткется сам собой ковер.
И песни сами не поются:
Чтоб пелись песни,
нужен хор!

Если крепкая подкова,
То кузнец ковал толково.
Если суп в столовой вкусный,
Значит, повар там искусный.

Если старые ботинки,
Возвратившись из починки,
Стали новыми у вас,
То сапожник — первый класс!

Я к чему клоню,
мой друг,
Разговор с тобою?
Много разных дел вокруг,
Выбирай любое!

Ждут тебя поля,
заводы,
Лесовозы,
вездеходы,
Ждет Курильская гряда,
Ждет уральская руда,
Ждут далекие причалы,
Космодромы и вокзалы,
Ждут подлодки,
поезда,
Ждет Полярная звезда.

Если хочешь, стань артистом,
Мотористом,
Трактористом
Или же отменным,
Подтянутым военным.

Сам ты выберешь свой путь,
Об одном лишь не забудь:
НИЧЕГО
НИКОГДА
НЕ ДОБЬЕШЬСЯ
БЕЗ ТРУДА!

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

ВСЕХ ВИДЕТЬ СЧАСТЛИВЫМИ

ОТРЫВКИ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание. Начало в № 10.

Окончание. Начало в № 10.

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Стремиться к невозможному

Подводит здоровье. Не подводит страстное поклонение слову «надо». Поистине магическое слово! Не только придает силы и мужество, но исцеляет от болезней, скорбей, дарит счастье. Разве не упоительно от души делать дело — необходимую всем будничную работу? Разве не это наивысшее счастье и подвижничество — самое трудное, самое важное, самое нужное? Конечно, выпрыгивать из горящего самолета с парашютом — героизм, и не малый, но куда больший — делать такие самолеты, которые не горят в воздухе...

Во главе советской промышленности Серго стал в решающий, труднейший и сложнейший момент. Не только отсталость, доставшаяся от царя, и разруха после семи лет войны гирями висели на ногах страны. У пятилетки было немало врагов и дома, и за границей. Скорее собрать в кулак все силы, всю волю народа! Предельно напрячь, сосредоточить на главном его талант и разум!

С чего начать?

Конечно, с науки. Наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека. Кто это сказал? Антон Чехов? Я это говорю! Всюду, везде есть свои гении. Академик Губкин, например. Помню его по работе в Баку. Спроектировал, как скорее и лучше возродить промыслы. Потом открыл залежи Курской магнитной аномалии, богатейшие месторождения нефти между Волгой и Уралом.

А Лебедев? Предложил метод производства синтетического каучука, который признан лучшим на международном конкурсе. Наконец-то избавимся от резинового голода...

А Крылов?! Легендарный академик. Патриарх и любимец флота. Выдающийся математик, механик, астроном, кораблестроитель... Основоположник теории корабля, принятой во всем мире. Проектировал и строил первые советские лесовозы и танкеры...

Академик Вернадский — наш, можно считать, Леонардо да Винчи — предсказывает век использования внутриатомной энергии, несмотря на то, что Эйнштейн и Резерфорд отрицают такую возможность. Кто окажется прав?.. А Чаплыгин?! Вавилов! Бах! Комаров! Прянишников! Вильямс! Павлов! Обручев! Циолковский! Горький! Да, да, именно Максим Горький, первейший академик по разделу человекознания. Да если такие Архимеды придут к тебе на помощь!..

Крупнейшие ученые стали друзьями и советчиками Серго. Он улыбался, когда они приходили к нему в Высший совет народного хозяйства СССР.

На первое же совещание пригласил Александра Петровича Карпинского, президента Академии наук, академиков Архангельского, Байкова, Губкина, Павлова, Ферсмана. Пригласил молодежь Горной академии — Емельянова, Тевосяна, Завенягина. Они, Серго убежден, способны делать настоящее дело. И будут делать.

— Дорогие товарищи! Друзья! Рад приветствовать вас в стенах учреждения, которое впервые за историю нашего Отечества руководит всем его народным хозяйством. Мы пригласили вас, чтобы вместе помечтать. Давайте мечтать, как Ленин мечтал, с карандашом в руке, с точными выкладками. Что уже разведано у нас настолько надежно, чтобы начать строить рудники и шахты? Что и где разведать, куда бросить ударные отряды геологов? Какая нужна металлургия? Какими должны быть новые домны, мартены, прокатные станы, коксовые батареи? Где их строить?

Вместе набросали громадный план, с картой, с экономическим обоснованием: что выгодно, что выгоднее...

Серго учится. И других учит. Сотни, тысячи специалистов он командирует за границу. Автомобилестроителя Лихачева — в Америку. Металлургов Емельянова и Тевосяна — в Германию, на заводы Круппа, где выплавляется лучшая в мире сталь. Авиаконструктора Туполева и создателя авиамоторов Микули-

на — в Англию, Францию, Италию, в лучшие фирмы, на лучшие заводы. Кроме технического опыта, это приносит еще немало полезных впечатлений и знаний. Наши инженеры точнее оценивают собственные достижения. Вернее соизмеряют силы.

Возвратившись из Германии, Тевосян и Емельянов наперебой рассказывают:

— Совсем недавно мало кто всерьез принимал там истерические — рот до ушей — речи бесноватого Гитлера... Теперь иное дело. Гитлер призывает к захвату жизненного пространства на востоке. Это многим кружит головы. Что-то будет...

— Да, что-то будет, — задумывается Серго. — Но что бы ни было, у нас только одно средство — работа, работа и еще раз работа, только один путь — смелость, смелость и еще раз смелость.

В 1930 году были начаты основные стройки первой пятилетки. За следующий надо было сделать вдвое больше. Понятно, это радовало, но и осложняло жизнь.

Строились Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, Азовсталь и Запорожсталь, Тульский, Липецкий, Криворожский, Тагильский металлургические заводы. Днепрогэс. Шахты и рудники. Автозавод в Москве. Автозавод в Нижнем Новгороде. Автомобильный и шинный в Ярославле. Авиационные заводы. Тракторные. Танковые. Артиллерийские. Судостроительные. Заводы сельскохозяйственных машин. Комбайновые. Химические комбинаты. Электрические станции и линии дальних передач. Заводы тяжелого машиностроения на Урале и в Донбассе — целые города, способные дать машины в тысячи тонн весом, оборудование для домен и мартеновских цехов, шахт, электрических станций, нефтепромыслов, тяжелые экскаваторы, а когда понадобится — тяжелые танки.

Подобного не позволила себе еще ни одна страна за всю историю человечества. Десятки миллионов людей строили, строили, впервые познав свою истинную силу и ценность. Окрыленные, озаренные одной дерзновенно фантастической мечтой, поклоняясь одному-единственному идеалу: «5 — в 4!»

В этом и была судьба Серго. Его боль и забота. Его счастье и звездный час.

За год — всего за один год — в Москве на пустыре, прозванном Сукиным болотом и считавшемся непригодным для застройки, подняли, пустили, освоили тончайшее, сложнейшее производство — завод шарикоподшипников. «Шарик» — так ласково его называли.

На семнадцать месяцев раньше срока пошли поезда по магистрали, соединившей Среднюю Азию с Сибирью. Вступил в строй Турксиб.

Опытные американские инженеры высчитали, что сооружение механосборочного цеха

Сталинградского тракторного потребует ста шестидесяти трех дней, кузнечного — ста семидесяти. Механосборочный возвели за двадцать восемь, кузнечный — за сорок пять.

17 июня 1930 года, за девять дней до открытия XVI съезда партии, с конвейера сошел первый трактор. Его целовали, гладили так, что стерли краску. Пришлось красить заново. Вновь покрашенный, он был отправлен в подарок съезду.

Однако... Сталинградский тракторный, построенный по образу и подобию того самого завода Форда, кинофильм о котором Ленин смотрел в последние дни жизни, выпускал за сутки то шестнадцать машин, то тридцать, а то и... семь. Этакими темпами сто тысяч тракторов не дашь и к концу века.

И Серго едет в Сталинград.

Ветер доносит в открытое окно вагона запахи полой воды, свежей рыбы, молодой травы. Идет навстречу состав, переполненный молодостью, песнями, смехом,— рабочий поезд. Клуб. Жилкомбинат. Фабрика-кухня. Медно полыхают в лучах солнца широкие окна — здание главной конторы представляется сказочно стеклянным. Точь-в-точь, как виделось во снах. Весь завод возникает, как нечто неправдоподобно прекрасное, гармонически стройное, разумное.

Все вокруг вроде бы знакомо по другим заводам. Гул цехов. Запах гари и нефтяных масел. Рев паровозов. Перезвон автокаров. В то же время есть и нечто необычное: тракторы, тракторы, их царственный грохот.

Обходя завод с директором, главным инженером, парткомовцами, Серго любовался тем, как хорошо вписывались корпуса в высокий правый берег. Громады из бетона, стали и стекла будто кто опустил на эту пока еще, к сожалению, не родную для них почву. Да, не родную: построенный по последнему слову техники завод должен давать девяносто тракторов каждый день, а дает...

Словно в противовес Волге с белым пароходом, литейный цех ослепительно черен от кровли до цоколя. Глух и слеп от сажи. Внутри, куда пригласил Грачев, директор завода, было чему подивиться, от чего проникнуться уважением к человечеству, к самому себе.

В литейном зале все дрожит и трясется. Даже снопы света от потолочных прожекторов пропитаны пляшущими пылинками. Закопченный и обгорелый ковш остановлен против желоба печи-вагранки. Удар копья с керамическим наконечником в летку — и огненная струя грозно грохочет в ковш.

Ладонью Серго заслонил лицо от нестерпимого жара. Поднялся по витой лестнице. С площадки печи хорошо видно. Призывая к вниманию и осторожности колоколом, кран несет наполненный ковш. Ленты шести конвейеров везут набитые формовочной землей стальные ящики-опоки. Интересно! Если бы

все постигли красоту и смысл того, что делается рядом, в обыденной обстановке... На футбол смотрим часами: захватывает, ясен смысл борьбы. А здесь? Если бы все умели так остро ощущать суть любого будничного дела!.. С каким азартом следили бы за тем, скажем, как экскаватор копает, как растет кирпичная кладка, как заполняет формы этот чугун...

Формовочные машины грохочут так, что в трех шагах с трудом разбираешь слова. Душно. Пыльно. И неистребим запах горелой земли.

Оторвавшись от провожатых, Серго шел вдоль конвейера. Увлеченно прослеживал путь от деревянной модели до чугунной отливки. Движения машин и людей сноровисты, четки, исполнены достоинства. Ничего лишнего. Суета и спешка не к лицу мастерам.

Походил, присмотрелся: не все так разумно, как показалось на первый взгляд. Остановился у камеры для выбивания отливок из форм. Рабочий в защитной маске черной ладонью отер черный лоб. Саданул кувалдой по блоку цилиндра так, что тот развалился, испустил дух черными клубами вверх в вытяжку: «Ломать — не строить!» Труд целой армады машин и рабочих насмарку. Тоска по сгубленному труду и металлу захлестнула Серго. Внимательно осмотрел курганы горелой земли. Их разбивали кирками и ломами, разгребали лопатами, увозили тачками.

— Субботник,— объяснил директор завода.— Технический отдел работает.

— Инженеры?! — Серго с трудом сдержал ярость.— А скажи, дорогой, что значит слово «инженер». И вы не знаете? — обратился к работникам технического отдела, вооруженным метлами.

Большинство еще усерднее налегли на свои «орудия». Смущенно, с любопытством поглядывали на легендарного большевика. Серго видел, что люди хотели поговорить с ним. Но не решались, робели. «Неужели я похож на сановника?» Приподнял фуражку со звездой. Вытер лоб тыльной стороной ладони. Расстегнул длинную шинель, точно душу распахивал. С обычной бесстрашной искренностью кинулся в разговор:

— Не знаете, что обозначает имя вашей профессии, вашего призвания? «Инженер» — французское слово, от латинского «ингениум» — «способность, изобретательность». Выходит: «способный, изобретательный». Наверное, и «гений» отсюда же.

Удивились. Заинтересовались. Обступили его, заговорили все разом, наперебой. А он спокойно, не возвышаясь и не унижая упреками, но настойчиво, знай, гнет и гнет свое:

— Сколько еще продлится субботник?.. Стало быть, придете домой после трех часов ночи. А в семь вставать...— Повернулся к директору: — Товарищ Грачев, ты считаешь, это достаточный отдых для того, чтобы с утра инженер был способным, изобретательным?..

Весь следующий день Серго ходил по заводу. И всюду видел то же самое: грязь и беспорядок. Вдоль главного конвейера бежал, неистово ругаясь, мастер в засаленном синем комбинезоне. Возле колонны с пусковой кнопкой и таблицей учета выпущенных тракторов поджидал его спортивного вида молодец, обтянутый коротковатой кожанкой. Как выяснилось, корреспондент заводской многотиражки. Захлебываясь бранью, мастер остановил конвейер.

— Тракторы готовые ждут, а конвейер стоит...— Корреспондент обратился к Серго за поддержкой.— Я и пустил. План надо...

— Вон из цеха, пока я не посадил тебя! — сорвался Серго и спросил мастера: — Часто у вас так?

— Да, почитай, каждый день. Умельцев бы нам столько, сколько романтиков! — Объяснил толково: — Здесь, на выходе, за сушильной камерой, всего пять готовых машин. А перед красильной сборщики зашились, я и остановил конвейер. А этот!.. Конвейер пошел, ребята мои растерялись.

— А скажи, дорогой, ты сегодня сотню тракторов мог бы собрать?

— Обеспечьте равномерную подачу деталей... Думаете, интересно прохлаждаться? Поденщик я или мастер? Люблю работу. И она меня любит. Беда, что каждый тут, товарищ Серго, сам по себе. Это при конвейерном-то производстве! Неорганизованность, неслаженность — отсюда и темп черепаший. Никто ничего не умеет, корят...— Со значением глянул на директора.— Да мы, тульские, блоху подковали! А ленинградцев сколько на подмогу прибыло — путиловцев, кадровиков! Да Форда вашего за пояс заткнем.

— Хвастаешь, небось?

— Эх, не знаете вы Егора Кузнецова, товарищ Серго. Дайте только порядок и ритм!..

— Дальше один пойду,— объявил Орджоникидзе Грачеву.— Хочу с рабочими потолковать. Может, больше скажут, чем вы.

— Позвольте остановить завод! — взмолился директор.— Дайте мне десять дней!..

— Нет у меня их, дорогой.— Серго с состраданием оглядел его.

И директор понимал, что нельзя останавливать завод ради наведения порядка. Но устал так, что не только сердце, кости болели. Забыл, когда ел не на бегу, когда спал досыта. Забыл, когда последний раз виделся с детьми: он уходил из дому — они еще спали, возвращался — уже спали. И Серго видел все это по его землистому лицу. Понимал по ввалившимся глазам сдавшегося человека. Чувствовал все это, но спросил:

— Знаешь, какое кино Ленин смотрел в последние дни жизни?

— Откуда ж мне знать?

— О производстве тракторов.— Подумав, добавил: — И Гитлер торопит...

Через одиннадцать — всего через одиннадцать! — лет здесь разразится битва, что опре-

делит ход истории во второй половине века. Ни директор, ни Серго до тех пор не доживут. Но завод даст тысячи тракторов и танков.

Рабочие тракторного, отражая непрерывные атаки на завод, не уйдут из цехов. Восстановят тысячу триста подбитых танков. В критический момент, когда будет решено взорвать завод и заложат взрывчатку, комиссар фронта — недавний секретарь обкома партии — доложит об этом в Москву. Москва спросит: «Рабочие будут защищать взорванный завод?» — «Нет».— «Не взрывайте». И завод выстоит до конца.

Ничего этого не увидит, не узнает Серго. Но чтобы так случилось, он жил и работал.

Директор пожаловался:

— Невозможно, немыслимо...

Серго так жалел его, так хотел видеть его не умирающим, а счастливым в кругу семьи. Будь здоров! Живи сто лет! Но ответил:

— Нет у меня десяти дней.— И пошел навстречу движению конвейера от ворот, из которых выходили готовые трактора.

В столовой кузнечного цеха подсел к обедавшим рабочим:

— Как кормят?

Крайний достал из кармана обшарпанную деревянную ложку:

— Отведайте.

Зина строго наказывала, чтобы не ел ничего вне дома. Да и сам лучше Зины знал: нужна диета. С его почками, вернее, с оставшейся почкой, любая случайная трапеза может стать роковой. Но со всех сторон смотрели рабочие: побрезгует Председатель ВСНХ нашей похлебкой? Не объяснишь, что он хлебал и тюремную. Принялся есть из одной тарелки с соседом, чинно, в очередь опуская ложку со своего краю, как требовали давно известные ему правила артельного харчевания. Про себя тосковал и смеялся: «От такой еды не заболею! Более, чем диетическая!» Борщ оказался, и впрямь, водой с сеном, как аттестовал напарник по тарелке.

Чтобы у народа была еда, нужны тракторы. А чтобы тракторы были, нужна еда!.. Что сказать в ответ на ожидающие взгляды рабочих? Ничего, мол, ребята, подтяните пояса потуже? Наобещать: скоро лучше будет — и уехать? Виновато развел руками:

— Уел ты меня, дорогой, под дых. Но ничего обещать не могу. Будет еще труднее. Возможно, не удастся и мир сохранить.

— Спасибо за правду... Не сулите златые горы... Набегут нашенские, здешние агитаторы и айда-валяй: кисельные берега, молочные реки. Плетут про дома с хрустальными стенами, а киоска путного не выстроили. Про комнаты для каждого с пылесосами, а в бараках!.. Да, нет. Вы не расстраивайтесь. Теперь живем! Тепло пришло, а раньше... Крыши текут. Утром встанешь — на полу по щиколотку воды. Пока до выхода дотяпаешь — мокрый, как котенок, зубы стучат. Печка топится, да разве весь белый свет обогреешь? Одеяло теплое одно на всю бригаду, по очереди одевались. Говорят, ничем тараканов не вывести. Врут. Наши сами разбежались... Да вы не расстраивайтесь, товарищ Серго. На пустыре город подняли — настоящий, с кирпичными домами... Раньше я ничего не умел, а теперь — пожалуйста, и за плотника, и за бетонщика, и в кузнице вот. Разве мы не понимаем? Мы ж по собственной воле. Комсомольцы. Стране надо — не вам, не мне...

— И мне, и ему, и тебе, дорогой,— поправил Серго.

— И то верно! Вперед — и никаких гвоздей! Так ведь?..

Все же Серго ушел расстроенный, недовольный и собой, и окружающим. Вечером на собрании работников завода он сказал:

— Каждому из нас совершенно ясно, что та колоссальная борьба, которую мы ведем сейчас на селе, переводя старое, допотопное, раздробленное крестьянское хозяйство на социалистические рельсы, может быть закреплена и увенчана успехом только в том случае, если СТЗ будет давать... один трактор за другим. Мы этот завод строили не для того, чтобы удивить мир тем, что вот, мол, мы на пустыре, где много столетий ничего, кроме пыли, не было, воздвигли завод,— ничего подобного...

Колоссальный завод, махина. Но не мы им владеем, а он нами. Мы барахтаемся беспомощно. При тех машинах, которые имеются у вас, требуется дисциплина такая же, как от красноармейца, который стоит на посту... А у вас...

Но я не хочу этим сказать, что люди на заводе не годятся, что рабочие здесь плохие. Вчера ночью я стоял около двух часов у конвейера и видел рабочего, который прямо-таки горящими глазами впился в трактор, сходивший с конвейера, и с величайшим наслаждением следил за ним. Это можно было сравнить с картиной, как отец ожидает своего первенца. Жена рожает, а он в тревоге, и радуется, и отчасти боится...

Вчера ночью люди, которые днем кончили работу, вышли на субботник и убирали литейную, говорят, до трех часов. В какой еще стране вы найдете, чтобы люди, которые только что кончили работу и утром должны выйти на смену, чтобы они работали еще и ночью!..

Может быть, кто-нибудь скажет, что среди одиннадцати тысяч все рабочие — энтузиасты?.. Конечно, много прощелыг, лодырей. Но если взять коллектив в целом, так это — золото. Они отдают все свои силы, хотя и жалуются, что продовольствие плохое...

То, что я вижу у вас, это не темпы, а суета. Вы не знаете, что вам нужно делать, хватаетесь то за одно, то за другое, то за третье, барахтаетесь, как обезглавленная курица...

Вашему покорному слуге через каждые де-

сять дней приходится держать ответ за ваш завод перед нашим Политбюро... Политбюро каждую декаду ставит в повестку дня вопрос о работе Сталинградского тракторного завода...

Техника — это большое дело, мы не можем ее сразу осилить. Но большие ли знания нужны, чтобы следить за чистотой?.. Я вчера говорил товарищу Грачеву: пожалуйста, эти субботники не повторяй, потому что вымотаешь силы...

Расстроенный и усталый до изнеможения, затемно возвращался он к Зине. Она встретила его на путях. Видно, долго ждала на таком свежем после заката ветре из не прогретых еще степей Заволжья.

За ужином возбужденно рассказывал об увиденном и услышанном. Она слушала не из деликатности. Все, что было интересно и важно ему, волновало и ее. Она вся была в его помыслах, заботах.

После ужина, когда Зина затихла в спальном купе, Серго тоже прилег. С наслаждением вытянулся. Поглядывал то на плотно занавешенное окно, то на голубоватый ночник в потолке, то на стопку журналов с недочитанным романом Алексея Толстого «Петр Первый».

Хорошую речь вы произнесли, товарищ Орджоникидзе, но... Кроме рекомендаций, что еще в ней? Не густо. Варварскими методами изволите искоренять варварство. Со временем наверняка будут иные средства, научные системы управления, а пока... Я — система управления. Пиковая нагрузка на мне и требует безусловной надежности, предельного энтузиазма: надорвись, но сделай. Но позволь. Ильич рассчитывал строить социализм не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма. Чувствуешь, какая разница? Осторожно встал, подобрал сползавшее с постели жены одеяло. Не одеваясь, вышел в коридор.

Верно, Зина слышала, но притворилась, что спит: привыкла к его ночным бдениям. Считает: как бы он ни нуждался в отдыхе, размышления для него лучший отдых. Может, в этом и лучшее лекарство?

Нет, он не считает себя инвалидом. Ученые говорят, будто при страшнейших бедствиях исчезают многие болезни. Во время голода и гражданской войны не было язвы кишечника, заболеваний сосудов. Врачи, которые не щадили себя в борьбе с чумой и холерой, сами заражались редко. Должно быть, страстная, увлеченная работа на благо других поднимает устойчивость организма? Не зря же английский поэт Теннисон советует: «Дерзать, искать, найти и не сдаваться». Может, и Зина верит в это? Потому и не мешает мне исцеляться этим.

В просторном, освещенном заводскими всполохами салоне окна не были зашторены. Просматривались редкие мутные звезды на весеннем небе, фонари цехов, сигнальные — зеленые, красные, желтые — огни бакенов и буксиров на Волге.

Оперся на массивную трубку полевого телефона. Включил настольную лампу, соединенную с городской электрической сетью. Достал из ящика блокнот, с которым ходил по заводу. Просмотрел записи...

Где то главное звено, ухватившись за которое вытянешь всю цепь? В чем оно? В ком? Бить кувалдой можно заставить человека, но думать силой заставить нельзя... Весь уровень жизни в стране предопределяет ход сталинградского конвейера — всю культуру. И революцию мы делали не в последнюю очередь затем, чтобы утвердить культурные ценности, достойные человека, осуществить призвание, предназначение каждого, развить — как это у Маркса? — все человеческие силы безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу. Беспредельно.

Что из этого следует? Очередное «однако» — утверждение новой культуры идет в смертельной борьбе с отжившим. В первом году пятилетки у нас на сто жителей было сорок три неграмотных, в Соединенных Штатах и Франции — шесть, в Германии — ноль целых четыре десятых. А сейчас сколько? Не знаю. Почему не знаешь? Должен знать. Обязан. Ильич предупреждал, что построить социализм нельзя, пока в стране есть неграмотные.

Встал. Прошел по салону. Остановился возле окна. Красиво: ночной заводище на берегу великой реки. Потушил лампу, чтобы лучше видеть. Волга... Родная река Ильича. Как он в Париже тосковал по ней! Что бы Ленин сделал на моем месте? Погоди!..

Кинулся к столу, точно испугался, что сбежит. Включил свет, перебрал книги. Есть же формула, математически точная формула Ильича! Ага! Вот она: «Черпать обеими руками хорошее из-за границы: Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм».

Как здорово! В который раз глянул на завод. Хорошо, что остановился не в гостинице, а здесь, на заводских путях. Лучше видишь — лучше думаешь, лучше чувствуешь себя. Правильно сказал я им там, заводским: «золото они». Живут в бараках, на обед вода с сеном... За одиннадцать месяцев подняли такой завод посреди степи. Да с этими людьми!..

Душа должна работать. Мобилизовать все резервы души! Стремиться к невозможному! Только такая жизнь достойна интеллигента. Только в ней счастье.

Светает, однако...

Погасил свет, возвратился в купе.

Жена спросила совсем не сонно:

— Надумал?

— До чего ж это здорово, Зиночка, жить!

Вера ВОЛКОНСКАЯ

СПАСАТЕЛЬ

Что это за мальчишка такой мчится на лошади во весь опор, да еще прямо к морю? Не иначе как один из тех безнадежных сорванцов, которых называют «мальчишка из мальчишек»...

Вот он уже скачет по воде.

Э-э-эй! Мне хочется крикнуть, удержать его от безрассудного поступка. Он может утонуть вместе с лошадью.

Но чертенку-мальчишке этого было мало. Он резко направил лошадь в глубину, и она поплыла. Куда они? Зачем?

Я не сразу поняла, что набежавшая сердитая волна слизнула в море двух малышей, копошившихся у самой воды. Один из них умел плавать и был уже на берегу, а другой... Он беспомощно барахтался в воде, пытаясь выбраться, но прибой накрывал его с головой и увлекал в пучину все дальше.

Так вот оно что! Оказывается, мальчишка на лошади вовсе не озорник, а смельчак... Он бросился спасать тонущего ребенка.

Но вот уже показалась из воды его белая лошадь, мальчишка, весь мокрый, сидел в седле, а поперек лежал до смерти перепуганный малыш, по неосторожности своей ставший игрушкой коварного Флоридского пролива.

— Э, как тебя зовут? — спросила я, подходя к отважному юному всаднику.

— Мариэла.

— Так ты девочка? — одновременно удивилась и испугалась я, хотя бояться уже было нечего.

Мы познакомились.

И я узнала, что девочка унаследовала боевой характер своей матери, национального героя Кубы.

Мариэла... Как же я приняла ее за мальчика? А очень просто. Она ведь на девочку не была похожа: в шортах, дочерна загорелая, очень самостоятельная и очень смелая.

ЗМЕЙ-РЫБОЛОВ

На Кубе ребята ловят рыбу воздушным змеем. Главное — запустить змей с набережной подальше, когда ветер дует в сторону моря. Леска с крючком свисает с веревки, удерживающей змей.

Хуанито опустил крючок далеко от берега, где рыба никак не ждет и не боится человека.

И вот в какую-то минуту змей вздрогнул и нырнул по воздуху к самой воде.

Почувствовав напряжение натянувшейся и потяжелевшей веревки, Хуанито радостно заработал руками. Но что это? В воде извивался клубок сплетенных мышц. Попалась огромная мурена, рыба-змея, укус которой ядовит.

Леска впилась в тело мурены и, пытаясь освободиться, рыба-змея запутывалась все больше.

Пока Хуанито тащил мурену, собралась толпа. Вездесущие иностранцы ахали на своих иностранных языках, и, когда мурена уже билась на мокром асфальте набережной, любопытные туристы сбежались со всех сторон.

Рыба-змея была цвета ржавчины, толщиной в руку взрослого человека. Она напоминала клубок из нескольких замысловатых узлов, которые отчаянно извивались.

— Ну, Хуанито, молодец! — сказал проходивший мимо старый рыбак.— Ты ведь поймал ту самую мурену, из-за которой мы все боялись купаться даже у берега!

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ

3—4. «Пионер» № 11.

Маша ИГНАТЬЕВА, шестиклассница из Москвы.

Я думаю о мире

Если б нам соединиться,
Всем ребятам подружиться,
Если бы объединились
Все деревни, города,
Не лились бы больше слезы
На планете никогда!
В небе, на воде, на суше
Голубь мира бы парил,
Каждый бы на белом свете
Нам о мире говорил.

Книги

Учимся мы долго в школе —
Дни, недели и года —
И подружки наши, книжки,
Помогают нам всегда.

*

Алеша ВОЛКОВ — семиклассник. Живет он в городе Липецке, занимается в поэтическом клубе «Альтаир» Дома пионеров Советского района.

Друзья

Полился дождь как из ведра,
И нам домой спешить пора,
Ведь во дворе темным-темно
И ждут родители давно.

Но мы в подъезде все стоим,
Вдвоем на улицу глядим —
И нам не хочется домой:
Ведь лучший друг стоит с тобой!

«Очень люблю писать стихи, хотя их у меня мало и пишу я редко, только когда есть настроение. Диана ЗЕВИНА». Диана учится в 7-м классе школы №4 города Бердичева Житомирской области. Украинской ССР

У нас одна Земля

У нас одна Земля, одна,
Она такая голубая.
Нас к помощи зовет она,
Незащищенная такая...

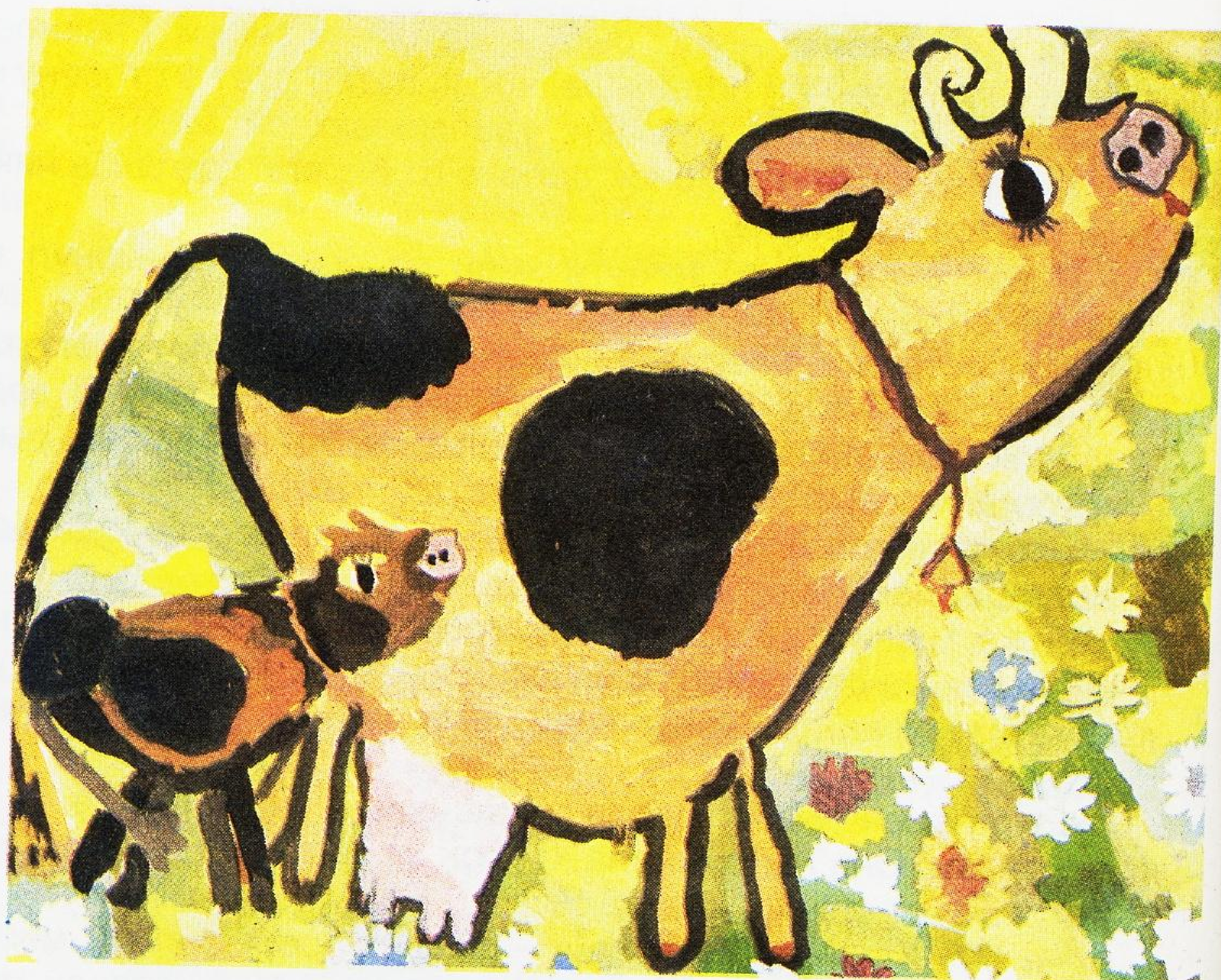
Не отзовешься — в тот же миг
Она нам бросит в обвиненье:
«Не защитили, не спасли!»
Спаси, спасите эту Землю!

На ней одной цветут цветы,
На ней одной смеются дети,
И нет прекрасней красоты,
И нету голубей планеты.

Она дарила радость нам,
Дарила росы и рассветы,
И не найти по всем мирам
Прекрасней матери-планеты.

*

Девятилетняя Марина РЫНДИНА назвала свой рисунок «ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА».

«ТИГР В ЛЕСУ» — *рисунок Маши БУЛАТОВОЙ. Ей 13 лет.*

«Мне 9 лет, я учусь в третьем классе школы №3 города Шевченко Мангышлакской области. Играю в шахматы. Хожу в секцию самбо. Люблю читать стихи Пушкина, Есенина, Некрасова. Вечером я делаю уроки, а утром, когда меня что-то волнует, пишу стихи и рассказы. Еще люблю кататься на машине. С уважением Андрей ГРИНЕВ».

* * *

Мне скоро десять.
Я учусь.
Я в жизни одного боюсь:
Чтоб годы не пропали зря.
Ищу пути,
Ищу себя.
Хочу пройти по жизни век
Не как случайный человек!

* * *

Зима!
Зима!
В снегу крыльцо,
Береза в серебре.
Снежинки сплетены в кольцо,
Горят в ее коре.
В снегу дома,
Недалеко заклеилась река.
А воздух!
Дышится легко.
Пропали облака.
Как жаль —
Уходит старый год,
Десятый мой в пути...
Небесный сыплет дырокол
Снежинки-конфетти.

Саше ЗИНОВЬЕВОЙ 11 лет, она живет в Москве, учится в 6-м классе школы №36.

Кружево на стекле

День сегодня холодный. Стужа.
Заморозил окно мороз.
Распустилось чудесное кружево,
Словно тысяча маленьких звезд.

Осенним вечером

Воздух сухой и холодный
Мое обжигает лицо.
Поздним осенним вечером
Вышла я на крыльцо.

Тихо кругом. Лишь звезды
В черной блестят вышине.
Качаются ветви деревьев.
И страшно, и весело мне.

Давно, давно стояли города...

Давно, давно стояли города,
В них люди жили, улыбались и смеялись.
Но проносились дни, часы, года —
Теперь одни развалины остались.

Давно, давно стояли города,
Прошли сквозь горести огромные и беды,
Но побеждали люди там врага
И праздновали громкие победы.

Давно, давно стояли города,
Хоть стены крепкие разрушены давно,
Жива о прошлом память все равно!
Ее уж не разрушить никогда!

Г. ИСКРЖИЦКИЙ,
кандидат архитектуры

Рисунки И. ПАНКОВА.

ПО УЛИЦЕ МОСТОВОЙ...

Лицо города

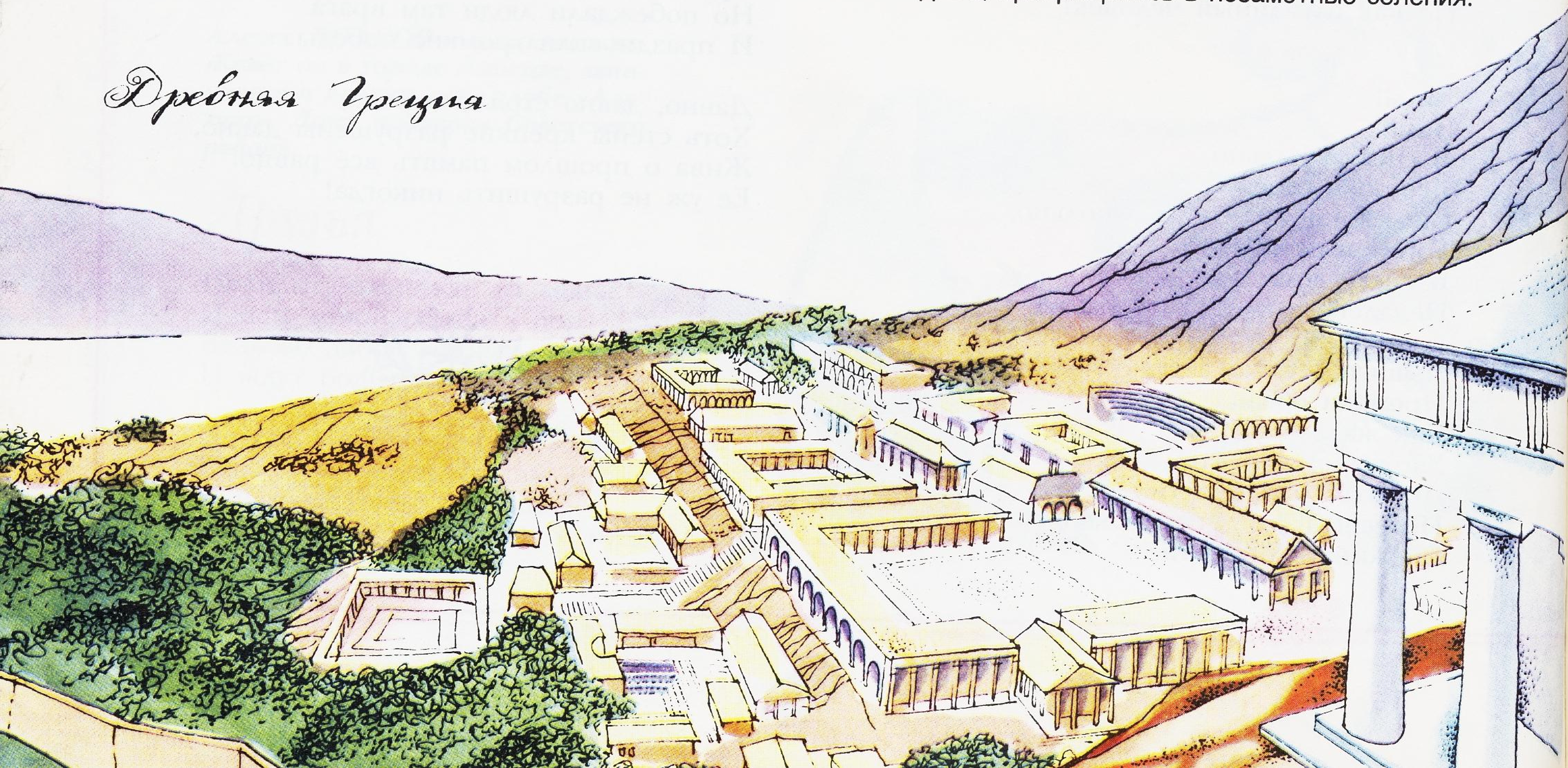
Люди возводят города уже несколько тысячелетий. Сколько городов было построено за это время на земле? Вряд ли кто-нибудь знает точно. Однако с уверенностью можно утверждать, что ни один город не похож на другой. А что определяет лицо города? Конечно же, улица. Если совершить воображаемый полет над городами разных эпох, то с высоты можно отчетливо увидеть — здесь улицы, причудливо переплетаясь, создают затейливый узор, там они, образуя гигантскую сетку, делят город на геометрически правильные пространства.

Археологические раскопки свидетельствуют, что еще в глубокой древности люди имели представления о наиболее удобной планировке городов, их очертаниях, о рациональном размещении улиц и отдельных зданий. Самый древний дошедший до нас градостроительный документ — глиняная дощечка с планом города Ниппура, который существовал три с половиной тысячи лет назад в Месопотамии.

Теорией градостроительства занимались такие выдающиеся мыслители, как Платон, Аристотель и даже «отец медицины» Гиппократ. Именно с Древней Греции регулярный (с взаимно перпендикулярными улицами) план города начинает свою жизнь. Этот план — детище греческого теоретика и практика градостроительства Гипподама, который жил в V веке до нашей эры. Но самый значительный античный теоретик архитектуры и градостроительства — римский архитектор I века до нашей эры Витрувий. Он написал «Десять книг об архитектуре» — подлинную энциклопедию строительного искусства. Столетия она оставалась теоретическим и практическим руководством для специалистов.

Греческий регулярный план становится основой римских военных лагерей-городов. Он присутствует в проектах архитекторов Ренессанса и является почти единственной планировочной системой эпохи классицизма. Просуществовав до XIX века, этот тип плана и сегодня в том или ином виде возвращается в современные градостроительные проекты.

После распада Римской империи градостроительство Европы приходит в упадок. Вплоть до эпохи Возрождения не было создано ни одной теоретической работы по архитектуре, а города, вчера еще многолюдные, превращались в незаметные селения.

Лишь с X—XI веков в средневековой Европе вновь расцветает градостроительство. Часть городов возникла на месте римских военных лагерей и сохранила их регулярную планировку, другая часть выросла на нерегулярных планах бывших торговых колоний, вокруг замков феодалов и крепостей.

Город, возникший вокруг центрального ядра, увеличивался, «наращивая» слои застройки. И каждый раз город обносили новой крепостной стеной. Дороги, сходившиеся к центру, образовывали радиальные, а проходившие вдоль крепостных стен — кольцевые улицы. Так возникла радиально-кольцевая планировка. План такого города похож на поперечный срез дерева. Подобный путь развития прошла, например, Москва.

Каждая эпоха и каждое общество стихийно или сознательно преобразовывают города, полученные в наследство от прошлого, приспосабливая их к своим потребностям. Меняется и лицо города — его улицы. Давайте совершим небольшое путешествие по некоторым городам в разные периоды их истории и познакомимся с тем, как «живут» улицы во времени и как при этом меняют свой облик.

«По широкой столбовой...»

Слово «улица» появилось на Руси очень давно. «По улице мостовой, по широкой столбовой, по широкой столбовой шла девица за водой»,— поется в старинной русской песне. Уже в X—XI веках главные улицы русских городов покрывали сбитыми в ряд бревнами, которые называли «мост». Отсюда и «мостовая».

Как выглядела пять столетий назад московская улица? Пройдем из одного «конца», как тогда называли районы города, к центру — Кремлю. Ширина улицы около 12 метров: по тем временам значительная. В этом есть резон: меньше опасность пожара. Ведь город вплоть до XV века целиком состоял из деревянных домов и часто страдал от многочисленных пожаров.

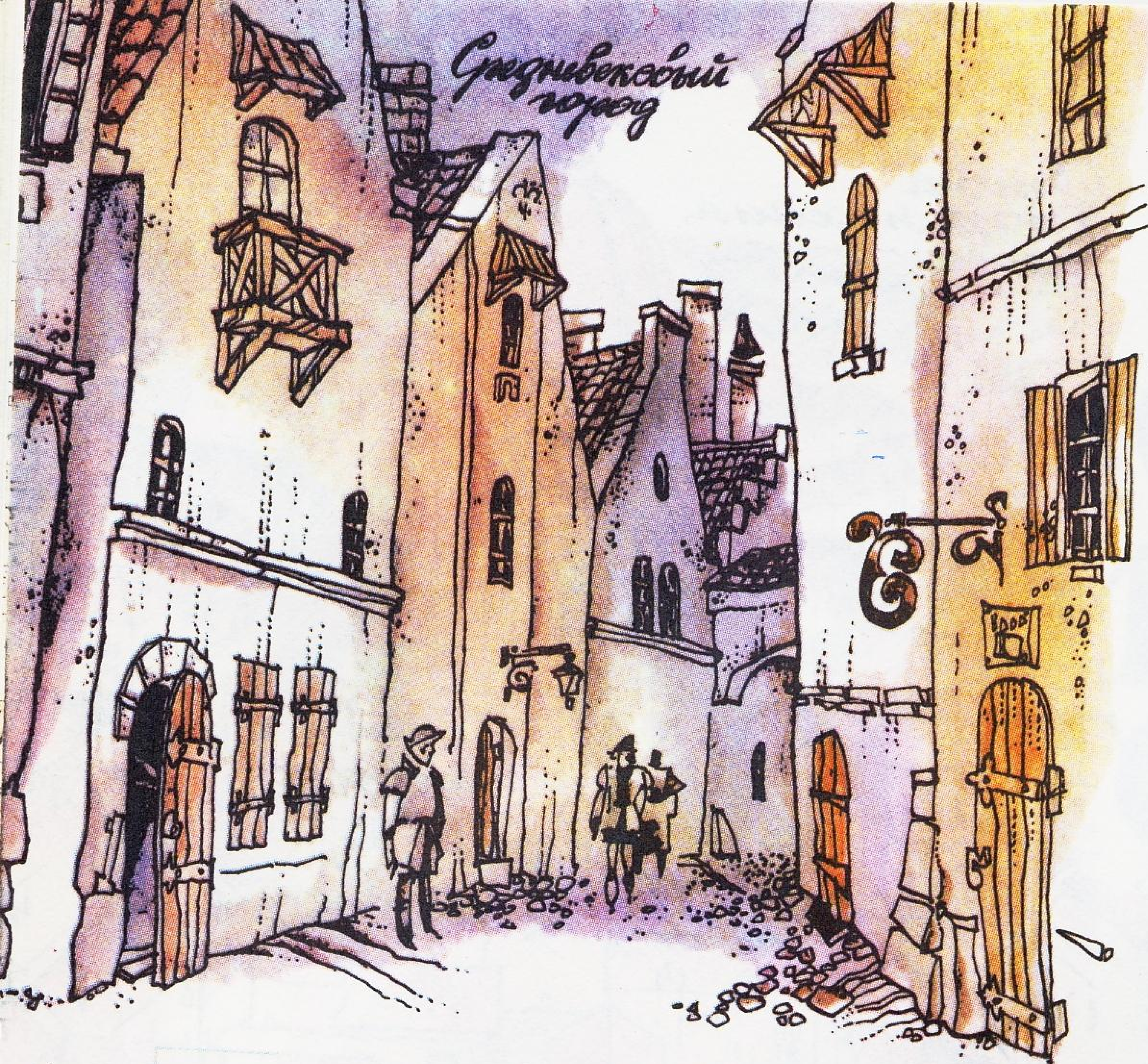
Вдоль улицы глухие заборы из остроконечных кольев. Крепкий частокол из еловых или дубовых бревен прерывают лишь не менее солидные и прочные ворота или глухие стены хозяйственных построек. У каждого горожанина свой «двор» — усадьба с жилыми и хозяйственными постройками. Здесь производят почти все, что необходимо для жизни семьи. Поэтому горожанину можно довольно редко выходить на улицу...

А как выглядят улицы европейских городов, расположенных за тысячи верст от Москвы?

Лабиринт из камня

Еще издали силуэт города ершится многочисленными башнями. За главными воротами — лабиринт извилистых улочек. Огромным крестьянским повозкам здесь тесно. Да это и неудивительно: самая широкая улица, например, в средневековом Париже — 8 метров. Там есть и улицы, на которых не могут не только разъехаться два всадника, но даже разойтись две

ширина их непостоянна. А вот и река. Однако она не помеха для улицы.

Улица над водой

У реки улица переходит в мост. Он совсем не похож на современные мосты. По обеим его сторонам тесно прижались друг к другу харчевни, лавки торговцев, мастерские ремесленников, конторы денежных менял. Мост стороной не объедешь. Вот и облюбовали его предприимчивые торговцы и ремесленники. Такие многоэтажные мосты-улицы с крытыми пассажами, то есть проходами, строили во многих средневековых городах Западной и Восточной Европы. Некоторые из них существуют и поныне, например, в итальянском городе Флоренции и немецком городе Эрфурте.

дородные горожанки с покупками. В южных итальянских городах, где дует горячий ветер «сирокко», ширина улиц не превышает 3 и даже 2 метров. Лишь улицы чешских и германских городов, вытянутые от городских ворот до ратушной площади, несколько шире. Эти улицы, на которых торговали привозными товарами, назывались «длинным рынком».

Узкие улицы не имели тротуаров, не были часто и замощены. Город буквально утопал в грязи. Жители, например, Парижа отваживались покидать свои дома не иначе, как верхом на лошади или в высоких охотничьих сапогах.

В городе, зажатом крепостными стенами, на учете каждый клочок земли. Это вынуждает жителей тянуть дома вверх. Плотно прижатые друг к другу, дома слились в одну непрерывную стену. Лишь цвет да отделка фасадов отличают один дом от другого. Множество балконов: деревянных, каменных, металлических,— открытых и закрытых галерей повисло над улицей. Тяжелые дубовые двери домов навешены на массивные железные петли с затейливым рисунком. Стены вокруг дверей украшены рельефом из камня или росписью. Окна самой причудливой формы: квадратные, вытянутые, щелевидные. Часто над входом в дом висят металлические крендель, сапог, рукавица: они показывают, чем занимается хозяин.

Улицы нередко меняют свое направление, да и

«Невская першпектива»

В эпоху Возрождения возникло представление о городе как о произведении искусства. В конце XVI века в Риме начинают прокладывать прямые улицы, соединяющие наиболее значительные общественные здания. На пересечениях этих улиц размещают обелиски, фонтаны. Прямые улицы, проходящие через большие территории города, получили название проспектов (от лат. prospectus — вид, обзор)...

Гром пушек на пустынных болотистых берегах Невы в мае 1703 года возвестил миру о рождении северной столицы России — «Санкт-Питер-Бурха». Это событие — историческая веха в русском градостроительстве, рождение нового градостроительного мышления.

Петр I желал придать своему детищу облик, не уступающий облику лучших регулярных городов Западной Европы. Он считал, что улицы должны быть прямолинейны, дома надо размещать вдоль улиц по внешним границам кварталов. Подобной застройки до того времени не знали русские города с их извилистыми улицами.

...Ровный строй зданий по обеим сторонам улицы подчеркивает строгость перспективы Невского проспекта. Однородность застройки нарушается в местах, где проспект пересекают реки Фонтанка, Мойка и канал Грибоедова. В глубине сквера возникает изящный фасад театра имени А. С. Пушкина, а через несколько кварталов — великолепная колоннада Казанского собора. Двигаясь по проспекту к центру, мы все время видим башню Адмиралтейства...

Петербургъ. Начало XVIII столетия.

Зеленое ожерелье

На рубеже XVII и XVIII столетий в городах, кроме проспектов, появляются и бульвары.

Если взглянуть на план Москвы, бросается в глаза зеленое полукольцо, огибающее центральную часть города и упирающееся в извилистую ленту Москвы-реки. Это изумрудное ожерелье, словно наброшенное на город,— бульвары. Слово «бульвар» происходит от французского boulevard, преобразованного из немецкого Bollewerk — городской вал, бастион.

Какая связь между зеленью и бастионами? Дело в том, что к началу XVIII века военная техника шагнула так далеко вперед, что традиционные укрепления: валы, стены, рвы — оказались не в состоянии защитить город. При реконструкции их начинают разбирать, а на их месте появляются озелененные улицы.

Первый бульвар был создан в Париже в 1670 году. Архитекторам очень понравился этот тип улицы. Почему? Среди тесно расположенных домов появилось широкое зеленое пространство. Листва деревьев и кустарников скрывает великое множество самых разных «лиц» домов, выходящих на бульвар, а ряды стволов деревьев создают строгость перспективы и общую гармонию пространства. Так появились Большие бульвары Парижа, бульварное кольцо Москвы, Рингштрассе в Вене.

К концу XIX века бульвары постепенно превращаются в улицы, по которым оживленно движутся транспорт и пешеходы. В этот период бурно развивается промышленность. Как существовать городам в этих новых условиях?

Каменный коридор

Столица Франции — первый крупный город, «откликнувшийся» на промышленную революцию. Город, в котором уже в то время жили свыше миллиона человек, в середине XIX века рассекли бесконечно длинные улицы, улицы-коридоры, застроенные в основном шестиэтажными домами, плотно прижатыми друг к другу.

Длинные широкие улицы получили во Франции, а затем в США, Великобритании и некоторых других странах название авеню. Огромные размеры авеню рождали у современников ощущение величия города, чувство парадности. К тому же на широкой улице легче двигаться и транспорту. А его на рубеже XIX и XX веков в городах становилось все больше. Сегодня сплошной поток автомобилей заполнил «каменные коридоры» крупных старых городов.

«Универсальной» городской улице пришел конец. «Что же делать? — задумались градостроители. — А что, если «специализировать» улицы по назначению?»

Дорога автомобилей

Стремительно несется по шоссе разноцветный поток автомашин. Вот и кольцевая автодорога. Машина ныряет под мост, и мы — в городе. Однако где же

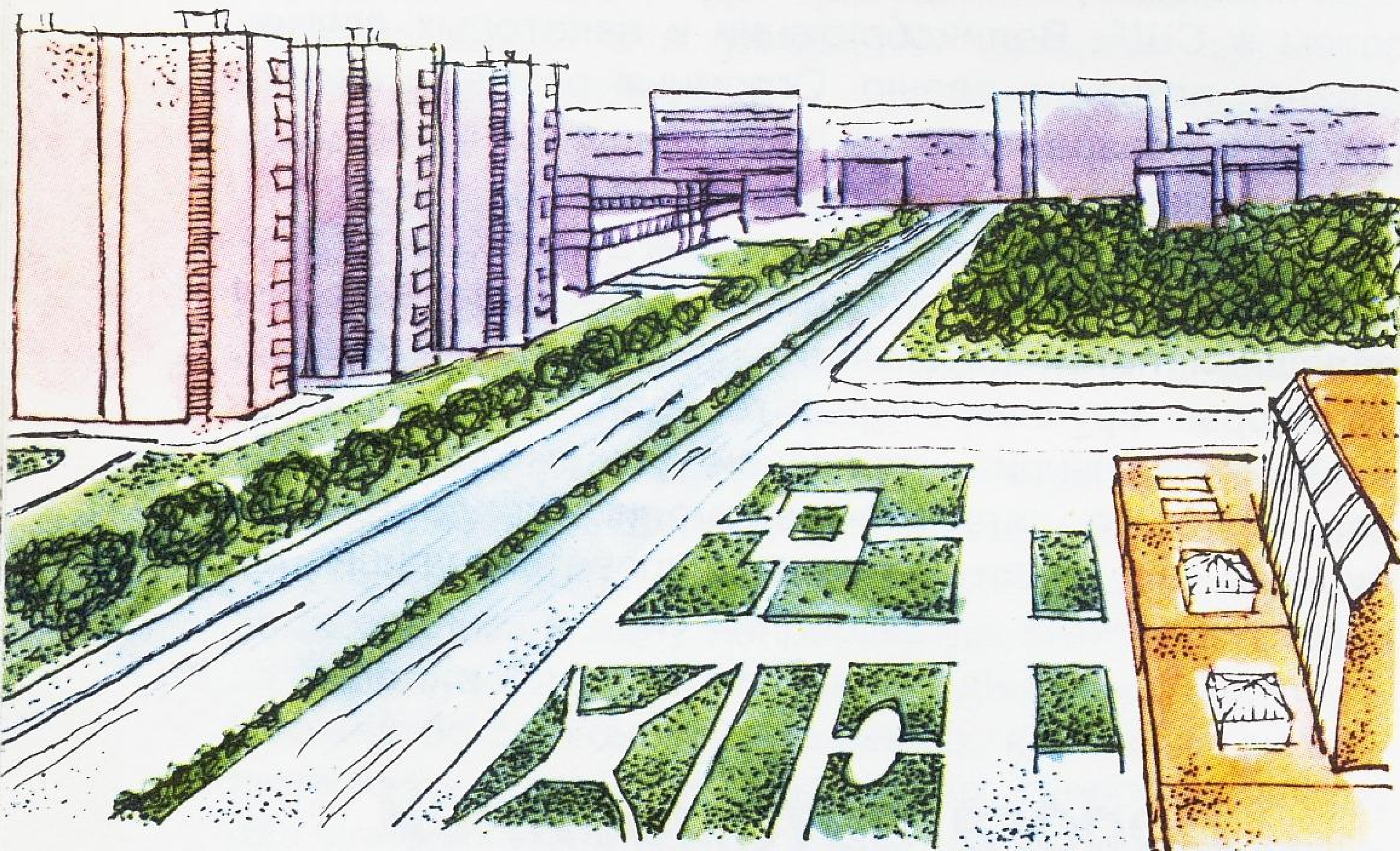

привычные дома, тесно прижатые друг к другу вдоль улицы? Ничего подобного нет: лишь плотная стена зелени по обеим сторонам проезжей части. Не видно и людей. Мы движемся по улице для автомобилей. Машина делает поворот и, миновав полосу деревьев и кустарников, защищающих дома от шума, пыли и выхлопных газов, въезжает на специальную стоянку. Дальше двигаться на машине нельзя: там — «царство» пешеходов.

Пешеходная аллея

Густые кроны деревьев нависли над нарядной аллеей с магазинами, кафе, ресторанами, дискотеками, кинотеатром. Цветные плиты заменили привычный асфальт. Пестрая толпа сияет радостными лицами, слышны шутки, смех. Здесь люди разных возрастов, и всем есть занятие по душе. В тени — уютные уголки отдыха с красивыми скамьями и цветниками. Кое-где зелень, расступаясь, образует площадки с фонтанами. С наступлением темноты начинается праздник искусственного света: блеск витрин, «бегущий» огонь реклам, разноцветье фонтанных струй... Как все это не похоже на старые бульвары! Но и они — «ветераны» — сегодня не забыты. Там, где это не нарушает жизни города, бульвары превращают снова в пешеходные улицы для торговли, отдыха и развлечений.

...К полуночи гаснут огни на аллее, редеет толпа. Люди расходятся по домам. Они рядом — на соседней улице.

Улица-«змея»

Здесь, среди почти нетронутой природы, привычной для нас улицы нет. Проезжая часть с тротуаром то приближается к домам, то несколько удаляется от них. Да и сами дома стоят свободно, не следуя направлению улицы. Асфальтированные проезды ведут к входам в дома, к стоянке автомобилей и подземному гаражу, к школе и детскому саду...

А как быть со старыми городами и их улицами-коридорами?

Тоннель или эстакада?

Каждый город, большой или малый, живет во времени. Взгляните вокруг: здесь сносят ветхие дома, чуть дальше растет новое здание, через реку перекинулся новый мост, там, где еще недавно было поле, белеют корпуса нового жилого района... Реконструкция города — этого чрезвычайно сложного организма — дело серьезное.

Преобразуя «городскую ткань», архитектор, словно врач, совершает операцию. Ошибки и просчеты здесь, как и в медицине, оборачиваются невосполнимыми утратами.

Если градостроительная культура проектировщиков и строителей невысока, если они стремятся

удовлетворить «сиюминутные» интересы, общество может лишиться ценных памятников прошлого. Сейчас, например, среди специалистов обсуждается вопрос о восстановлении Сухаревой башни в Москве — памятника петровской эпохи, снесенной в 30-е годы при реконструкции Садового кольца в районе Колхозной площади.

В сферу реконструкции часто попадает целый исторически ценный район города, как это, например, произошло в Варшаве. После войны решили соединить единой улицей восточную и западную части города. Трасса проходила через прекрасно восстановленный исторический центр столицы — Старо място. Как быть? Специалисты решили новую улицу пропустить в тоннеле. Бродя теперь по тихим живописным улочкам Старого мяста, любуясь памятниками национальной культуры Польши, многие туристы даже не подозревают, что у них буквально под ногами бегут нескончаемой вереницей трамваи, автобусы, автомобили...

Когда позволяют городские условия или нет возможности сделать тоннель, строят «улицу над улицей», то есть сооружают эстакаду. В этом случае безопаснее двигаться автомобилям, да и нет задержки у перекрестков.

Однако эстакады — эти огромные бетонные «этажерки» — далеко не всегда служат украшением города.

Итак, характер каждого города подсказывает выбор определенного сооружения. Поэтому: и тоннель, и эстакада.

Но это — в городах старых. А как будет выглядеть улица города Будущего?

Новые города — это, по существу, города Будущего. В лучших из них воплощены наиболее передовые градостроительные идеи нашего времени.

Эти города не отягощены «грузом прошлого» — историческими наслоениями и дефектами, мешающими современному развитию. Поэтому новые города — это фундамент для дальнейшего совершенствования градостроительного искусства, обращенного в завтра.

Бульвар Красных Зорь

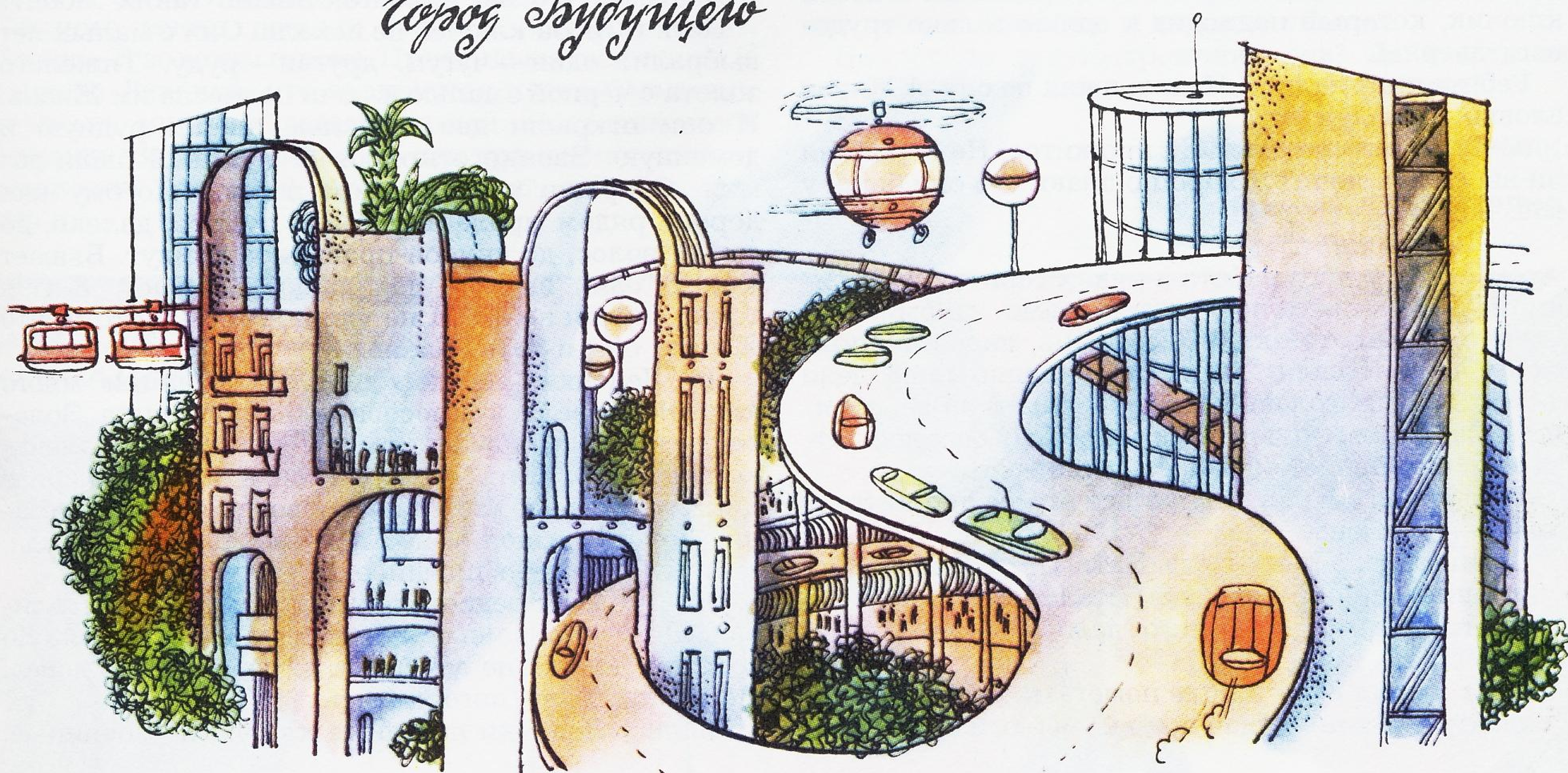
Так была названа вскоре после Октябрьской революции улица одной из тогдашних окраин Петрограда. В этом поэтическом наименовании и гордость за победу пролетариата, и уверенность в светлом будущем человечества...

Людей всегда интересовало будущее, и они стремились «заглянуть» в него, в частности представить картину жизни города Будущего. Эти изображения порой оригинальны, часто наивны, иногда забавны. Вот лишь один пример...

Небо буквально кишит летательными аппаратами самой причудливой формы. По пересекающимся металлическим эстакадам движутся вагончики с пассажирами. На земле — поток экипажей, отдаленно напоминающих автомобили. Это обилие техники совершенно подавило Красную площадь, которую можно узнать лишь по силуэтам Никольской башни Кремля и здания Исторического музея. За Кремлевской стеной — громада высотного здания. В середине площади одиноко возвышается памятник Минину и Пожарскому. Знатные граждане России поднялись на пьедестал словно для того, чтобы спастись от вакханалии городского транспорта... Так фантазия художника в 1913 году нарисовала центр Москвы на одной из открыток серии «Москва будущего».

Сегодня эти картины вызывают снисходительную улыбку. Почему? Потому что «изобразить» архитектуру будущего невозможно, так как точно нельзя узнать и представить многие конкретные детали жизни людей будущего. Например, вряд ли кто-нибудь сможет точно сказать, сколько этажей в «доме будущего»: 20, 40 или 100; или как будет выглядеть городской транспорт. Да и столь уж существенны подобные детали сегодня? В одном прав художник: новое всегда рождается в недрах старого.

Свое начало улица Будущего берет уже сегодня. Мальчишкам и девчонкам, сидящим за партами, строить эту улицу, жить на ней и продлевать ее, передавая эстафету созидания грядущим поколениям.

Евгений ПЕРМЯК

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИ

Сказка это или быль — никто не знает. Похоже на сказку, через которую быль просвечивает. Бывает так — в одном узоре вымысел с правдой переплетаются. Ну да вы сами разберетесь.

Кончили Ваня-Сеня-Катя-Петя-Люба-Леночка школу и встретились лицом к лицу с Жизнью.

— Милая наша Жизнь, укажи нам, как лучше на трудовую дорогу выйти, чтобы счастье найти и себя не потерять.

Жизнь на это и говорит:

— Идите за мной. Укажу.

Подводит их Жизнь к тысячам тысяч дверей. Каждая не лучше и не хуже другой, только узор на всякой свой. На одной, скажем, текстильный рисунок, на другой — чугунная вязь, на третьей — ржаные колосья выписаны, на четвертой — кузнечная роспись, пятая рудной искрой горит, шестая каменным углем поблескивает.

Ваня-Сеня-Катя и все прочие вплоть до Леночки понимают, что к чему. Догадываются, куда через эти двери можно пройти, на какие дороги выйти. Только одно их удерживает — не знают, какую кому выбрать. Много дверей — глаза разбегаются. И еще закавыка — двери-то заперты. Тут Жизнь и говорит:

— Разве вы, мои милые, без ключей пришли?

— Без каких ключей? — спрашивают. — Первый раз слышим.

А Жизнь им:

— Не может этого быть. Фея фей вручает человеку вместе с юностью огромную связку ключей. В ней самые различные ключи: медные, оловянные, серебряные, деревянные, глиняные, хитрые, умные, подлые, обманные, трудные, легкие, ключи-отмычки ко всем замкам. И есть среди них золотой ключик, который подходит к одним только трудовым дверям.

Ребята диву дались. Наяву, а как во сне. А Жизнь словно в раздумье:

— Оглянитесь назад. На прожитое. Не обронили ли вы свои ключи? Я хорошо знаю, что они были у вас. Ищите!

— Да где же?

— Какая у кого работа в руках горит, спорится-кипит, что ловко получается, само запоминается — там и золотой ключ. Глядишь, иное и похуже удается, не больно ладно да складно иное дело делается, а из головы не идет — там твой серебряный ключ или медный. Добрые руки своего добьются: умение придет и радость принесет.

Объяснила им Жизнь про все это. А про хитрый ключ — ни слова.

Оглянулись Ваня-Сеня-Катя-Петя-Люба... на считанные прожитые годы, стали вспоминать да раздумывать, какое у кого дело умением могло обернуться.

Ваня любил отцу в поле помогать, да что к чему узнавать. Больших удач пока не было, а на окошке хорошие помидоры и даже лимоны выращивал. «Там мой золотой ключ»,— подумал Ваня. Глядь — в его руках золотой ключ оказался. Ножка, как стебелек тоненькая, а бородка пшеничным колоском глядит. Привел ключ его к полевым дверям. Открылись двери, и ступил Ваня на знакомую дорогу, пошел по ней в свой зеленый мир.

А Сеня больше всего любил мастерить разные разности. Рукастый паренек. За что схватится — не отступится. Хлебом не корми, дай только у слесарных тисков поработать. «Там и буду свой ключ искать». Только сказал — ключ в руках. Лекальной работы. Точный. Прорезной, завитков разных не пересчитаешь. Сеня сразу свои двери нашел. По хитроумным слесарным вырезам. Открыл их, а за дверями заводы дымят.

Катя замешкалась. Девчушкой она любила за живностью ходить. Совсем безнадежных телят выхаживала. А с годами Катя своего умения сторониться начала. Другое дело стала приглядывать. Лекарское. Любить она его не очень чтобы любила. Но лекарем быть ей чище показалось. Поэтому в руках ее серебряный ключ появился.

Прячет его Катенька в кулаке. Но от Жизни разве что-нибудь спрячешь? Никуда от нее не денешься. Встретилась Катя взглядом с Жизнью. Та молчит. И Катя молчит. Стыдно чего-то Кате. Будто она лекарским серебряным ключом себя и Жизнь обманывает. «Не надо мне большого серебряного ключа. Пусть маленький будет, да свой золотой». Подумала так, а он — в руке.

Жизнь сама Катю к ее дверям подвела. В голову поцеловала. И на ушко шепнула: «Не бойся. Ты будешь счастлива в этой работе».

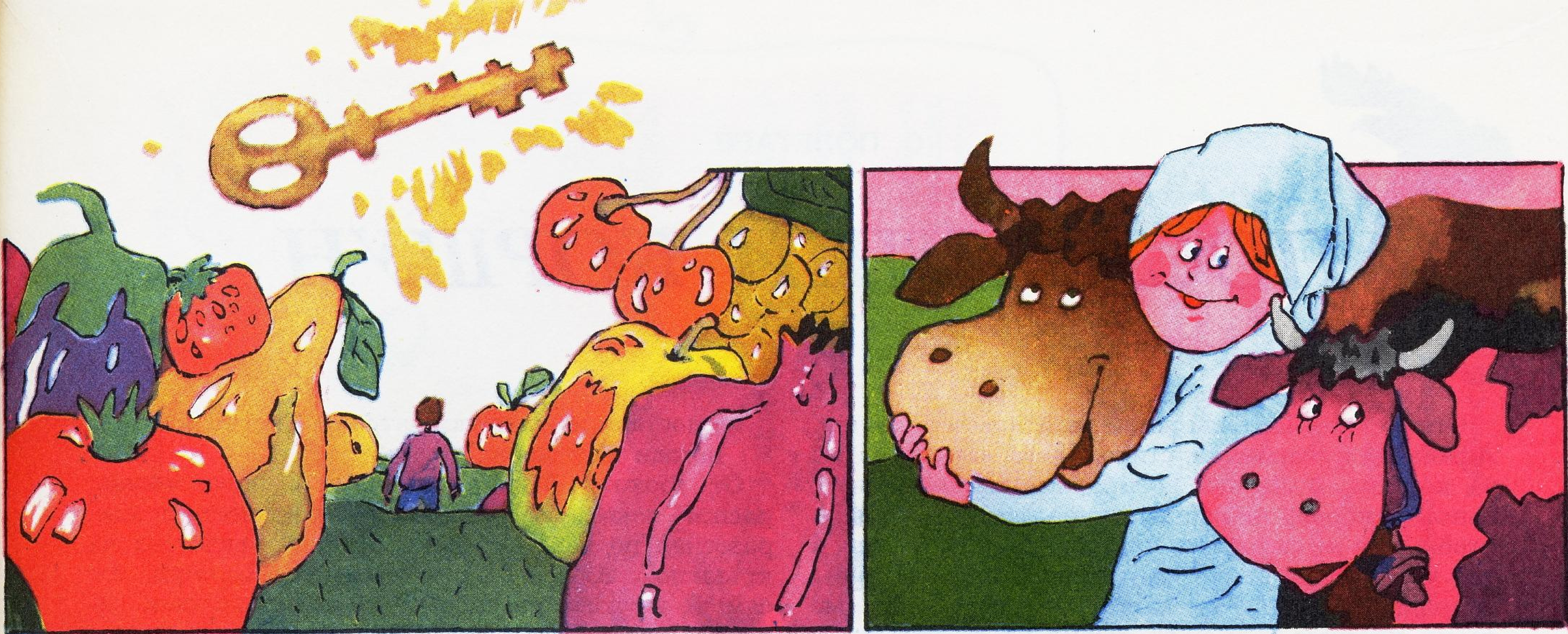
И будет. Что вы думаете? Жизнь таких любит!

Петя и Люба ключей не искали. Они с малых лет выбрали: один — чугун, другая — руду. Тяжелого золота с черной эмалью ключи поднесла им Жизнь. И они открыли две смежные двери, рудную и доменную. Звонко открыли. С музыкой были замки. Открыли и рядышком пошли. Потому как дороги рядом пролегали. Надо думать, далеко, до седых волос, до внуков-правнуков пойдут. Бывает так. В один выбор — два выбора делают. Жизнь такие случаи знает. И не удивляйтесь. Потому что Жизнь, она и есть Жизнь.

До Леночки черед дошел. У Леночки много ключей оказалось. Способная была девочка. Золотой ее ключик в шитье лежал. Леночка еще маленькой на кукол шить умела, да так, что ее кукольные платья взрослые модницы на свои плечи перенимали. Золотой ключ у нее в руках был. Не взяла. Низким для себя швейное дело посчитала.

Отец у Лены редкого вкуса карамель изготавливал. Два лета дочь конфетному делу обучал. До золотого ключа не доучил, а до серебряного довел. Не взяла. Тоже погордилась.

Были у Леночки и медные ключи, и оловянные.

Штук пять. Чертила неплохо. Продавщицей себя примеряла. Кружева плести начинала и многое другое пробовала. Удавалось. Были в ней разные зерна. Только не все. Всех зерен ни в ком не бывает. А ей очень хотелось на виду быть. Чужая слава спать не давала. Жаждала она стать редкой синицей — громкой певицей. Или белого лебедя представлять — народ удивлять, хлопки собирать. На худой конец смычком славу добыть. А зерен-то этих в ней нет. А без них как? Без зерна даже крапиву не вырастишь.

Без голоса не запоешь. Без ушей не заиграешь. Без ног не запляшешь. Конечно, у Леночки, как и у всех, голова, уши, ноги, руки были, да не той силы. Не по ее жадному до славы замаху.

Нахмурилась Жизнь. Предупреждает Леночку. Жизненные примеры приводит. «Лучше,— говорит,— шить по-орлиному, нежели петь по-петушиному. Лучше на славу чулки вязать, нежели курам на смех плясать».

А Леночка ни в какую. Крутится возле игральных да песельных дверей, без ключа проскочить хочет. Не выходит.

— Хорошо бы такой хитрый ключ достать, чтобы он все двери открывал.

Не успела сказать, как в ее руке хитрый ключ появился. Обманный.

Хотела Жизнь последний раз Леночку предупредить, а та уж песельную дверь отомкнула. Вошла. Слышит много разных голосов. Хорошо поют. Звонко. В золотом ключе. Приглядываться стала. И увидела Леночка, что заливистая песня большими трудами, многими годами дается. Насторожилась девушка, забеспокоилась. А тем временем подходит седенький старичок и спрашивает, какой у нее ключ.

Леночка туда-сюда, глазами хлопает. Молчит. Обманный-то ключ в рукав спрятала.

— Если ключа нет, так спой.

Запела Леночка. Ахнул народ. Вздохнул. Да так огорчительно, что от этого аха-вздоха Леночку как ветром за дверь выдуло.

— Не поздно еще,— говорит ей Жизнь.— Одумайся. Брось хитрый ключ. Возьми свой — золотой.

А Леночка тем часом плясовые двери отомкнула и юрк туда. Красоты, блеску, музыки там — не опишешь. Но легкой жизни не видать. По тысяче тысяч раз одно колено твердят. Голова замутится, пока до этого блеска доходят.

Опять ахом-вздохом Леночку за дверь вымело. Она в третью, в четвертую. И все то же самое. Жизнь ей на каждом шагу твердила, что нельзя без своего зерна на чужом поле успех вырастить и славу пожать. А Леночка ничего не видит, ничего не слышит, из двери в дверь бегает, себя теряет, годы свои молодые на ветер сорит.

Ее школьные друзья Ваня-Сеня-Катя-Петя-Люба далеко за эти годы по своим трудовым дорогам ушли. Слыхать про их славу стало. Жизнь высоко их ценить начала. Да и как могло стать иначе, когда они не против Жизни пошли, а так, как она им подсказывала.

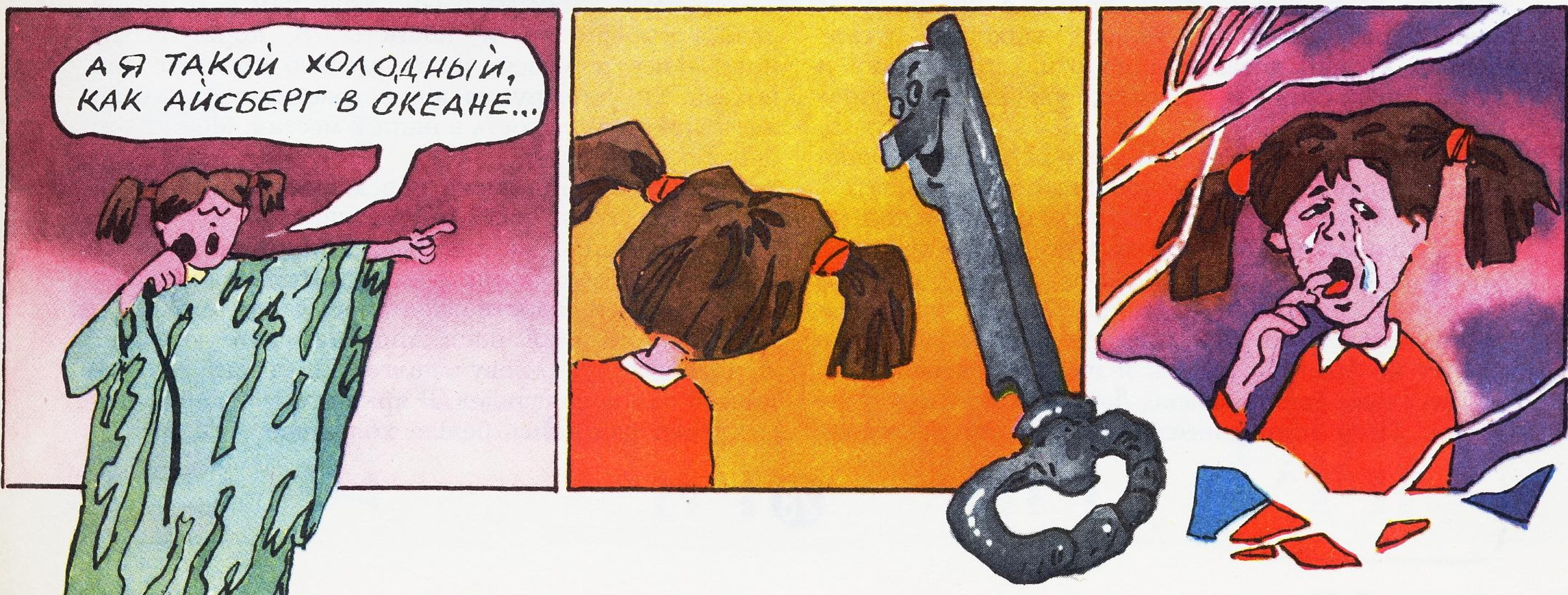
А Леночка локти кусает, ногти с досады грызет и все еще легкую, короткую тропинку к славе ищет да волшебную лазейку в даровое счастье.

Найдет ли такую тропинку она? Да и есть ли такие лазейки даже в волшебных сказках?

Нет!

Публикация Ксении ПЕРМЯК.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

С. ПОЛЕТАЕВ

ПОСЛЕДНИЙ КОРШУН

Отец и сын Лаптевы жили на птицеферме одни. Афанасий кухарничал, стирал, доил корову, ездил за кормом, а Ленька собирал яйца из-под кур, выгонял корову на выпас и купал в озере коня. А чтобы сын не скучал, отец купил ему трехрядку, и тот по вечерам бойко наигрывал «Спят курганы темные», «Ой, цветет калина» и другие старые песни, которые отец очень любил. Он даже выключал радио, чтобы Ленька не отвлекался, и всячески нахваливал его:

— Хорошо у тебя получается. Играй, играй. Мамка приедет, вот порадуется.

На жизнь свою Ленька не жаловался. И она была бы совсем хорошей, если бы отец подпускал его к ружью. Но об этом Ленька и не заикался. Уезжая на ветеринарные курсы, мать взяла с него слово, что он будет держаться подальше от ружья, и отец за этим строго следил. Каким-то чутьем узнавал, если Ленька касался ружья на стене. До того навострился, что сквозь сон караулил. Днем прикорнет на лежанке, вроде бы спит, а только Ленька к стене, где ружье висит, тут же всхрапнет и откроет глаза:

— Ты чего там?

Ленька отпрянет, как ошпаренный, а для отвода глаз посторонний разговор заведет:

— Пап, а Иван говорил, что комбикорм на склад привезли...

— Сам знаю,— ворчал отец.— Ну, а ружье-то причем? Ой, гляди, Леонид, а то вот мамке напишу!

Сердиться отец не умел, а чтобы Леньку держать в строгости, стращал его мамкой. Только не знал он, не догадывался, что Ленька давно уже хранил за печкой настоящий патрон с дробью на уток и только случая ждал. Не может же быть, чтобы такой патрон всю Ленькину детскую жизнь провалялся без дела! А дело для него найдется: еще неделю назад над птицефермой коршун кружил, цыплят во дворе высматривал. Так и раньше бывало не раз: только появится в небе, Ленька сразу же на ферму к отцу:

— Папань, прилетел!

Отец входил в избу, неторопливо снимал ружье, загонял патрон и стрелял прямо с крыльца. И всякий раз невпопад. Только, выходит, пугал? Ленька крепко досадовал на отца за промахи и думал про себя: ну ничего, уж я-то не промахнусь!

...В тот день с утра отец уехал в райцентр. Ленька выгнал корову на луг и вернулся домой «досыпать». Улегся он, не раздеваясь, натянул одеяло и только было задремал, как услыхал во дворе куриный крик. Сунулся в окошко: ой-ой-ой! Над фермой снижался знакомый коршун! Словно только и ждал, когда уедет отец, а то, что Ленька дома, и в расчет не брал. Вроде уж и некого бояться!

Про слово, данное мамке, Ленька, конечно, тут же забыл. Ноги сами понесли его к заветной стенке, руки достали из-за печки патрон... Скорее! Скорее! Ну погоди ж у меня!

От грохота Ленька свалился с подоконника, расшиб локоть, но тут же повесил на место ружье, разогнал по избе стреляный запах, выскочил на крыльцо... А в небе-то — ой-ой-ой! Коршун, тот самый, неуязвимый, цыплячий убийца, словно зацепившись за что-то, повисел еще несколько секунд в воздухе, а потом стал падать, падать... Над самым озером он опрокинулся через себя и с треском рухнул в камыши. Ленька подождал-подождал: вдруг коршун снова взлетит? А потом отвязал Жульку и на лодке поплыл к камышам...

К обеду приехал отец. Пока он таскал мешки с комбикормом, Ленька мигом разогрел обед, чисто вытер стол, достал красивые тарелки, а когда ели, все подливал отцу борща, подкладывал хлеба побольше, а сам все на него поглядывал: неужто не заметил коршуна, перекинутого через плетень? А ведь как сверкают его рыжие перья, как ярко горят пестрые крапины на груди, а глаз-то, глаз! Круглый, злой, будто все еще цыплят высматривает. Хохлатки и сейчас шарахаются от него. Неужто отец ничего не знает про Ленькин трофей? Но самому-то сказать об этом — ой-ой-ой! Как бы за ружье не влетело!

От тревоги Ленька места себе не находил. Вытащил гармошку, сел на крыльце, чтобы видеть плетень, и стал играть любимые отцовы песни, тоже старые — «Зачем вы, девушки, красивых любите...» и другие. Так старательно, от души играл, что куры столпились у крыльца, а пестрый петушок совсем сдурел, прыгнул ему на плечо и стал клевать клапаны, а отец хоть бы что — как сидел на чурбаке, так и сидит, вяжет из капрона рыболовную сетку, словно и не замечает ничего. Так во весь остаток дня не промолвил ни слова.

Ночью Леньке приснилось чудное: будто мамка ружьем вместо кочережки угли в печке ворошит.

— Мамка!

Крикнул и проснулся. Слетел с кровати и увидел на столе тетрадный листок, а на нем пустую гильзу. В записке отца было сказано:

«Проверь донки на озере. Если там есть какая рыба, выбери ее и почисть. А коршуна не ищи — увез в музей, пусть чучело сделают для показа. Его бы попугать для острастки... Эх, ты! Он же нынче редкий гость в наших местах. Может, это был последний...»

Ниже стояла приписка, обведенная рамочкой: «А гильзу из ствола надо выбрасывать!»

Ленька вышел на крыльцо. Глянул на плетень, где вчера на закате красовался убитый им коршун, и от давешней радости не осталось следа. А вдруг, и вправду, это был последний на свете коршун? Ленька закинул голову и долго глядел в небо, но так ничего там не выглядел. В яркой голубизне только медленно двигались белые холодные облака.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ!

Учитель: Составь предложение, где были бы слова «цыпленок» и «вылупился».

Ученик: Коля вылупился на мои новые кроссовки, как новорожденный цыпленок!

Лариса Старостина,
г. Светловодск.

* * *

Учитель: Напомни, чем заканчивается известное высказывание: «Любите книгу — источник...» Чего?

Ученик: ...Источник... переменного тока!

Игорь Плоткин,
г. Ленинград.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Что ты знаешь о параллелях и меридианах?

Ученик: Они опоясывают земной шар, чтобы он не рассыпался!

Юрий Мельников,
Одесская область.

* * *

Учитель: Назови обитателей Беловежской пущи.

Ученик: Там обитают зубры, медведи, кабаны и другие перелетные птицы.

Светлана Зубкова,
Красноярский край.

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учитель: Что ты знаешь о мамонтах?

Ученик: Мамонты вымерли еще при феодализме, но они были добрыми и мирными людьми...

Николай Хрипчук,
Донецкая область.

* * *

Учитель: Что ты знаешь о моли?

Ученик: Моль — это хищное животное, которое пожирает шерстяные носки.

Оля Левченко,
Гуля Курмашова,
г. Саратов.

Из школьных сочинений

«В мастерской шумно пахло машинным маслом».

«Уезжая, они впопыхах забыли теленка. Потом вспомнили и стали вытаскивать теленка из попыхов».

«Если огород не поливать, то удои капусты уменьшаются».

«Зайцы тихо сидели под кустом, сложа руки».

«Он лег в постель и уснул изо всех сил».

«Он узнал его по родинке на правом носу».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

С. БОГАТЫРЕВА

Строка Тургенева

На второй год войны в наш двор попала бомба, и одна из стен дома, в котором мы жили, рухнула. Никого из нашей семьи в это время в Москве не было — отец воевал на фронте, а мы с мамой незадолго перед тем уехали из города. Мама очень не хотела уезжать из Москвы, считала это бегством, но ее, можно сказать, заставили: ради ребенка. Это я тогда была ребенком... Возможность вернуться представилась не скоро, только через три года. Мама сразу решилась ехать домой, хотя никакого дома у нас с ней не было. Но оказалось, что дом стоит! Без окон, без одной стены, но — даже не покосившись! К тому времени я уже не считалась ребенком: в войну взрослели быстро, десять лет — не дитя, работник! И мы с мамой принялись за работу. Вдвоем расчистили уцелевшую комнату, вынесли мусор: куски штукатурки, попадавшей с потолка, да черепки, которые до войны были нашими чашками, тарелками и нашей красивой люстрой. Отмыли пол, оттерли стены. Жаль только, что окно пришлось забить фанерой: о стеклах мы тогда и не мечтали. Самое удивительное, что в этой половинке, нет, в трех четвертях дома, было электричество и шла из кранов вода.

Жилье получилось на славу, и мы стали там жить.

Квартира находилась на первом этаже, и войти к нам можно было с двух сторон: через прихожую, открыв довоенным ключом довоенный замок, или прямо с улицы, перебравшись через завалы кирпича, штукатурки и — через завалы книг.

Там, у разрушенной стены, в мирное время стояли полки с книгами: у моего отца была большая библиотека, и он ею очень гордился.

Мы входили всегда через прихожую — мы уважали свой дом. Но очень скоро оказалось, что в развалины можно наведываться, как в библиотеку!

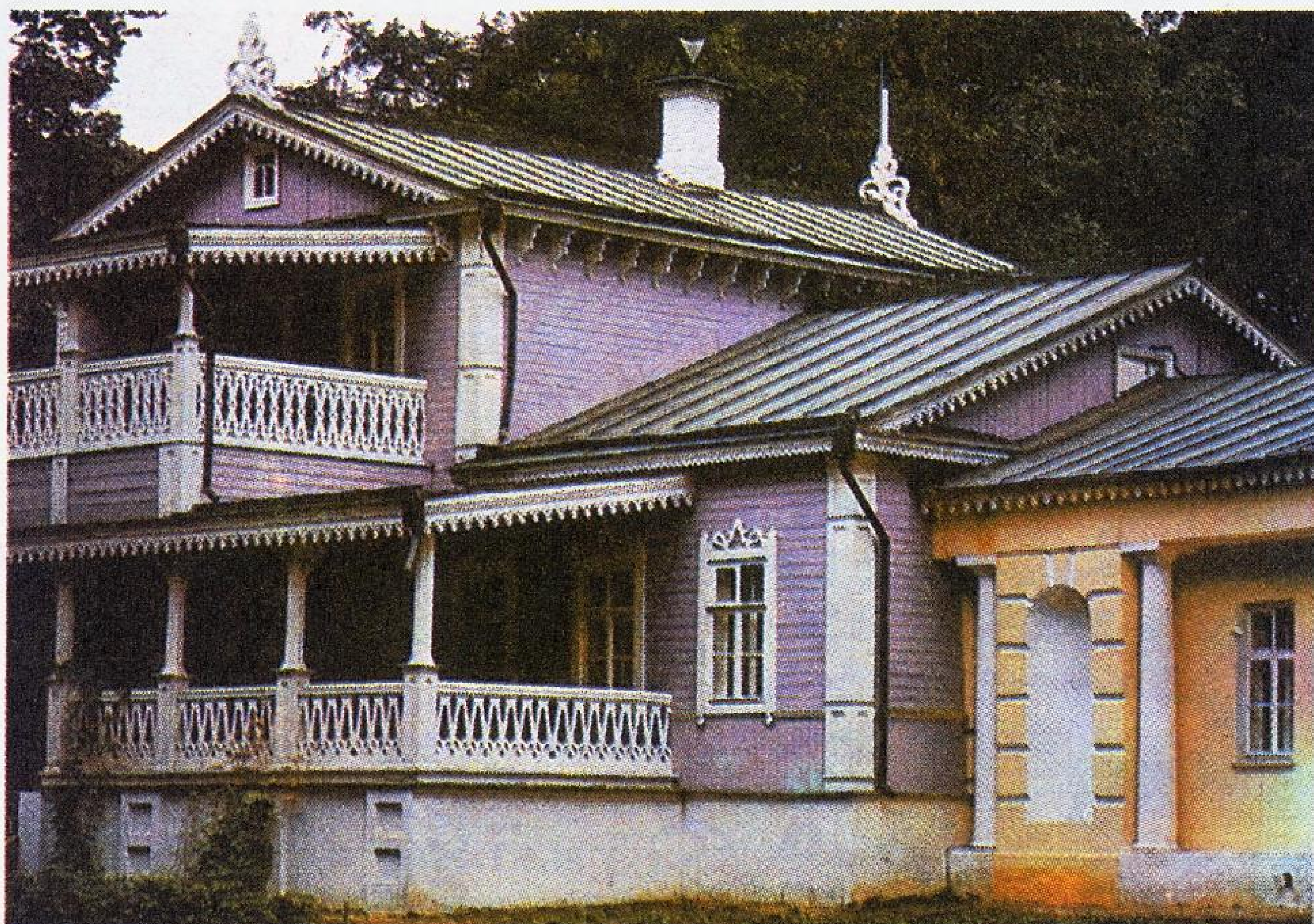
Сотни томов — развеянные взрывной волной в клочья, с оторванными корешками, перепутанными и пропавшими страницами — лежали под битым кирпичом и стеклянной крошкой. Попадались и совсем целые книги. С них и началось мое «литературное образование».

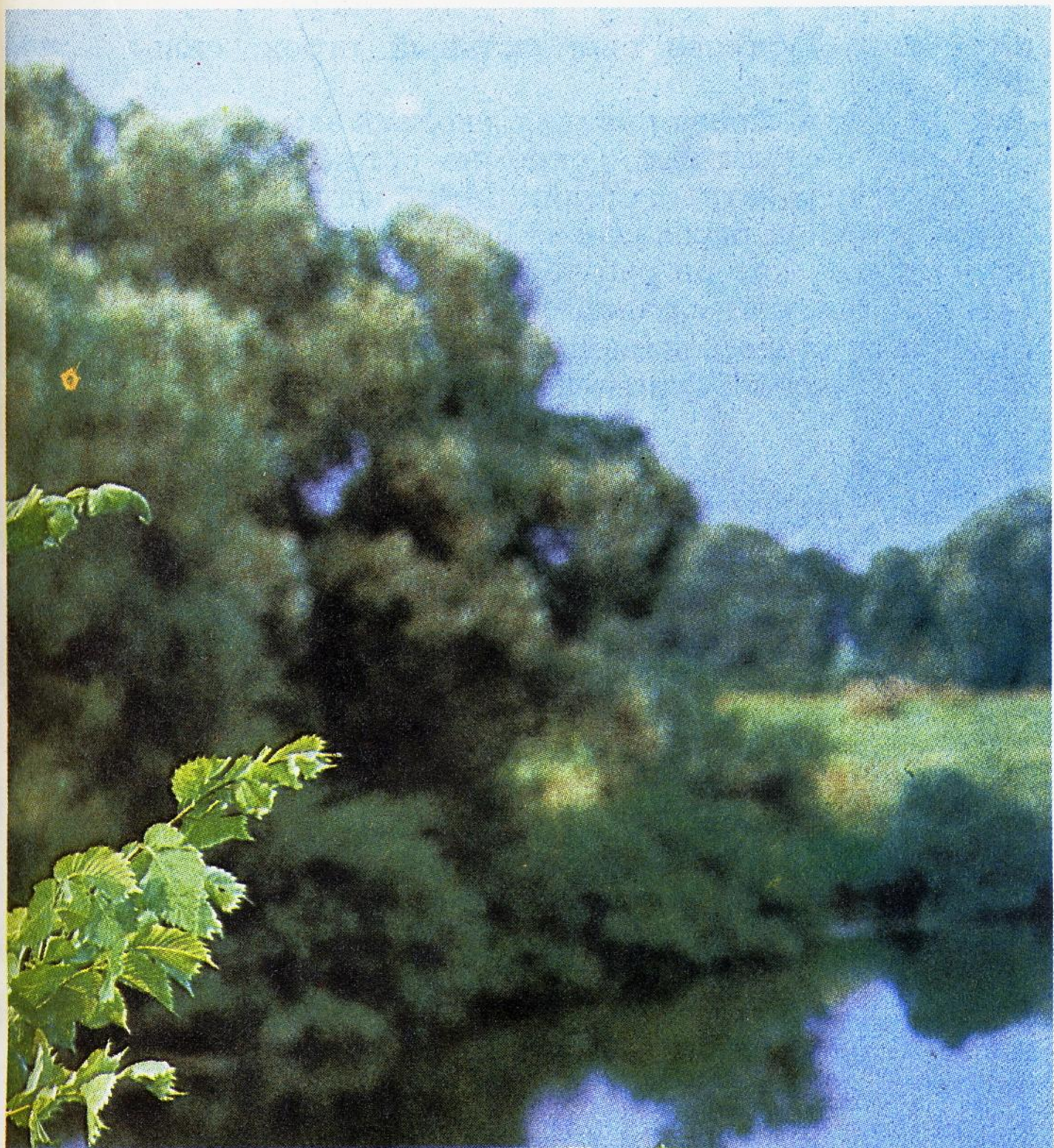
Мне не сразу повезло: первая книга, которую удалось с трудом откопать и отчистить, оказалась взрослой, без картинок, напечатанной мелким слепым шрифтом. Пришлось отправиться за другой — та была без начала и без конца. Третья не выкапывалась особенно долго — понадобилось оттащить несколько почти целых и потому тяжелых кирпичей с налипшими остатками штукатурки, а потом еще рыться в острых осколках стекла — это было опасно и страшно. Но книжка, когда я стряхнула с нее мусор и оттерла влажной тряпкой, была толстая, со множеством иллюстраций, с крупными красивыми буквами. Правда, не доставало обложки и текст начинался не с первой страницы.

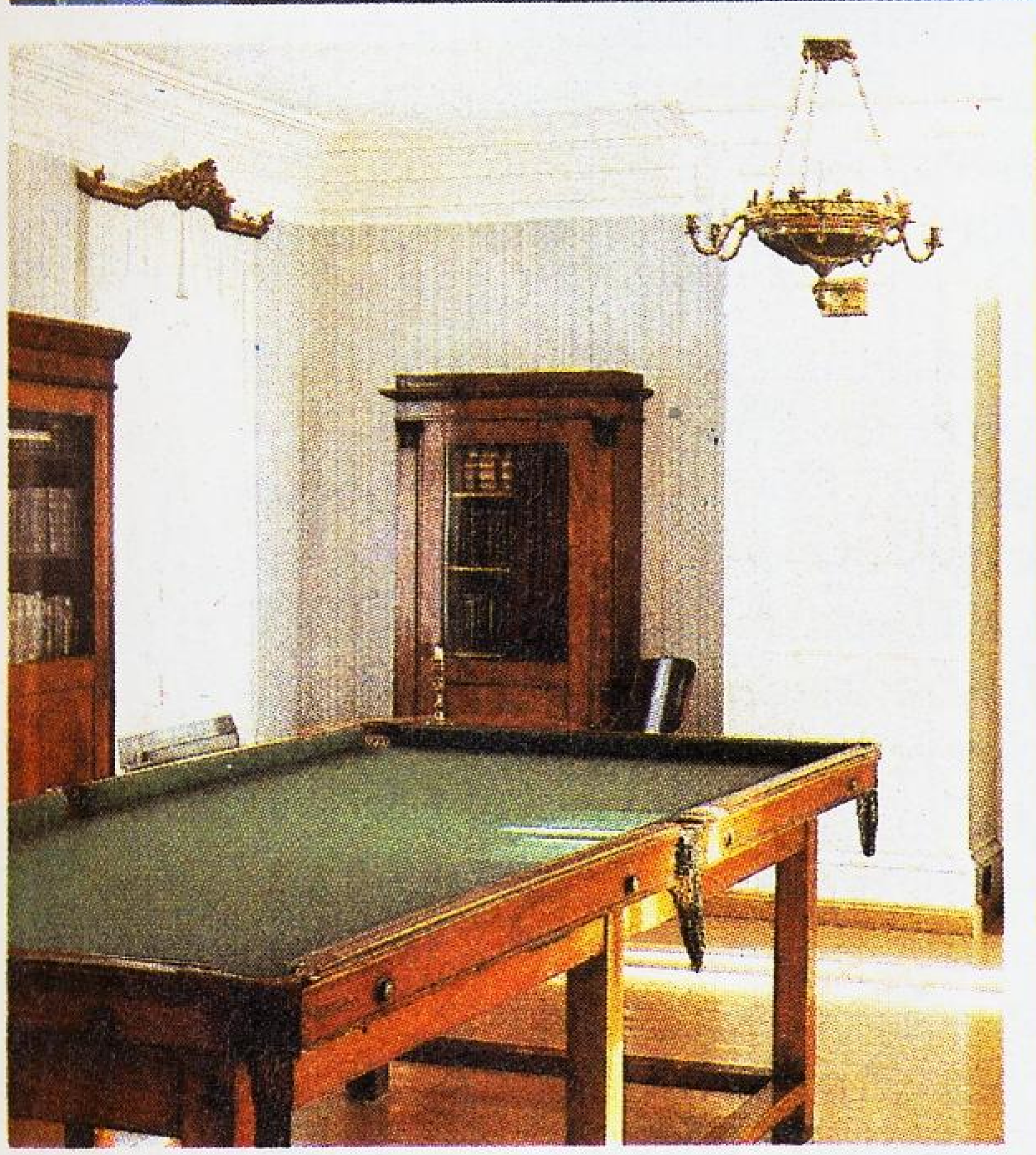
Я утащила добычу в нашу темную комнату, поплотнее прикрыла дверь, чтобы не очень тянуло холодом — дни стояли предзимние. Не снимая ветхого пальтишка — в доме было не теплее, чем на улице,— включила свет и прочла: «День выдался чудесный: я думаю, кроме России, в сентябре месяце нигде подобных дней и не бывает. Тишь стояла такая, что можно было за сто шагов слышать, как белка перепрыгивала по сухой листве, как оторвавшийся сучок сперва слабо цеплялся за другие ветки и падал, наконец, в мягкую траву — падал навсегда: он уж не шелохнется, пока не истлеет. Воздух ни теплый, ни свежий, а только пахучий и словно кисленький, чуть-чуть, приятно щипал глаза и щеки... Солнце светило, но так кротко, хоть бы луне». Перевернула несколько страниц, открыла в другом месте. Там была картинка, изображавшая мальчиков на лугу у костра — от одного вида веселого огня в комнате, почудилось, стало не так холодно. Под рисунком было написано: «Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение... Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи».

«Чудесный день», «чудесная картина»... Белка,

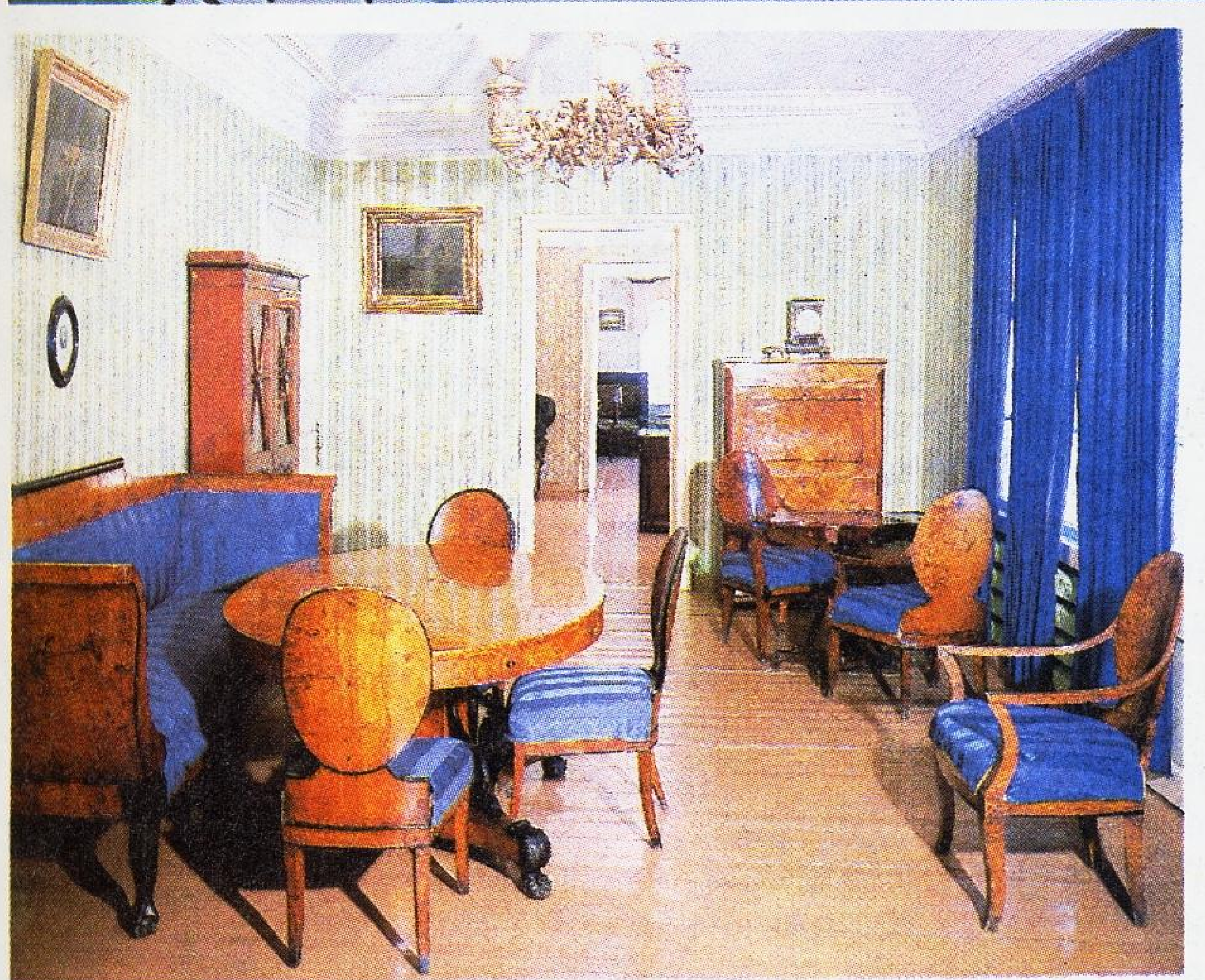
Десять лет тому назад в Спасском восстановили ту часть лутовиновского дома, которая существовала при И. С. Тургеневе. Теперь тут музей.

мягкая трава, пахучий воздух «ни теплый, ни свежий»... Яркий огонь, чистое небо, свежий запах летней ночи... Как бесконечно далеко, как неправдоподобно, непредставимо и как прекрасно звучали эти слова для ребят военной поры. Для нас небо никогда не бывало чистым: оно таило угрозу вражеского налета, виделось в сети аэростатов или в огнях артиллерийских залпов; воздух пах гарью, глаза щипало только дымом, а любой огонь в ночи следовало тщательно прятать, чтобы фашистский разведчик не разглядел с высоты человеческое жилье.

Вернулась с работы мама. Она полистала книжку и сказала, что это — «Записки охотника» Ивана Сергеевича Тургенева и что я непременно должна их прочитать. На долгое время «Записки охотника» стали любимой моей книгой. Конечно, попадались трудные слова, а некоторые рассказы и вовсе показались непонятными.

Но одно завораживало: неспешные картины ласковой мирной природы. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что эта неправдоподобная красота не выдумана писателем, а существует на самом деле: в конце книжки было сказано, что в «Записках охотника» воссоздано то, что окружало Тургенева в детстве: огромный парк и пруды возле дома, просторы, леса, холмы, реки и луга окрестностей Спасского-Лутовинова, близ Орла. Тогда-то я и решила, что когда-нибудь, ПОСЛЕ ВОЙНЫ, непременно поеду в Спасское, увижу воочию тургеневскую красоту. В то время все мечты и планы начинались словами «после войны»...

Увидеть Спасское довелось лишь через много лет...

Сад, свободно разросшийся, вольный, как лес, и чистый, как парк, полого спускается от барского дома вниз к пруду. Плотно утоптанная дорожка теряется в зелени, манит в прохладную чащу. Пойти по ней? Нет, сначала — дом. Парк и дали за ним — это мир героев, персонажей Тургенева, а длинное асимметричное здание неподалеку от въезда — мир их творца.

Дом некрасив. Немудрено: это, собственно, лишь часть здания. Огромный Лутовиновский дом, в котором прошло детство писателя, сгорел, когда Иван Сергеевич был еще молодым человеком, сохранился только один флигель. Уцелевшую часть перестраивали, расширяли сначала мать писателя, Варвара Петровна, а потом и он сам. Но и этому строению не суждено было дожить до наших дней — сохранились лишь воспоминания о нем, но воспоминания надежные и точные: рисунки, описания. По ним десять лет тому назад дом был тщательно и любовно восстановлен — в том виде, в каком он стоял при Тургеневе. Зато все вещи внутри — мебель, картины, книги — подлинные, они служили великому писателю, помнят его и многое могут о нем рассказать.

Войдем, послушаем их молчание и постараемся его понять.

Обтянутый зеленым сукном биллиард, который стоит в библиотеке, описан Тургеневым в «Степном короле Лире».

За овальным столом карельской березы мальчики Иван и Николай Тургеневы в детстве учили уроки.

Беседа первая — с портретом

Мальчик лет десяти — двенадцати изображен на портрете. Тяжелая голова на хилом теле, лицо задумчивое, отчужденное, сосредоточенное — видно, что ему книги, одинокие прогулки, наблюдения привычнее шумных игр. Трудно судить, насколько схож портрет с оригиналом, Иваном Тургеневым в детстве: рука крепостного художника была не слишком искусной и могла невольно погрешить против истины. Но мы, зная дальнейшую судьбу мальчика, ставшего замечательным писателем, видим (или внушаем себе, что видим) в его лице и ум, и проницательность, и пристальное внимание к людям. А о любви его к чтению повествуют живущие в Спасском предания. Однажды мальчик даже решился на отчаянный поступок: подбил дворового человека совершить с ним «налет» на библиотеку. Книги в доме матери Тургенева хранились под замком, запертые шкафы неудержимо манили. Мальчик ночью с помощью «сообщника» одолел замок и унес два тома: «Россияду» Хераскова и книгу под таинственным названием «Емблемы и символы». Обе мы встречаем потом в его сочинениях: «Россияду» — в «Пунине и Бабурине», «Емблемы» — в «Дворянском гнезде».

Герои Тургенева вообще любят читать, говорить и размышлять о прочитанном. Подробно и со вкусом описаны их библиотеки, дорогие им книги. И каждую из них мы находим тут, в Спасском. Книги собирали все жители поместья, но особенно много появилось их при жизни писателя. Он привез сюда библиотеку своего покойного друга Виссариона Белинского, он привозил книги из всех своих путешествий — на немецком, французском, итальянском, испанском, английском, польском языках. Для библиотеки отвел писатель самую просторную комнату в доме — мы и сейчас можем ее увидать. А в центре библиотеки и теперь стоит огромный, обтянутый зеленым сукном биллиард — наш знакомый по «Степному королю Лиру», где очень точно описан.

Беседа вторая — с шахматным столиком

Сохранилась в доме комната с забавным названием «Казино». У окна стоит там искусной работы шахматный столик. Вот кому есть что порассказать! Он не раз становился свидетелем шахматных баталий русских литераторов. Дело в том, что Тургенев, замечательный писатель, был, оказывается, еще и замечательным шахматистом. На турнире в Париже в 1862 году занял он второе место, уступив только профессионалу. В 1870-м был избран вице-президентом шахматного конгресса в Баден-Бадене. Естественно, каждый, кто приезжал в Спасское, жаждал сразиться с хозяином и чаще всего — терпел поражение. «Тургенев был искусный шахматист, теоретически и практически изучил эту игру и хоть давно уже не играл, но мог уступить мне королеву и все-таки выигрывал»,— писал впоследствии поэт Яков Полонский. За этим столиком играл в шахматы с хозяином дома Лев Толстой, когда он приезжал в Спасское. Сын Льва Николаевича, Сергей Львович, вспоминал, что «Тургенев был сильный игрок, сильнее отца».

А скольких людей повидал, сколько замечательных бесед слышал, скромно стоя у окна, изящный шахматный столик! Мимо него прохаживался Тургенев, рассказывая Григоровичу и Полонскому о том, как он работает над каждой фразой. Было время, когда рядом с ним, сидя за большим овальным столом карельской березы, мальчики Иван и Николай Тургеневы учили уроки...

Беседа третья — с диваном по прозвищу «самосон»

Таких огромных диванов мне видеть не приходилось. Обитатели и гости Спасского не уставали ему удивляться. Входя в дом через стеклянную дверь веранды, каждый попадал в его широко раскрытые объятия и — беда тому, кто вовремя не увернется, не пройдет мимо. Попробуй присесть хоть на самый его краешек, как потянет на нем растянуться, а там гляди, и сон подкрался незаметно. «...Опасный диван,— писал о нем Тургенев,— сто́ит лишь на него прилечь, как уже спишь. Постараюсь его избегать».

Впрочем, человеку, преданному своей работе, не страшны искушения ленью. Как ни старался «самосон», не мог он усыпить писателя, когда тот ворочался на диване, обдумывая роман «Накануне».

Зато сам диван на этом прославился: «самосон» оказался в романе, пригодился писателю.

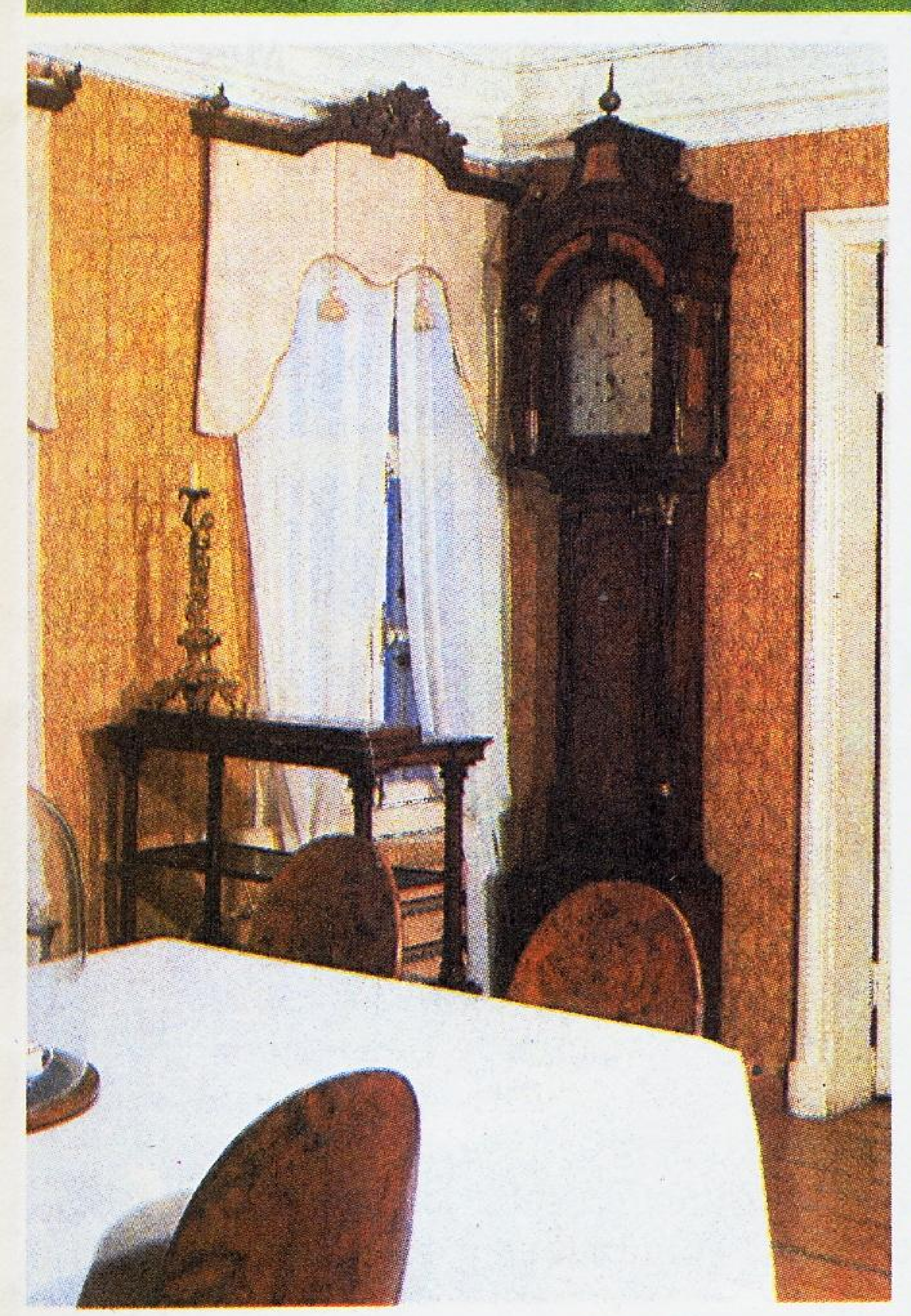
Стоял «самосон» в малой гостиной, напротив главного входа в дом, встречал гостей. Видел он поэтов Фета, Некрасова, Полонского, писателей Аксакова, Григоровича, Дружинина, Гаршина, пропагандиста русской литературы в Англии В. Рольстона, актеров Щепкина и Савину. Однажды покой его был нарушен ночью — зазвенел дорожный колокольчик, послышался лай собак, потом шаги на веранде. Двое в крестьянской одежде вошли в дом. Смуглый седой человек в блузе, подпоясанной ремнем, расплатился с возницей. Иван Сергеевич, засидевшийся за полночь за письменным столом, и Яков Полонский, тоже еще не ложившийся спать, вышли в гостиную, удивленно и радостно приветствуя «крестьянина» — это был Лев Николаевич Толстой.

Беседа четвертая — с часами

Высокие, массивные, они стоят на полу и поднимаются чуть не до самого потолка — не часы, башня! По сей день они исправно идут, бьют каждые полчаса, показывают минуты, часы и сегодняшнее число. Впрочем, что их описывать — мы встречали их в тургеневском рассказе «Бригадир»: «В углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью „Strike-silent"». (Бьют-молчат.) Точно — они! И стоят так же, в углу парадной столовой...

Они помнят и чопорные суровые обеды при властной Варваре Петровне, матери писателя, и то, как чудесным образом изменился уклад дома при

Тургеневе, когда в столовой не только ели (да и ели тут не всегда, предпочитая обедать и пить чай на открытой веранде), когда там слушали музыку, пели, устраивали танцы. В уединении Спасского Тургенев, большой любитель, знаток и ценитель музыки, очень страдал от ее отсутствия, и стоило появиться гостю, который владел инструментом, его непременно усаживали за пианино в столовой.

Какие лихие танцы устроили тут в последний приезд Тургенева в 1881 году, когда за тапе́ра был поэт Яков Полонский, а отплясывали среди других знаменитый писатель Тургенев и знаменитая актриса Савина!

Однажды часы оказались на сцене! Это было летом 1855 года, когда к Тургеневу приехали погостить его молодые друзья, литераторы Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, В. П. Боткин. Они сочинили смешную пьеску и поставили ее своими силами, смастерив костюмы, парики, бороды, нарисовав и укрепив декорации. Надо ли говорить, что все обитатели Спасского были в восторге от спектакля!

В тихие зимние вечера бой часов иной раз вплетался в фортепьянные аккорды: это играла по просьбе Тургенева жена управляющего имением.

Беседа пятая — с гостиной

В столовой отдыхали и веселились. Серьезные беседы о литературе вели в другой парадной комнате, в «большой гостиной». Здесь читали вслух новые статьи из журналов, доставленных из столицы, здесь поверяли друг другу замыслы, обсуждали написанное. Здесь Николай Алексеевич Некрасов, навестивший ссыльного Тургенева, делился с ним планами издания журнала «Современник», замыслом поэмы «Саша», которую потом ему же и посвятил, рассказывал хозяину дома о своем отношении к Льву Николаевичу Толстому. В 1856 году пожаловал в Спасское и сам Лев Толстой — позже он запишет в дневнике, что дом Тургенева показал ему корни писателя и многое объяснил в нем. В большой гостиной Афанасий Фет читал хозяину свои переводы Горация...

Кто помнит теперь имя Каратеева, помещика, жившего в четырех верстах от Спасского? А между тем Каратеев оказал немалую услугу русской литературе: однажды он показал Тургеневу свой дневник, где поведал печальную повесть безответной любви к чудесной русской девушке, которая отдала свое сердце болгарину. История тронула Тургенева, он даже пытался опубликовать дневник, но из его затеи ничего не вышло. Когда Каратеев скончался, писатель использовал его рассказы и его дневниковые записи в работе над романом «Накануне». Черты Каратеева легко узнать в образе Павла Шубина.

В «Большой гостиной» велись серьезные беседы о литературе.

Громадные английские часы в виде башни и сейчас исправно бьют каждые полчаса.

Беседа шестая — с письменным столом

Без сомнения, он — главное лицо среди всех вещей, населяющих дом.

Как проводил Тургенев время в Спасском? В детстве он жил тут, потому что тут жили его родители. В молодости — приезжал на каникулы. В 1852 году был сослан в Спасское-Лутовиново и безвыездно провел тут полтора года. В остальное время приезжал сюда, чтобы работать. Спасское было ему необходимо по двум причинам: здесь находил он своих героев, ту обстановку, в которой происходило действие его произведений. И не было в мире другого места, где он мог бы так спокойно, радостно писать. В Спасском он работал над «Записками охотника», здесь был начат и закончен роман «Дворянское гнездо», здесь целиком написаны «Рудин» и «Фауст», задуман и завершен роман «Отцы и дети». Пришлось приехать сюда, чтобы сделать самый последний вариант стилистической редакции «Накануне», довести до конца «Новь»... Надо сказать, что Иван Тургенев был необыкновенно строг к себе: его письменный стол — свидетель бесконечных переделок, терпеливой и вдумчивой правки, казалось бы, законченного произведения. «Коли Пушкины и Гоголи трудились и переделывали десять раз свои вещи, так уж нам, маленьким людям, сам Бог велел», — писал он.

Аккуратный до педантичности, Тургенев любил все, что было связано с работой, — любил хорошие перья, отличную бумагу. Любил свой просторный, всегда тщательно прибранный стол. «Письменный стол — превосходный», — писал он в одном из писем Флоберу. И так как работа была для него главным и лучшим времяпрепровождением, а за столом засиживался он до глубокой ночи, то и спал тут же, в своем кабинете, на отгороженной нарядными ширмами кровати под покрывалом, связанным руками крепостных мастериц.

Беседа седьмая — с охотничьим ружьем

Тургенев был страстным охотником, охоте отводил важное место в человеческой жизни, особенно в жизни русского. «Русские люди с незапамятных времен любили охоту, — говорил он. — Это подтверждают наши песни, наши сказания, все предания наши. Да где же и охотиться, как не у нас: кажется, есть где и есть по чем. Витязи времен Владимира стреляли белых лебедей и серых уток на заповедных лугах... Вообще охота свойственна русскому человеку: дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдет он бродить в одних лапотишках, по болотам, да по лесам, с утра до вечера».

В музее Спасского-Лутовинова хранится охотничье снаряжение Тургенева — его шляпа, ягдташ, пороховница, фляга и одно из двенадцати его ружей.

К охоте Иван Сергеевич пристрастился смолоду, исходил все окрестности с ружьем, ночевал у крестьян, у однодворцев, на постоялых дворах.

И добыл он не только птицу и зверя, но бесценные впечатления для «Записок охотника». Собственно об охоте писал он немного, больше — о людях, встреченных в пути, о глухих сокровенных местах, увиденных во время странствий. Теперь эти места известны под именем «тургеневских». Они существуют по сей день: и Бежин луг, где по преданию скрывались беглые крестьяне, и Красивая Меча — правый приток Дона, и речка Иста, и Льгов, и Варновицы, и Снежедь, и село Колотовка, где в память о тургеневских «Певцах» теперь устраивают певческие праздники... Другой русский писатель, Константин Паустовский, предлагал называть их «великими», полагая, что не только люди и события достойны столь торжественного именования, но и некоторые местности России.

Беседа восьмая и последняя — с дубом

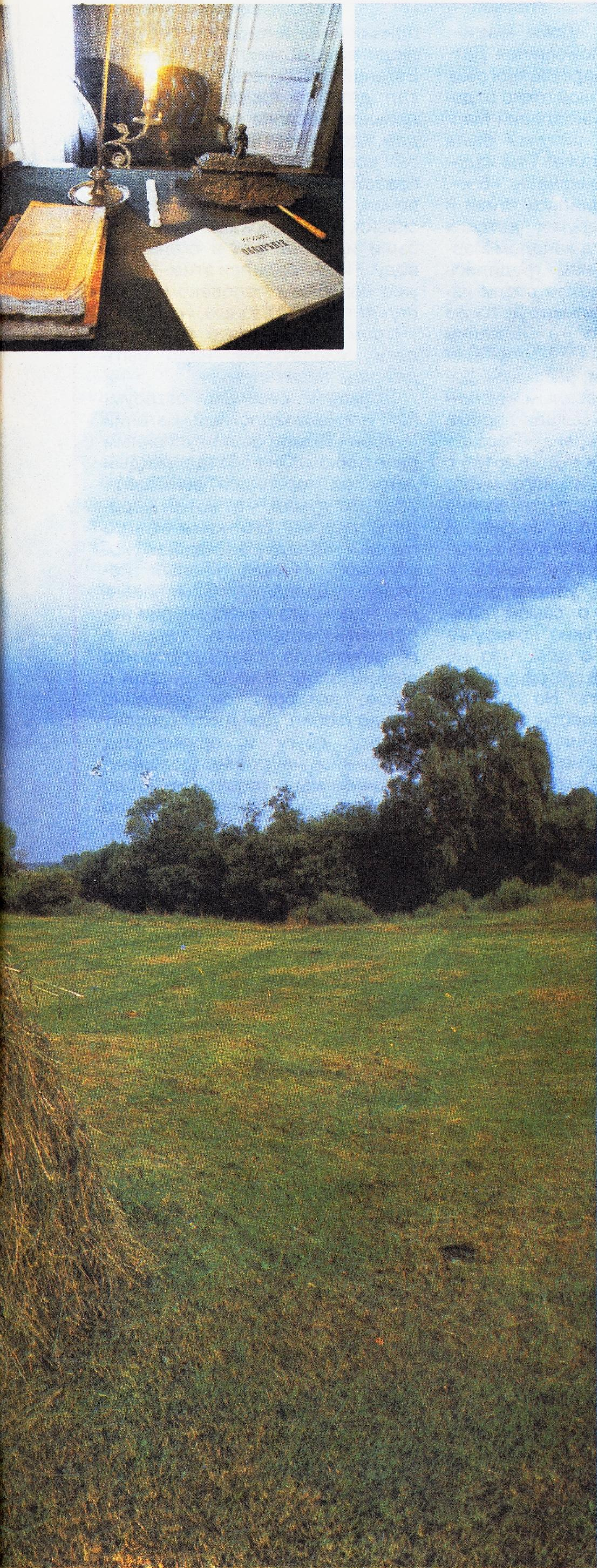
Он стоит в парке Спасского-Лутовинова, словно отстранившись от собратьев, — огромное неправдоподобно прекрасное дерево. Могучие ветви — не ветви, стволы — веером расходятся в стороны. Кажется, не крону они несут, а самое небо поддерживают — такие они прочные, надежные, так смело устремлены ввысь.

Дуб молод — ему всего полтораста лет, ему здесь еще расти и расти.

Все называют его «дубом Тургенева», говорят, что Иван Сергеевич мальчиком посадил его своими руками.

Точных сведений на этот счет нет, известно только, что Тургенев любил юного великана и так описал его в «Фаусте»: «Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера, среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он». Дуб этот вспомнил он в одном из последних своих писем, в пронзительных словах, обращенных к поэту Полонскому: «Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже вероятно никогда не увижу».

Не так уж важно — сам ли Тургенев его посадил или просто с детских лет полюбил дубок, который рос рядом с ним, вместе, одновременно вступая в мир. Нам любовь кажется естественной — ведь они

В конце жизни Тургенев писал уже не гусиным, а стальным пером. Оно по сей день хранится на его письменном столе.

так похожи! Оба — могучие, оба высоко поднялись, оба глубокими и крепкими корнями связаны с родной землей.

* * *

День выдался чудесный. Тишь стояла такая, что можно было за сто шагов слышать, как белка перепрыгивала по сухой листве. Воздух ни теплый, ни свежий, а только пахучий чуть-чуть, приятно щипал глаза и щеки. Все было так, как в чудесной книжке, прочитанной в детстве. Только было все наяву, на самом деле. Можно было пройти по каждой из липовых аллей — они проложены так, что вместе складываются в цифру XIX, в память о том, что парк был заложен на заре XIX века; можно пройти мимо кустов шиповника, спуститься к пруду — он открывается так неожиданно, блеснув из-за деревьев чистой своей водой; можно, доверившись извилистой дорожке, выйти к беседке, где, по преданию, Тургенев писал «Рудина». Сейчас она больше похожа, пожалуй, на полянку — клочок земли, заросший травой и обрамленный вкруг высаженными липами. Сто лет тому назад липы были еще невысокими, кроны их сплетались над головой. Солнце не заглядывало сюда даже в жаркие дни, и славно, должно быть, тут было работать — в прохладной тишине, в уединении.

Впрочем, тишина парка и тогда и сейчас — особенная, не «мертвая», а живая, трепещущая: вовсю распевают птицы, особенно если прийти сюда ранним утром раннего лета. Современники вспоминали, что в беседке Иван Сергеевич любил слушать птиц, он с детства знал их голоса и мог тотчас назвать каждую. Не о себе ли он говорил, когда писал в «Фаусте»: «Ты, я надеюсь не забыл, что птицы — моя страсть». И перечислял, сколько голосов слышалось ему разом — не тут ли, в беседке? «Горлинки немолчно ворковали, изредка свистала иволга, зяблик выделывал свое милое коленце, дрозды сердились и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдруг, как сумасшедший, пронзительно кричал дятел». А в «Пунине и Бабурине», когда говорил о соловьях, певших по веснам, конечно, спасских соловьев имел в виду...

Тут, в парке, что ни шаг, что ни поворот — то строка из тургеневской прозы: из романа, рассказа, письма.

Тургенев и Спасское-Лутовиново подарили друг другу — бессмертие. Без этих мест не было бы в нашей литературе ни «Записок охотника», ни «Рудина», ни «Накануне», ни «Отцов и детей» — всего того, что мы привыкли любить и чем привыкли гордиться. Но смогли бы мы разглядеть неброское очарование этих мест, если бы перо писателя не открыло нам их красоту? Он сумел ее увидеть, он сумел воплотить ее в слове, и он научил нас ее любить.

Фотографии А. ЖМУЛЮКИНА и Ю. КАРМИНСКОГО.

Евгений Шварц

(1896—1958)

«А я вот сказочник, и все мы — и актеры, и учителя, и кузнецы, и доктора, и повара, и сказочники — все мы работаем, и все мы люди нужные, необходимые, очень хорошие люди».

Такими словами Сказочника начинается пьеса Евгения Шварца «Снежная королева». Это сказано про всех сказочников на свете. И про самого Евгения Шварца тоже. Он писал повести и рассказы, но больше всего любил писать пьесы-сказки. Действие этих сказок происходит как бы в далеком, выдуманном мире. Но как же этот выдуманный мир похож на реально существующий! И все те, кто населяет этот мир,— короли и свинопасы, принцессы и трубочисты, драконы и рыцари — похожи на людей, с которыми нам приходится встречаться и жить. В этих сказках и смешное, и трагическое, в них действуют силы зла, обладающие огромным могуществом. Но все равно в них самое сильное зло обязательно побеждается добром, любовью — они оказываются сильнее всякого зла.

Почему Евгений Шварц стал сказочником? Он родился в семье врача, учился на юридическом факультете, был актером, потом работал в шахтерской газете — он мог выбрать любую из этих профессий. Но случилось так, что судьба привела его в Ленинград, на Невский проспект, на шестой этаж «Дома книги». На этом этаже помещался Детский отдел Государственного издательства. И душой этого отдела был Самуил Яковлевич Маршак. Веселой и кипучей была жизнь на этом этаже! Там издавались детские журналы «Еж», «Чиж»; там сочинялись стихи и рассказы для других детских журналов; там под началом Маршака с увлечением трудились люди, которые потом стали известными писателями. Детским писателем стал и Евгений Шварц.

Он писал стихи, рассказы, делал подписи к веселым картинкам в журналах. Вышли первые его книги: «Лагерь», «Рассказ старой балалайки», «Карта с приключениями» и много, много других. Но больше всего Евгения Шварца привлекала сказка. В ней он мог свободно и до конца высказать все мысли, мечты, в ней смешно и увлекательно рассказывалось о самом важном. Конечно, можно нравоучительно сказать о том, что не следует баловать детей, это может их испортить. Но гораздо убедительнее вывести в сказке маленькую разбойницу, которую воспитала ее мама — свирепая атаманша. Атаманша похваляется: «Я дочери ни в чем не отказываю. Детей надо баловать — тогда из них вырастают настоящие разбойники»...

Шварц ненавидел людей с канцелярскими мозгами, злых эгоистов, которым плевать на все человечество, лишь бы им было хорошо; злодеев, прикрывающих свои черные дела благостными словцами... Подлецы и плуты, льстецы и палачи — все они могут жить лишь до тех пор, пока против них не выступают люди с настоящей, неискалеченной душой. Иногда эти люди называют себя волшебниками. Но их волшебство основано на силе доброты и правды. И они не одиноки, они подают пример другим. «Я еще не волшебник,— говорит мальчик в сказке Шварца,— я еще только учусь...»

В сказках Евгения Шварца их смысл раскрывается четко и ясно, не скрываясь за всеми выдумками, без которых сказка не может обойтись. Шварц писал: «Сказка рассказывается не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что ты думаешь».

Пьесы-сказки Евгения Шварца идут в театрах всего мира. Их с одинаковым интересом смотрят люди всех возрастов. И все же Евгений Шварц всегда себя считал детским писателем. В маленьком поселке под Ленинградом, где он жил последние годы, он всегда ходил окруженный оравой ребят — мальчиков и девочек, которые слушали его сказки, его рассказы и готовы были идти за ним в огонь и в воду... И он гордился этим. Когда уже взрослым человеком заболел детской болезнью, то шутил: «Чтобы в сорок пять лет заболеть скарлатиной, надо быть детским писателем...»

Большой, веселый, остроумный и жизнерадостный, Евгений Львович Шварц был неустанным работником. Он работал каждый день, он торопился высказать все, что думал, что хотел передать людям. Его книжки, его пьесы — «Клад», «Снежная королева», «Тень», «Голый король», «Дракон», «Обыкновенное чудо», его киносценарии наполнены надеждами, верой в обязательную победу добра над всяким злом. В киносценарии о герое, которого он особенно нежно любил, Дон Кихот говорит своему другу и оруженосцу: «Сражаясь неустанно, доживем, доживем мы с тобою, Санчо, до золотого века. Обман, коварство и лукавство не посмеют примешиваться к правде и откровенности. Мир, дружба и согласие воцарятся во всем свете. Справедливость уничтожит корысть и пристрастие. Вперед, вперед, ни шагу назад!»

С этой верой жил и работал для людей Евгений Шварц.

Лев РАЗГОН

Пьеса «Подарок для Снегурочки» — новогодняя. А почему мы ее уже в ноябрьском номере печатаем? Да потому, что предлагаем вам не просто прочесть пьесу, а успеть подготовить и поставить спектакль на новогоднем празднике.

Когда пьесу прочтешь в первый раз, может показаться — трудная она, ни за что ее не сыграть. Тут и волшебство разное, и превращения! Такая пьеса только для настоящих артистов. Но давайте не будем торопиться, не будем унывать. Не так уж все и сложно. Главное — взяться за дело всем вместе. Одни станут актерами, другие — декораторами, третьи — костюмерами, четвертые — музыкантами, пятые — осветителями. Работа для всех найдется. А руководить ею будет режиссер.

Режиссер, конечно, главная фигура в спектакле, хотя он и не играет в пьесе. Ему надо разработать «план» спектакля, каждой его сцены, представить, как будут двигаться и говорить актеры, а потом научить их хорошо играть свои роли. Режиссер руководит и работой всех остальных участников подготовки спектакля.

Как готовить роли актерам? Сначала, конечно, надо их распределить, решив, кто лучше сыграет одну роль, а кто другую (кстати, можно найти актеров и на роль ворот у домиков Волка и Лисы — сделать ворота «живыми» намного проще, чем делать декорации . После того, как роли распределены, актеры должны научиться читать пьесу вслух «на голоса», научиться подавать друг другу реплики, а уж потом, когда роли выучены наизусть и «разговаривают» актеры без запинки, не забывая, кто, когда и что должен сказать, вот тогда только и надо начинать репетировать на сцене: учиться двигаться, жестикулировать.

Сложным делом, наверное, окажется и оформление спектакля. Чтобы сделать декорации, костюмы, чтобы придумать, как будут происходить все волшебства на сцене, нужна не только фантазия, нужно и техническое мастерство. Нужно и шить уметь, и молотком действовать, и в электротехнике разбираться. Конечно, вовсе не обязательно точно следовать указаниям, которые даны в пьесе. Можно оформить спектакль и попроще. Посмотрите на рисунки в журнале — вдруг возьмете эти костюмы и декорации на заметку? Сказка — это всегда условность. Вьюга может быть из марли с наклеенными на нее бумажными снежинками или из новогоднего «дождика». Музыку к волшебным песенкам подберите сами — выберите какой-нибудь подходящий мотив детской песни, чтобы октябрята знали его и могли подпевать...

Мы вам дали всего несколько советов для «пробуждения» вашей фантазии. Дальше действуйте сами. С инициативой, с выдумкой, а главное — дружно!

Софья ПРОКОФЬЕВА, Ирина ТОКМАКОВА

ПОДАРОК ДЛЯ СНЕГУРОЧКИ

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ,
ШЕСТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

На опушке зимнего леса стоит дом Волка. Крыша из серой дранки — точно надвинутая на брови шапка. Маленькие окошки, тяжелая дубовая дверь. Вокруг дома — неровный частокол. Дощатые ворота. На воротах — песья морда. Возле ворот лавочка. Из чащи леса выбегает заяц МИТРОШКА.

МИТРОШКА. Страха во мне на целых три зайца! Ведь дорога мимо волчьего дома идет. Нет, вот возьму и не испугаюсь и первым встречу Снегурочку. Снегурочка к Мудрому Ворону придет и скажет: «Заяц Митрошка меня первым встретил...» Новый год! Самый хороший на свете праздник! *(Пробегает мимо ворот, ворота распахиваются, злобно гавкают и снова затворяются. Шарахается в сторону.)* Ой! Какие ворота страшные! Лают!

(МИТРОШКА убегает. На лай из дома выходят ВОЛК и ЛИСА.)

ВОЛК. Кто тут?

ЛИСА. До чего у тебя, лапушка, ворота хороши. Лают.

ВОЛК. Не собак же держать! Собак кормить надо. А ворота один раз в год смажешь — и всего-то. *(Гладит песью морду на воротах).* Глядите у меня! Никого не пропускать!

ЛИСА. А на кого они сейчас загавкали?

ВОЛК. Кто его знает.

ЛИСА. Смотри, следы. Заяц пробежал.

ВОЛК. Раз-два по следу! Поймаем!

ЛИСА *(со вздохом).* Кого это ты под Новый год по следам разыщешь? Тут этих следов!.. Все перепуталось. Под Новый год звери по лесу как угорелые бегают. Кто подарки ищет, кто гостей созывает.

ВОЛК. А Снегурочка к Мудрому Ворону идет.

ЛИСА *(со вздохом).* Запоет Снегурочка свою чудо-песенку, разом все свечки на елке загорятся. Да такими огоньками, что ни снег, ни ветер им не страшны. И на этот свет побегут к Мудрому Ворону все зайцы, все белки Новый год встречать.

ВОЛК *(мечтательно).* Зайцы... Белки... Объедение!

ЛИСА. А у них — веселье. И угощение для всех.

ВОЛК *(воет).* Капу-у-уста!

ЛИСА. Почему это? Не только капуста. Там и пряннички, и орешки. Это мы вот голодные будем... *(Задумывается.)* А что если...

ВОЛК. Чего — «если»?

ЛИСА. А что если нам Снегурочку к себе заманить? Да всех и обмануть.

ВОЛК. Как это?

ЛИСА. А вот так, лапушка. Заставим Снегурочку под нашей елкой чудо-песенку спеть. На нашей елке все свечки волшебными огоньками загорятся. Тогда все зайцы, все белки не к Ворону побегут, а к нам. Под нашей елкой хороводы заведут!

ВОЛК. Хороводы? Хорошо бы.

ЛИСА. Первый хоровод — мне. Второй тебе.

ВОЛК. Нет уж! Первый — мне, а второй — тебе. И не спорь.

ЛИСА. Кто же спорит? Я тебе всегда во всем уступаю. Первый — мне, а второй — тебе. Как ты сказал, так и будет.

ВОЛК *(удивленно).* Разве я так сказал?

ЛИСА. Так, лапушка, так. *(Прислушиваясь.)* Слышишь?

(Издалека слышится песенка Снегурочки:

Через лес бежит дорожка,
Блещет искрами снежок.
Подожди еще немножко —
Я приду к тебе, дружок.
Мудрый Ворон, старый Ворон,
Добрый Ворон, мой дружок!

Белой ленточкою — стежка,
Белой скатертью — лужок.
Соберет мой друг Митрошка
Белых зайчиков в кружок.
Милый заяц, белый заяц,
Добрый заяц, мой дружок!)

ВОЛК. Ну, слышу. *(Мрачно.)* Снегурочка к Мудрому Ворону идет.

ЛИСА. Прячься за дом. Скорее!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ВОЛК. С чего это мне прятаться? Я тут главный.
ЛИСА. Самому главному первое дело спрятаться.

(ВОЛК прячется.)

Сейчас я ее перехитрю. *(Поднимает лапы вверх и начинает вопить.)* Помогите! Сюда! Скорее! Туча с неба падает!

(Вбегает СНЕГУРОЧКА.)

СНЕГУРОЧКА. Кто на помощь звал? Что случилось?
ЛИСА. Снегурочка, Снегурочка, помоги, туча падает! Тяжело! Не удержу!
СНЕГУРОЧКА. Тучи с неба не падают.
ЛИСА. Так эта туча не простая. Новогодняя. Вон сколько снегу набрала. Никак не донесет. Ой, помоги, подержи. Сейчас придавит!
СНЕГУРОЧКА *(поднимает руки)*. Ничего не падает!
ЛИСА *(делает шаг к крыльцу)*. Да не там ты держишь. Вот здесь!
СНЕГУРОЧКА. Здесь? И здесь не тяжело.
ЛИСА. Выше руки подними. Кто ж так тучу держит? *(Незаметно подталкивает СНЕГУРОЧКУ к крыльцу).*
СНЕГУРОЧКА. Да я стараюсь.
ЛИСА. Не тут. На крылечке, на крылечке!
СНЕГУРОЧКА *(поднимаясь на крыльцо)*. И тут не тяжело.
ЛИСА *(вталкивает СНЕГУРОЧКУ в дом)*. Вот и все. Волк! Волк! Скорее запирай дверь!

(ВОЛК выскакивает из-за угла и захлопывает дверь своего дома. Запирает на ключ.)

ВОЛК. Раз-два и попалась!

(Выбегает МИТРОШКА.)

МИТРОШКА. Видно, разминулся я со Снегу... Ой, Волк! Лиса!
(МИТРОШКА прячется в сугроб. В окошке появляется СНЕГУРОЧКА.)

(С ужасом.) Снегурочка! Снегурочку в доме заперли!
СНЕГУРОЧКА. Пустите, пустите! Отоприте!
ВОЛК. Еще чего!
ЛИСА. Теперь ты наша, Снегурочка. Теперь у нас на елке чудо-песенку споешь!

(СНЕГУРОЧКА в окошке плачет.)

МИТРОШКА. Ой, зайчики-белочки, беда какая!
ВОЛК и ЛИСА *(приплясывают на крылечке и поют).*

Мы с тобой умны не зря.
Все дела у нас в поря...
Все в порядке! Красота!
Восемь лап и два хвоста!

В день последний декабря
Зайцы к нам сюда нагря...
Все нагрянут в гости вдруг,
Припасай кастрюльки, друг!

(ВОЛК и ЛИСА уходят в дом. МИТРОШКА вылезает из-за сугроба.)

МИТРОШКА. Бедная Снегурочка! Волк серый, голос грубый, а в избушке жарко, душно, натоплено. Скорее к Мудрому Ворону! Лапки мои, скорее бегите, меня несите. Что будет! Страху во мне — на целых три зайца! *(Убегает.)*

Конец первой картины.

Картина вторая

Поляна в лесу. Посреди поляны — высокая стройная елка. На самой верхней ветке поблескивает елочная игрушка — забытый с прошлого года колокольчик. В стороне стоит домик Мудрого Ворона. В окошках — теплый, уютный свет. МУДРЫЙ ВОРОН то выходит из домика, то возвращается, выносит коробки, складывает их под елку, словом, готовится к Новому году.

МУДРЫЙ ВОРОН. Вот со всеми делами и управился. Всем к Новому году подарки приготовил. Белкам — орешки, зайцам — морковку, и для птиц угощение припас. А самое главное — подарок для Снегурочки. Я летал в страну Вечного Лета и принес оттуда... Но тс-с!.. Это секрет. Никто не должен об этом знать... Милая она. Для всех старается. Каждую пичужку приласкает. И сама-то точно птичка. Веселится, поет. А вдруг как загрустит, запечалится... Ну, ничего. Если все получится, как задумано, не будет больше грустить Снегурочка!..

(Вбегает МИТРОШКА, с трудом переводит дух.)

МИТРОШКА. Мудрый Ворон, бежим скорее! Бежим! Летим!
МУДРЫЙ ВОРОН. Ты что, Митрошка? Куда мы побежим? Скоро Снегурочка придет.
МИТРОШКА. Не придет она!
МУДРЫЙ ВОРОН. Как это не придет?
МИТРОШКА. Волк и Лиса ее обхитрили, поймали, на замок заперли.
МУДРЫЙ ВОРОН. Ах, злодеи! Вот бессовестные. Бедная Снегурочка!
МИТРОШКА *(подпрыгивая от волнения)*. Ну, Ворон, Мудрый Ворон, ну, скорее!
МУДРЫЙ ВОРОН. Сейчас, сейчас... *(Побежал, остановился.)* Постой, Митрошка! Не могу я от дома ни на шаг отойти!
МИТРОШКА *(оторопело)*. Это почему же?
МУДРЫЙ ВОРОН. Секрет, Митрошка, такой секрет! Придется тебе одному идти...
МИТРОШКА. Одному?!
МУДРЫЙ ВОРОН. Ах, что я говорю, старый дуралей! Разве зайцу с Волком и Лисой справиться? И все разбежались, никого во всей округе. *(Оглядывается.)* Кого бы, кого бы с тобой послать? Погоди... Вот тебе и товарищ в дорогу!
МИТРОШКА. Где?
МУДРЫЙ ВОРОН. Вон! На елке висит. Смотри!
МИТРОШКА *(разочарованно)*. Колокольчик... Это же просто елочная игрушка. С прошлой зимы на ветке забыли. Какой он мне товарищ?
МУДРЫЙ ВОРОН. Думаешь?.. Сейчас увидишь. *(Выносит из дома большую старинную книгу с медными застежками.)* Вот, Митрошка. Это старая книга Лесной Мудрости. Разыскал я в ней одно надежное заклинание.
МИТРОШКА *(шепотом)*. Какое?
МУДРЫЙ ВОРОН. Оживительное, вот какое. *(Открывает книгу, читает.)*

Ты качни верхушкой, елка,
Тихо-тихо позови.
Прилети, снежинка-пчелка,
Колокольчик оживи!

(Раздается звон, колокольчик раскачивается на ветке и падает вниз. В тот же миг из-за елки выходит человечек в блестящем атласном костюмчике. На голове у него сверкающий колпачок с колечком наверху. ЧЕЛОВЕЧЕК снимает колпачок за колечко, кланяется, колпачок звенит.)

КОЛОКОЛЬЧИК. Ах! А ведь я мог разбиться! Это было бы просто ужасно!

МИТРОШКА *(изумленно).* Живой! Разговаривает!

МУДРЫЙ ВОРОН. Здравствуй, Колокольчик!

КОЛОКОЛЬЧИК *(с обидой).* Только подумайте, забыли! Забыли на ветке! Провисел целый год. Разве не обидно?

МУДРЫЙ ВОРОН. Уж прости, Колокольчик. Только сейчас не до обид. Снегурочка попала в беду. Помочь надо.

КОЛОКОЛЬЧИК. Снегурочка? Что вы говорите? В таком случае я готов.

МУДРЫЙ ВОРОН. Так вот, отправляйся с Митрошкой...

(Снег под елкой шевелится, из сугроба вдруг вылезает неуклюжий забавный человечек. Весь его костюм сплошь состоит из кармашков. Он что-то озабоченно бормочет.)

ЧЕЛОВЕЧЕК *(ощупывая себя со всех сторон).* В этом кармашке — семечки. И в этом семечки. А этот порвался и пустой. *(Горестно.)* Просыпались!..

МУДРЫЙ ВОРОН *(с удивлением).* А ты кто такой?

ЧЕЛОВЕЧЕК *(наивно).* Я? Думаю, что шишка. А вы как думаете?

КОЛОКОЛЬЧИК. Конечно, это шишка. Еловая шишка. Подумать только, в человечка превратился. А ведь со мной рядом на ветке висел!

МУДРЫЙ ВОРОН. Так вот оно что! Значит, волшебное заклинание заодно и шишку оживило. Ну и хорошо. Втроем пойдете — и мне спокойнее будет.

(ШИШКА делает несколько неуклюжих шагов, падает.)

ШИШКА. Кажется, я не очень умею ходить.

МУДРЫЙ ВОРОН. Не беда. Научишься. Еловые дети толковые.

(ШИШКА начинает ходить увереннее.)

МИТРОШКА. Видишь, получается.

МУДРЫЙ ВОРОН. Ну, поспешите, мои хорошие.

КОЛОКОЛЬЧИК. Счастливо оставаться! *(Снимает колпачок, звонит.)* Слышите, какой чудесный звон?

МИТРОШКА *(вздыхает).* Звон звоном, а все-таки страху во мне на целых три зайца!

ШИШКА. Как мы пойдем? Снег такой глубокий. Я думаю, мы увязнем. А вы как думаете?

МУДРЫЙ ВОРОН. Не бойся, Митрошка, не расстраивайся, Шишка. Кое-что я вам с собою в дорогу дам. *(Выносит из дома деревянную резную шкатулку. Торжественно.)* Вот! Всю жизнь я собирал Лесную Мудрость, волшебные песенки и складывал в эту шкатулку.

МИТРОШКА. Волшебная шкатулка!

МУДРЫЙ ВОРОН. Да нет, сама шкатулка простая, деревянная. Мне ее Мастер Дятел подарил. А вот песенки в ней волшебные!

КОЛОКОЛЬЧИК. Волшебные песенки!

МИТРОШКА. Ну, тогда я временно не буду бояться.

(МУДРЫЙ ВОРОН поднимает крышку. Шкатулка открывается с легким звоном.)

МУДРЫЙ ВОРОН *(роется в шкатулке).* Это не то... Не то... Ага! Вот какая песенка вам нужна. Песенка-тропинка. *(Поет.)*

Лети, кружись, снежинка,
Метелица, мети!
Волшебная тропинка,
Возникни на пути!

МИТРОШКА *(разочарованно).* Ну и что твоя песенка? И нисколько не волшебная... Нет никакой тропинки.

КОЛОКОЛЬЧИК. Извините, но и я не вижу.

МУДРЫЙ ВОРОН. И неудивительно. Волшебство еще спит. Чтоб волшебство проснулось, надо спеть песенку всем вместе. Пойте со мной и еще всех ребят попросим.

МИТРОШКА *(в зал).* Ребята, помогите нам! Ну, пожалуйста! Давайте вместе споем волшебную песенку!

(Поют все вместе:

Лети, кружись, снежинка,
Метелица, мети!
Волшебная тропинка,
Возникни на пути!

Сугробы раздвигаются, между ними появляется тропинка.)

ШИШКА. Смотрите! Тропинка! Тропинка!
КОЛОКОЛЬЧИК. Действительно, тропинка. Но совсем узенькая.

(МУДРЫЙ ВОРОН отдает шкатулку с песенками МИТРОШКЕ.)

МУДРЫЙ ВОРОН. Держитесь все вместе. А уж если потеряетесь, ты, Колокольчик, позвони. И все соберутся на твой звон.
МИТРОШКА. До свидания, Мудрый Ворон!
МУДРЫЙ ВОРОН. Удачи вам! Смотрите, берегите шкатулку с песенками!

(МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА уходят по тропинке.)

(Глядя им вслед.) Какие они маленькие. Какие деревья высокие! Как тревожно у меня на душе...

(Издалека слышится стук Дятла.)

Мастер Дятел стучит. Наверно, мастерит сундук для медведицы. *(Набирает охапку дров.)* Надо дров в печку подбросить. Не выстудить бы дом, не заморозить Снегурочкин подарок... Ах, Снегурочка, Снегурочка! Так бы и полетел к тебе на помощь! Но нельзя мне от дома отойти. Потому что... Но тс-с! Это секрет...*(Вздыхая, уходит в дом.)*

Конец второй картины.

Картина третья

Волчья опушка. На лавочке у ворот волчьего дома сидят ЛИСА и ВОЛК. Из окна выглядывает печальная СНЕГУРОЧКА.

СНЕГУРОЧКА. Отпустите меня, звери добрые! Жарко мне в доме, душно.
ЛИСА. До Нового года потерпишь!
ВОЛК. А ведь и правда недолго осталось. Пора елку наряжать. Лиса! Обожди, игрушки вынесу. Раз-два и нарядим!
ЛИСА. Какую это елку ты наряжать собрался?
ВОЛК. Вот эту. Возле моего дома.
ЛИСА. Вот и я думаю — возле моего.
ВОЛК. Я и говорю — возле моего.
ЛИСА. А я с тобой и не спорю. Возле моего. Как ты сказал.
ВОЛК *(удивленно)*. Разве я так сказал?
ЛИСА. Так, лапушка, так.
ВОЛК. А хороша ли елка возле твоего дома?
ЛИСА. Пушистей и не бывает.
ВОЛК *(с сомнением)*. Надо бы поглядеть.
ЛИСА. А вдруг кто Снегурочку отопрет?
ВОЛК. Быть того не может. Никому мой замок не отпереть. Он у меня такой — на весь лес один.
СНЕГУРОЧКА *(в окошке)*. Выпустите меня!
ЛИСА. Как бы не так!
ВОЛК *(закрывая обе створки ворот)*. Эй, ворота, смотрите, не спите, Снегурочку стерегите!
ЛИСА. Вернемся — маслицем помажем.

(ВОЛК и ЛИСА уходят. Осторожно оглядываясь, входят МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК, ШИШКА.)

МИТРОШКА. Вот он, волчий дом.
ШИШКА. И я дошел. Только запыхался немного.

(КОЛОКОЛЬЧИК толкает ворота, ворота распахиваются и громко лают. КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА в испуге шарахаются.)

МИТРОШКА. Не бойтесь, это ворота. Они не кусаются. Только лают.
(МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА входят во двор. Вбегают ВОЛК и ЛИСА. МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА поспешно прячутся за домом.)

ВОЛК. Кто тут? Кто тут? Никого нет. *(Воротам.)* Ах вы, пустолайки!
ЛИСА *(настороженно)*. Погоди, Волк, следы!
ВОЛК. Следы и давеча были.
ЛИСА. Так то были заячьи, а эти не поймешь какие!
ШИШКА *(выглядывает из-за дома)*. Найдут! Поймают! В самовар затолкают! *(Снова прячется за дом.)*
ЛИСА. Чудные следы. Не звериные и не птичьи.
ВОЛК *(с испугом)*. Может, охотник ходил?
ЛИСА. Нет, не охотник. Такие это следы, каких и не бывает.
ВОЛК *(успокоенно)*. А если не бывает, значит, их и вовсе нет.
ЛИСА. Как же нет, когда вот они!
ВОЛК. Тогда давай на всякий случай тут останемся. Мою елку наряжать будем.
МИТРОШКА *(выглядывая)*. Ну, пропали!
ЛИСА. Нет уж, лапушка. Подумаешь, следы. Снегурочка-то вон в окне, видишь? Чего беспокоиться? Пойдем, как решили, мою елку наряжать. *(Уходит, уводя за собой ВОЛКА.)*

(Из-за дома выбегают МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА.)

МИТРОШКА. Еще бы немного, и храбрости моей совсем бы конец!
СНЕГУРОЧКА *(увидев их в окно)*. Митрошка! Это ты?
МИТРОШКА. Это я, это мы, Снегурочка! Сейчас мы тебя выпустим!
СНЕГУРОЧКА. Митрошка! Ничего не получится. Волк дверь на ключ запер!
ШИШКА *(растерянно)*. Как же быть? Волк ведь ключа не оставил?
МИТРОШКА. А волшебные песенки? Вы что, забыли?
КОЛОКОЛЬЧИК. А найдется ли там что подходящее?

(МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА склоняются над шкатулкой, роются в ней.)

ШИШКА. Вот песенка-дождик.
МИТРОШКА. Дождик? Зачем нам дождик?
КОЛОКОЛЬЧИК. А вот песенка-зеркальце!
МИТРОШКА. Опомнись! Для чего нам зеркальце?
ШИШКА. Нашел, я нашел!
МИТРОШКА и КОЛОКОЛЬЧИК. Что??
ШИШКА. Песенка-ключ! Я думаю, как раз то, что надо. А вы как думаете?
МИТРОШКА *(обрадованно)*. Ай да Шишка! Песенка-ключ! Давайте попробуем, споем ее!
МИТРОШКА, ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК *(поют)*.

Из серебристых тучек
Летит снежинок рой!
Скорей, волшебный ключик,
Тугой замок открой!

(КОЛОКОЛЬЧИК взбегает на крыльцо, дергает дверь.)

КОЛОКОЛЬЧИК. Не открывается.

МИТРОШКА. А что Ворон говорил: волшебство спит. Чтоб его разбудить, надо спеть всем вместе. *(В зал.)* Ребята! Пойте с нами песенку-ключ!

(Все вместе поют:

Из серебристых тучек
Летит снежинок рой!
Скорей, волшебный ключик,
Тугой замок открой!

Дверь сама собой отворяется, на крыльцо выбегает СНЕГУРОЧКА.)

СНЕГУРОЧКА *(радуется).* Как хорошо на воле, не жарко, не душно, снежок! Как же ты открыл дверь, Митрошка?

МИТРОШКА. А у нас есть волшебные песенки.

СНЕГУРОЧКА *(с изумлением).* Какие песенки?.. Ой, а это кто?

КОЛОКОЛЬЧИК *(раскланивается).* Я Колокольчик. Приятно познакомиться. Мы встречались в прошлом году на елке. Но я некоторым образом, м-м-м, висел на ветке.

ШИШКА. А я Шишка. Просто Шишка. Я на елке родился.

СНЕГУРОЧКА. Какие вы хорошие!

МИТРОШКА. Ну, поторопимся.

СНЕГУРОЧКА. Да, да! Бежим скорее...

(СНЕГУРОЧКА бросается к воротам. МИТРОШКА, ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК удерживают ее.)

МИТРОШКА. Стой, Снегурочка, нельзя в ворота!

ШИШКА. Они лают!

КОЛОКОЛЬЧИК. Волк и Лиса, знаете ли, тут же прибегут.

СНЕГУРОЧКА. Да-да! Увидят, что меня нет, и кинутся за нами в погоню. Как же нам отсюда выбраться?

ШИШКА. А через забор?

(ШИШКА неуклюже карабкается на забор, срывается, падает. Ощупывает себя, с отчаянием.) Я разорвал кармашек! И этот! И этот! Семечки сыплются!..

КОЛОКОЛЬЧИК. Помилуйте, как же это через забор? Я могу разбиться!

МИТРОШКА. Да ведь у нас есть волшебные песенки! *(Открывает шкатулку.)* Смотрите — песенка-дым!

ШИШКА *(немного испуганно).* Зачем дым?

СНЕГУРОЧКА. Пусть подумают, что я в доме сижу, печку топлю.

МИТРОШКА *(поет).*

Приходит зимний вечер,
И звезды вместе с ним.
Кружись, летучий ветер,
Клубись, волшебный дым!

ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК. Ребята, а теперь все вместе!

(Все вместе поют:

Приходит зимний вечер,
И звезды вместе с ним,
Кружись, летучий ветер,
Клубись, волшебный дым!

Из трубы волчьего дома начинает клубами валить дым.)

СНЕГУРОЧКА. А теперь — бегом отсюда!

(Все торопливо пробегают через ворота, ворота громко и сердито лают им вслед. Едва все успевают скрыться в лесной чаще, как с другой стороны появляются ВОЛК и ЛИСА.)

ВОЛК. Что? Что? Что за лай?

ЛИСА. Волк, смотри, Снегурочки в окне не видно! Уж не сбежала ли?

ВОЛК. А замок? Самый крепкий, на весь лес один такой.

ЛИСА. Пойди все же глянь.

(ВОЛК хочет подняться на крылечко, ЛИСА удерживает его за лапу.)

Смотри, смотри, Волк! Дым!

ВОЛК (*удивленно*). Дым?.. Ну, значит, Снегурочка в доме печку растопила. Верно, решила нас пирожком побаловать. Новый год все-таки.

ЛИСА. Хорошо бы с малиной или с грибами...

ВОЛК (*мечтательно*). А лучше бы с зайчатиной...

ЛИСА. Неплохо и с зайчатиной.

ВОЛК. Пошли пирога поедим!

(ВОЛК хочет подняться на крыльцо, ЛИСА снова удерживает его.)

ЛИСА. Обожди. Сперва договоримся, как его делить.

ВОЛК. Ну как?

ЛИСА. Поровну, лапушка, пополам. Одна половинка побольше, другая — поменьше.

ВОЛК. Мне — какая побольше.

ЛИСА. Вот и я, лапушка, говорю, мне какая побольше.

ВОЛК (*рычит*). Да не тебе! Мне, мне, мне!

ЛИСА. Нет, мне, мне, мне!

(ВОЛК и ЛИСА дерутся на крыльце.)

Постой, Волк, что это мы? Какой пирог? Какая печка? Ведь Снегурочка больше всего на свете огня-жара боится!

ВОЛК. И правда!

(ВОЛК вбегает в дом, ЛИСА — за ним. Тут же оба опять появляются на крыльце, изумленно глядят друг на друга.)

Ни пирога, ни Снегурочки! И печка холодная. А замок как она открыла?

ЛИСА. Это уж тебе знать. Хвастался: замок да замок.

ВОЛК (*в растерянности*). А тропинок сколько! По какой побежали, и не узнаешь! Вот эту кабаны протоптали, эту лось, эту...

ЛИСА. Постой, постой, Волк! Вот по какой Снегурочка побежала! Видишь — семечки!

ВОЛК. Еловые. Ну и что?

ЛИСА. А то. Кто-то здесь был, Снегурочке помог. Да второпях семечки просыпал. По всей тропинке так цепочкой и идут.

ВОЛК. Так мы ее сейчас — раз, два — и догоним. Далеко не уйдет! Наша будет Снегурочка!

(ВОЛК и ЛИСА поспешно убегают.)

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина четвертая

Заснеженная березовая роща. Старая береза упала, лежит поперек тропинки. Где-то в отдалении продолжает стучать Дятел. Входят СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА. СНЕГУРОЧКА несет шкатулку с песенками.

МИТРОШКА (*прислушиваясь*). Вроде никто за нами не гонится. Тихо.

ШИШКА. Ой, устал! Ни правая, ни левая не идет.

СНЕГУРОЧКА. Посидим здесь.

(Все усаживаются рядком на поваленную березу.)

КОЛОКОЛЬЧИК. Дятел стучит...

ШИШКА. Помнишь, Колокольчик, Дятел к нам прилетал, когда мы на елке висели?

КОЛОКОЛЬЧИК. Ах, оставь, кому нужны эти воспоминания.

МИТРОШКА. Дятел, наверное, корытце для кабанчиков делает.

ШИШКА (*ощупывая кармашки*). Сколько семечек просыпалось!

КОЛОКОЛЬЧИК. Велико ли дело — семечки!

ШИШКА (*грустно*). Не говори так, Колокольчик. В каждом семечке — елочка. Зеленое деревце. Семечки беречь надо, чтобы леса росли.

СНЕГУРОЧКА. Не огорчайся, Шишка, придем к Мудрому Ворону, я зашью твои кармашки. (*Поет.*)

Хороша ты, мать-зима,
Кружева на старой ели,
На березе — бахрома,
Сосны шапочки надели.

День пройдет, другой пройдет:
Словно книгу я листаю.
А когда весна придет,
Я тогда... тогда...

(Замолкает.)

МИТРОШКА. Снегурочка! Ты почему эту песенку никогда до конца не допеваешь?

СНЕГУРОЧКА. У нее грустный конец, Митрошка.

ШИШКА. Грустный, а почему?

СНЕГУРОЧКА. Потому что я Снегурочка.

МИТРОШКА. Так это же хорошо!

СНЕГУРОЧКА *(не слушая его)*. Вот пройдет Новый год, вьюги и метели на север улетят. Солнышко потеплеет...

ШИШКА. Так ведь это тоже хорошо.

СНЕГУРОЧКА *(печально)*. Смешной ты, Шишка.

КОЛОКОЛЬЧИК. Признаться, и я не понимаю.

СНЕГУРОЧКА. Ах, дружочки мои! Ведь как наступит весна, я растаю. Только с первым снегопадом я появлюсь снова.

МИТРОШКА. А это страшно — таять?

СНЕГУРОЧКА. Не страшно, а печально. Я никогда не видела лета, не ходила по траве, не слышала, как летом поют птицы.

МИТРОШКА. И ничего-ничего нельзя сделать, чтобы ты весной не растаяла? Неужели ничего?

СНЕГУРОЧКА. Надо, чтобы я хоть на минуточку зимой встретилась с летом. Тогда я больше никогда не растаю. *(Грустно.)* Но как зимой встретишься с летом?

МИТРОШКА *(настораживаясь)*. Снег скрипит. Кто-то идет!

СНЕГУРОЧКА *(вскакивая)*. Это Волк и Лиса!

МИТРОШКА. Скорее! Скорее песенку!

КОЛОКОЛЬЧИК. Я вас умоляю, скорее!

СНЕГУРОЧКА *(заглядывая в шкатулку)*. Песенка-вьюга! Пусть будет вьюга! Снег повалит, они нас не увидят.

(СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК поют:

Пусть с севера и с юга
Поземка набежит.
Пусть вьюга, вьюга, вьюга
Закружит, завьюжит!)

МИТРОШКА *(в зал)*. Ребята! Теперь все вместе!

(Все поют:

Пусть с севера и с юга
Поземка набежит,
Пусть вьюга, вьюга, вьюга
Закружит, завьюжит!

Слышен свист ветра, начинает идти снег. Вбегают ВОЛК и ЛИСА.)

ВОЛК *(с торжеством)*. Вот ты где! Ну, иди, иди сюда, Снегурочка!

ЛИСА. Видишь, кто ее освободил?

(Снег сыплет все гуще и гуще, вот он уже валит крупными хлопьями. Все скрывается за пеленой снега.)

ВОЛК. Лиса, где ты, ничего не вижу!

ЛИСА. Лови Снегурочку, Волк!

ВОЛК. Вот она, попалась!

(ВОЛК хватает в охапку ЛИСУ.)

ЛИСА. Ты что, рехнулся? Это же я.

(Оба скрываются за пеленой снега.)

СНЕГУРОЧКА *(появляясь из вьюги)*. Колокольчик, где ты, позвони! *(Исчезает.)*

КОЛОКОЛЬЧИК *(появляясь из снегопада)*. Тут я, тут! *(Звонит. Скрывается.)*

ЛИСА *(появляясь)*. Не уйдешь, Снегурочка!

(ЛИСА хватает ВОЛКА.)

ВОЛК. Это же я, Лиса!

ЛИСА. Тьфу ты! Чего ты все попадаешься?

ВОЛК. Что-то в ушах звенит.

ЛИСА. И у меня тоже. Чудно!..

(Оба скрываются.)

МИТРОШКА *(появляясь)*. Колокольчик, позвони! *(Исчезает.)*

(В суматохе ШИШКА сталкивается с КОЛОКОЛЬЧИКОМ, колпачок Колокольчика скатывается в снег.)

КОЛОКОЛЬЧИК. Где мой колпачок? Ничего не вижу!

(КОЛОКОЛЬЧИК исчезает. Ветер и вьюга постепенно затихают. Возле поваленной березы стоят ВОЛК и ЛИСА, уставившись друг на друга.)

ЛИСА. Колпачок! *(Поднимает его.)* Да он звонит!

ВОЛК. Нам-то он на что. Снегурочка нам нужна, а не колпачок.

ЛИСА *(лукаво)*. Есть колпачок, будет и Снегурочка. А ты, Волк, пока за сугробом схоронись, да смотри не зевай.

(ЛИСА звонит. На звон выбегает КОЛОКОЛЬЧИК.)

КОЛОКОЛЬЧИК. Кто нашел мой колпачок? Спасибо, спасибо!

ЛИСА. На здоровье!

(Из-за сугроба появляется волчья лапа, утягивает КОЛОКОЛЬЧИКА за сугроб. ЛИСА снова звонит. На звон выбегает ШИШКА.)

ШИШКА. Ты здесь, Колокольчик?

(ВОЛК хватает ШИШКУ.)

ВОЛК. Звони еще, Лиса!

(ЛИСА звонит. На звон выбегает МИТРОШКА.)

МИТРОШКА. Колокольчик, а где Снегурочка?

ВОЛК. Иди сюда, мягонький!

(ВОЛК хватает МИТРОШКУ. ЛИСА продолжает звонить. Вбегает СНЕГУРОЧКА. ВОЛК вылезает из-за сугроба.)

СНЕГУРОЧКА. Ой!

ЛИСА. Вот и славненько. Вот и все вместе собрались. По-семейному, по-домашнему.

ВОЛК. Колокольчик разобьем! Шишкой самовар растопим. А тебя, мягонький, в супчик, в супчик...

СНЕГУРОЧКА. Что вы! Нет!

ШИШКА. Мамочка-елочка!

МИТРОШКА *(делая знак СНЕГУРОЧКЕ)*. Ну что ж! Видно, такая уж судьба. Согласен в суп. С лапшой. Но только позвольте, звери добрые, напоследок хоть песенку спеть!

ВОЛК. Пусть споет. У меня от музыки аппетит разыгрывается.

ЛИСА. Что ж, спой. Только что-нибудь веселенькое.

МИТРОШКА. Постараюсь. *(Шепотом — СНЕГУРОЧКЕ.)* Дай мне шкатулку!

СНЕГУРОЧКА *(отдавая шкатулку, шепотом)*. С самого верха песенка-сон лежит.

МИТРОШКА *(поет).*

Узорные снежинки
Летят со всех сторон!
На снеговой перинке
Явись, волшебный сон!

ЛИСА. И ничего особенного. Унылая песенка какая-то.

ВОЛК *(воет).* Ску-у-ка! Хватит, замолчи.

МИТРОШКА. Дальше веселее будет.

СНЕГУРОЧКА *(в зал).* Ребята, пойте вместе с нами!

(Все вместе поют:

Узорные снежинки
Летят со всех сторон!
На снеговой перинке
Явись, волшебный сон!)

ЛИСА *(зевая).* Спа-а-ть хочется.

ВОЛК *(зевая).* И я засыпа-аю.

ЛИСА *(ложится на снег).* Перинка пушистая, взбитая, одеяло легкое, глаза закрываются...

ВОЛК. Посплю немножко. *(МИТРОШКЕ.)* Иди сюда, мягонький. Из тебя подушка приятная.

(ВОЛК и ЛИСА засыпают.)

СНЕГУРОЧКА. Спят!

МИТРОШКА. Ой, страху во мне — на целых три зайца!

КОЛОКОЛЬЧИК. Мой колпачок! *(Берет колпачок.)* Какое счастье, что он не разбился в этих грубых лапах.

СНЕГУРОЧКА. Волшебный сон скоро кончится. Скорее, мои дружочки...

(СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК на цыпочках уходят. ВОЛК и ЛИСА шевелятся, просыпаются, трут глаза.)

ЛИСА *(с изумлением).* Что это я? Неужто заснула? Волк, Волк, проснись!

ВОЛК *(просыпается).* А? Что?

ЛИСА. Где Снегурочка?

ВОЛК. Это ты ее проспала. Спать улеглась, нашла время. Бежим, догоним!

ЛИСА *(мрачно).* Догоняли уже... Постой, постой, Волк! А с чего это мы вдруг уснули? *(Задумывается.)* Дым без огня, сон среди бела дня, а вьюга без тучи, вот странный случай. Поразмысли-ка?

ВОЛК. И правда. Как это, Лиса?

ЛИСА *(хлопнув себя по лбу).* Догадались мы с тобой, лапушка, догадались!

ВОЛК. А о чем мы догадались, Лиса?

ЛИСА. А о том. Не простую песенку Заяц спел! Волшебную. Засыпальную!

ВОЛК. А ведь верно, Лиса.

ЛИСА. Заметил, он ее из шкатулки вынул? Кто, как не Мудрый Ворон, им эту шкатулочку дал!

ВОЛК. Он, он, кому же еще!

ЛИСА. Посмеялся над нами Мудрый Ворон! А мы-то: уснули, разнежились. На весь лес осрамились!

ВОЛК. Надо же, кто нас обхитрил. Заяц — бульона на две тарелки и Ворон — на пятачок перьев. Отнимем у них шкатулку!

ЛИСА *(со злостью).* Отнять-то мы отнимем и Снегурочку петь заставим. Да мало мне теперь этого, мало! Хочу душу отвести — вволю над ними посмеяться. Пусть Мудрый Ворон попрыгает передо мной да покланяется!

ВОЛК. Мне пусть покланяется.

ЛИСА *(не слушая его).* Мы теперь с тобой их хитростью, хитростью возьмем.

ВОЛК. А как хитрить-то будем?

ЛИСА. Беги скорей к Мастеру Дятлу. Хоть полхвоста ему выдери, а вели тут же смастерить такую же шкатулку, как у Снегурочки. Точно такую.

ВОЛК. Почему это я — «беги»? Я тут главный!

ЛИСА. Главный всегда и бегает. Главного скорей послушаются.

(ВОЛК убегает.)

Небось и сороки видели, как мы спать плюхнулись. На весь лес разнесут. Не знать мне покоя, пока с Мудрым Вороном счеты не сведу!

Конец четвертой картины.

Картина пятая

Нарядный домик Лисы. Крыша из золотистой соломы, забор с узорчатыми, резными воротами. Вдалеке стучит Дятел. Входит ЛИСА. Ворота открываются, приговаривая: «Заходите, милые, заходите, лапушки».

ЛИСА (*отмахиваясь*). Не до вас, ворота, погодите!

(ЛИСА начинает бегать кругами. Входит ВОЛК. В одной лапе у него шкатулка, в другой — перья.)

ВОЛК (*окликает ее*). Лиса! Лиса! Что ты бегаешь? Не мелькай.

ЛИСА. Хитрую тропинку протаптываю.

ВОЛК. Что еще за тропинка?

ЛИСА. Такая это тропинка, что кто на нее ступит, тот с нее не сойдет. Так и будет ходить все кругами, кругами.

ВОЛК (*протягивая ей перья*). Вот.

ЛИСА. Очнись, лапушка, зачем мне перья?

ВОЛК. Так ты сама велела Дятлу полхвоста выдрать.

ЛИСА (*качает головой*). Ну и умница ты беспросветный. Шкатулку-то хоть сделал Дятел?

ВОЛК. Вот. Сделал. Попробовал бы не сделать.

ЛИСА (*любуясь шкатулкой*). Точь-в-точь как у Снегурочки, не отличишь.

ВОЛК. Да вот только где она, твоя Снегурочка?

ЛИСА. Никуда не денется! Дорога к Мудрому Ворону одна — через горбатый мостик, мимо моего дома.

(Слышны приближающиеся голоса.)

А вот и она!

ВОЛК (*с торжеством*). Ага!

ЛИСА. Тс-с! (*Заталкивает ВОЛКА в дом, вбегает вслед за ним, захлопывает дверь.*)

(Входят СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, ШИШКА, КОЛОКОЛЬЧИК. ШИШКА еле бредет от усталости. Ворота распахиваются, приговаривая: «Заходите, милые, заходите, лапушки». ВОЛК и ЛИСА незаметно выглядывают в окно.)

СНЕГУРОЧКА. Какие ворота ласковые. Наверно, тут кто-то добрый живет.

ШИШКА. Вот бы попросить у хозяев иголку с ниткой. Ты бы мне кармашки зашила, а, Снегурочка?

КОЛОКОЛЬЧИК. Это уже утомительно — все кармашки, семечки...

ШИШКА. Тебе хорошо говорить, Колокольчик, а я пока дойду — весь высыплюсь.

СНЕГУРОЧКА. Ладно, Шишка! (*Взбегает на крыльцо, стучит в дверь.*) Милые хозяева! Не дадите ли иголку с ниткой! Пожалуйста!

(Никто не откликается.)

Ничего. Потерпи, Шишка, придем к Мудрому Ворону, все кармашки тебе заштопаю. Идемте!

(Все уходят. ВОЛК и ЛИСА появляются на крыльце.)

ВОЛК (*разочарованно*). Эх! Чего же мы шкатулку-то не отняли?

ЛИСА. Погоди, лапушка. Шкатулка, считай, что наша. Сейчас хитрая тропинка их назад приведет.

(ЛИСА на минутку скрывается в доме, выносит свою шкатулку, кладет туда нитки, иголки, ножницы.)

ВОЛК (*с удивлением*). Ты это чего, Лиса? Нитки, иголки зачем это? А ножницы для чего?

ЛИСА (*с насмешкой*). Конец к началу пришить, лапушка, вот зачем.

ВОЛК. А-а! Смотри покрепче пришей, чтоб не оторвался.

(Снова слышны голоса.)

ЛИСА. Иди-ка в дом, Волк.

(ВОЛК и ЛИСА снова скрываются в доме. Входят СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, ШИШКА, КОЛОКОЛЬЧИК.)

(Ворота снова распахиваются, приговаривая: «Заходите, милые, заходите, лапушки».)

СНЕГУРОЧКА (*удивленно*). Странно! Опять к этому же домику вышли.

ШИШКА. Все. Больше не могу. Ни правая не идет, ни левая. (*Кряхтя, усаживается на ступеньки крыльца.*) Мамочка-елочка, сил моих нет!

СНЕГУРОЧКА. Отдохни тут, Шишка. Мы пока другую дорожку поищем. Найдем — вернемся за тобой. Держи шкатулку, да смотри, береги ее.

(СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК уходят.)

ШИШКА (*один*). Всю жизнь спокойненько висел, а сегодня целый день бегаю. Уморился.

(Дверь тихонько отворяется. На крылечке появляется ЛИСА.)

ШИШКА (*пугаясь*). Ой, Лиса!

ЛИСА (*ласково*). Чего ты испугался? Я — Лиса, да не та.

ШИШКА. Какая же ты?

ЛИСА. Та Лиса — Патрикеевна. А я — Матвеевна. Я простая, бесхитростная. Всем добра желаю, помочь стараюсь. Жалко мне тебя, бедненький. Как из тебя семечки сыплются! Хочешь, я тебе кармашки зашью?

ШИШКА. Хочу! Очень хочу!

(ЛИСА делает знак ВОЛКУ, тот просовывает ей в дверь шкатулку.)

ЛИСА (*начинает зашивать кармашки*). Сперва этот кармашек зашью — так. Теперь вот этот. Подними руки — уколю! Да поставь ты свою шкатулку. Никуда она не денется.

(ШИШКА ставит шкатулку.)

Теперь вот так повернись. Да не крути головой, стой смирно. (*Поворачивает ШИШКУ спиной, незаметно отдает шкатулку с песенками ВОЛКУ.*) Вот и готово!

ШИШКА. Спасибо тебе, Матвеевна! Уж какое большое спасибо! От меня и от всех елочек!

ЛИСА (*спускаясь с крылечка*). А теперь во дворе порядок наведем. (*Заметает хвостом хитрую тропинку и уходит в дом.*)

(Входят СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК.)

СНЕГУРОЧКА. Не нашли мы дороги... (*Перебивает сама себя.*) Да вот же она! Вот дорожка к горбатому мостику!

МИТРОШКА. Как мы ее раньше не заметили?

ШИШКА. А знаешь, Снегурочка...

КОЛОКОЛЬЧИК (*перебивая*). Опять про семечки?

ШИШКА. Да нет. Я хотел рассказать...

СНЕГУРОЧКА (*торопит его*). Смеркается уже. Пойдем скорее, Шишка!

(Все уходят. На крыльцо выходят ВОЛК и ЛИСА.)

ВОЛК. Не пойму я тебя, Лиса. Чего ж мы Снегурочку не сцапали?
ЛИСА. Время не пришло.
ВОЛК. А чего ж ты шкатулку с песенками не забрала?
ЛИСА (*лукаво*). А это что?
ВОЛК. Нитки, иголки, ножницы.

(ЛИСА открывает шкатулку, шкатулка издает мелодичный звон.)

Песенки! Волшебные! Те самые!
ЛИСА (*с торжеством*). Вот теперь-то Мудрый Ворон у нас попляшет, потанцует! (*Перебирает песенки.*) Вот песенка-веревка, а это песенка-цепь да еще с замком кованым. Посадим Мудрого Ворона на цепь. Вот уж весь лес над ним посмеется! Даже сороки.
ВОЛК. А все зайцы и белки к нам на елку прибегут!
(ВОЛК и ЛИСА пляшут на крыльце и поют:

В день последний декабря
Зайцы к нам сюда нагря...
Все нагрянут зайцы вдруг,
Припасай кастрюльки, друг!

Мы с тобой умны не зря.
Мы умеем притворя...
Притворяться, и юлить,
И неправду говорить!)

Конец пятой картины.

Картина шестая

Поляна в лесу. Светятся окошки в домике Мудрого Ворона. Елка, что растет посреди поляны, украшена игрушками. Из домика выходит МУДРЫЙ ВОРОН.

МУДРЫЙ ВОРОН (*с беспокойством*). Ну, где же они? Солнце уже село. Неужели и волшебные песенки не помогли? Ах, лес дремучий!.. Какой грустный, какой странный Новый год. Как тревожно! Как тревожно!

(Вбегают СНЕГУРОЧКА, МИТРОШКА, КОЛОКОЛЬЧИК и ШИШКА.)

Снегурочка! Душенька моя!
СНЕГУРОЧКА. Здравствуй, Мудрый Ворон! Как я по тебе соскучилась!
ШИШКА. Вот и мы!
МУДРЫЙ ВОРОН. Ах, вы, мои дорогие!
МИТРОШКА. Страху натерпелись — на тридцать три зайца!
МУДРЫЙ ВОРОН. Пригодились ли мои песенки?
МИТРОШКА. Еще как!
СНЕГУРОЧКА. Вот твоя шкатулка, Мудрый Ворон. (*Отдает шкатулку МУДРОМУ ВОРОНУ.*)

(Вбегают ВОЛК и ЛИСА. В лапах у ВОЛКА точно такая же шкатулка.)

ЛИСА. Ах, здрасьте, здрасьте! (*С издевкой.*) Наше вам с хвостиком!
МУДРЫЙ ВОРОН. Вы зачем сюда явились?
ШИШКА (*удивленно*). Лиса, ты кто? Матвеевна или Патрикеевна?
ЛИСА. Я? Патрикеевна-Матвеевна. А хочешь Матвеевна-Патрикеевна. То же на то же выходит, и разницы никакой.
МУДРЫЙ ВОРОН (*строго*). Что это все значит?

(ВОЛК и ЛИСА покатываются со смеху.)

ЛИСА (*подталкивая ВОЛКА*). Гляди, Волк! Видто какой важный! Смотрит строго. Будто и правда важная птица.
ВОЛК. Перьев — пучок, мяса — на пятачок!
СНЕГУРОЧКА. Как вы смеете?
ВОЛК (*грубо*). А ты и вовсе молчи. Горло береги. Сейчас с нами пойдешь, песню запоешь.
МУДРЫЙ ВОРОН. Ну, если так, придется с вами поговорить по-другому. Сейчас я... (*Открывает шкатулку. В ужасе.*) Что это?! (*Вытряхивает содержимое на снег. Высыпаются нитки, иголки, ножницы.*)

СНЕГУРОЧКА. Ножницы? Откуда ножницы?
МИТРОШКА. Нитки? Иголки?
ВОЛК (*встряхивая шкатулкой*). Вот они, волшебные песенки! У нас, а не у вас!

ШИШКА. Ой, мамочка-елочка! Это я виноват.

ВОЛК. Мы уже песенку подходящую подобрали. Песенку-цепь! Сейчас всех вас на цепь посадим.

ЛИСА *(с издевкой).* Будет у нас цепной ворон! Ха-ха-ха! Старый дурень, на весь лес посмешище! Запевай, Волк!

(ВОЛК и ЛИСА начинают фальшиво петь:

Не шевелись — и точка.
Замри, не ворохнись!
Железная цепочка
Тугим замком замкнись!)

ВОЛК. Лиса, а где цепь-то?

ЛИСА. Сейчас будет, Волк. Надо, чтобы вот они *(указывает в зал)* с нами волшебную песенку спели. Эй вы, козявки! Пойте с нами!

МИТРОШКА *(отчаянно).* Не надо! Не пойте с ними!

КОЛОКОЛЬЧИК. Ни словечка, умоляю!

СНЕГУРОЧКА. Закройте рты ладошками! Вот так. И ты, девочка, и ты, мальчик!

(ВОЛК и ЛИСА снова запевают песенку. Зал молчит.)

ЛИСА *(растерянно).* Волк, они не хотят!

ВОЛК *(в зал, злобно).* Молчите? Да? Ну, если так... *(Швыряет шкатулку на снег.)* Дрянные песенки! Растопчу вас! Вот вам! Вот вам! *(Топает ногами.)* А Снегурочку все равно силой отнимем!

(МИТРОШКА, ШИШКА и КОЛОКОЛЬЧИК бесстрашно выбегают вперед и загораживают СНЕГУРОЧКУ.)

МИТРОШКА. Не отдадим Снегурочку!

КОЛОКОЛЬЧИК. Пусть я лучше разобьюсь!

(ВОЛК и ЛИСА от неожиданности на миг застывают на месте. Тем временем МУДРЫЙ ВОРОН успевает открыть Древнюю Мудрую Книгу.)

МУДРЫЙ ВОРОН *(поспешно листая страницы).* Вот что нам нужно. Заклинание. Превращательное! *(Произносит заклинание.)*

Ты качни верхушкой, елка.
Птица-слово, прилети,
И скорей Лису и Волка
Ты в игрушки преврати!

(Музыка, вспышка света. ВОЛК и ЛИСА исчезают.)

ШИШКА *(с изумлением).* Куда они подевались?

МИТРОШКА. Правда, где они?

(МУДРЫЙ ВОРОН поднимает с земли и показывает всем две блестящие елочные игрушки — волка и лису.)

МУДРЫЙ ВОРОН. Волк и Лиса превратились в елочные игрушки!

КОЛОКОЛЬЧИК. Вот это да!

МИТРОШКА. Какой ты мудрый, Мудрый Ворон! Пусть теперь висят на елке! *(Вешает игрушки на елку.)*

СНЕГУРОЧКА. Глупый Волк, рассыпал все песенки!

КОЛОКОЛЬЧИК. Да они все целы!

(КОЛОКОЛЬЧИК, МИТРОШКА и ШИШКА собирают песенки в шкатулку и отдают МУДРОМУ ВОРОНУ.)

СНЕГУРОЧКА. Ах, как хорошо! Будет у нас Новый год! Будет веселый праздник! *(С внезапной грустью.)* А потом придет весна, и я...

МУДРЫЙ ВОРОН. Нет, Снегурочка, не грусти, ты больше никогда не растаешь!

СНЕГУРОЧКА. Это невозможно. Ты же знаешь, Мудрый Ворон. Для этого я должна встретиться с летом. А зимой лета не бывает...

(МУДРЫЙ ВОРОН идет в домик и выносит оттуда горшочек с чудесным голубым цветком.)

СНЕГУРОЧКА *(пораженная).* Что это?

МИТРОШКА. Снегурочка, это цветок!

МУДРЫЙ ВОРОН. Это и есть мой секрет, Снегурочка! Я летал далеко-далеко, в страну Вечного Лета. Я принес для тебя оттуда росточек голубого цветка. Маленький-маленький. Но этот росток заговорен: никто не должен был о нем знать, иначе не расцвел бы цветок, погиб. Вот почему не мог я отойти от дома. Вот почему не полетел к тебе на помощь! Возьми его, Снегурочка, он твой. Это твоя встреча с летом!

(СНЕГУРОЧКА робко протягивает руки, берет цветок, нюхает его.)

СНЕГУРОЧКА. Цветочек!.. Он пахнет солнышком... Мне кажется, я становлюсь другой. И все вокруг другое...

МУДРЫЙ ВОРОН. Теперь ты больше никогда не растаешь, Снегурочка!

СНЕГУРОЧКА. Я останусь с вами и летом! Снег растает, а я нет! Я услышу, как поет жаворонок, я сплету венок из одуванчиков. А под Новый год я всегда буду петь...

(Начинают бить часы.)

МУДРЫЙ ВОРОН. Новый год! Новый год! Снегурочка, пора. Запевай свою чудо-песенку.

СНЕГУРОЧКА *(поет).*

Новогодний звонкий вечер,
Прямо с облака слети.
Ты зажги на елке свечи
И полянку освети.

Вместе с ветром и метелью
Сердце песенку поет.
Счастье, радость и веселье
Нам приносит Новый год!

(На елке сами собой загораются и разгораются все ярче и ярче разноцветные свечи. Все берутся за руки, кружатся вокруг елки.)

МУДРЫЙ ВОРОН. Слышите! Слышите! Со всех сторон к нам бегут зайчики, по веткам скачут белки. Сейчас все будут тут!

ВСЕ *(поют).*

Новый год, Новый год,
Новым дням — новый счет,
Ты кружись, кружись быстрее,
Наш веселый хоровод!

СНЕГУРОЧКА *(в зал).* Спасибо вам, ребята! Спасибо! Без вас сказка не кончилась бы так хорошо!

МУДРЫЙ ВОРОН. Будьте счастливы! Будьте счастливы!

КОНЕЦ

275 лет назад родился Михаил Васильевич Ломоносов. Он был первым русским ученым-естествоиспытателем мирового значения, человеком энциклопедических интересов и способностей. Обладая «терпением и благородной упрямкой», как он сам о себе говорил, Ломоносов прошел тесные и трудные врата науки и поднялся на ее вершины.

Трудно было бы даже перечислить коротко все сделанное Ломоносовым. Он плодотворно работал во многих областях наук, часто был первопроходцем. Его смелые предвидения опережали время. «Я сам не совершу, однако начну, то будет другим после меня легче сделать»,— говаривал Михайло Васильевич.

Один из основоположников физической химии, он сформулировал принцип сохранения материи и движения. Основоположник современной русской поэзии, он разработал теоретически и оправдал в своем творчестве новые правила русского стихосложения.

Он был великий практик. Конструировал зрительные приборы и новые виды телескопов. Оказался и выдающимся астрономом-наблюдателем: во время редкого явления — «прохождения Венеры» по видимому диску Солнца — установил, что эта планета

«окружена знатною воздушною атмосферою».

Проделав почти две тысячи опытов, он разгадал тщательно оберегаемые иностранными мастерами секреты приготовления смальт — непрозрачных цветных стекол для мозаик,— добился более ярких и сочных цветов и сам стал набирать выразительные портреты и большие мозаичные картины. Самая знаменитая — «Полтавская баталия» — занимает теперь всю стену на верхней площадке вестибюля здания Академии наук на Неве.

Ученый-естествоиспытатель, он находил время для занятий русской историей, изучал летописи, составил и издал научно обоснованную грамматику русского языка. И он же выпустил учебное руководство «Первые основания металлургии или рудных дел», проницательно указав в нем на значение металла в жизни и развитии страны. К этому руководству он приложил ученое сочинение «О слоях земных», где были изложены его передовые взгляды на строение земной коры.

Он стремился обеспечить развитие русского мореходства, изобретал новые приборы, облегчающие кораблевождение, предложил правительству снарядить большую экспедицию для исследования полярных стран и установления Северо-Восточного морского пути вдоль берегов Ледовитого океана. Сам участвовал в подготовке экспедиции. Она ушла в море после смерти Ломоносова...

Это лишь краткий перечень свершений ученого, перечень далеко не полный. Вы не раз встречались и еще не раз встретитесь с именем Ломоносова. Мы же хотим рассказать о его детстве, о тех первых шагах, с которых начался долгий путь в науке.

Александр МОРОЗОВ

ВРАТА УЧЕНОСТИ

Широка и многоводна Северная Двина. Примерно в ста пятидесяти верстах от устья, прямо против старинного города Холмогоры, она, раздавшись вширь, образует несколько рукавов и проливов, обтекающих девять живописных островов. Одни из них — песчаные отмели, поросшие ивняком. Другие — низкие и болотистые, с мелкими ручейками и озерышками. И, наконец, два больших холмистых острова — Куростров и Ухтостров,— пестреющие кряжистыми домами, обычно в два этажа с пристройками-«поветями» и бревенчатыми «взвозами», позволяющими завезти наверх любую поклажу. Вереницы домов называются деревнями, но не в привычном значении этого слова. Деревней на Беломорском Севере называли не поселок, а все владение одной семьи: и полоски пахотной земли, и «поженки» на соседних заливных островах, и даже лесные «путики» на охоту.

Крестьяне, жившие на Беломорском Севере, не были закрепощены. Они не знали барщины и лишь платили пошлины государству. На двинских островах пригодной для обработки земли было мало, да и рожала она скудно. Крестьян кормило море. «Море — наше поле»,— говорили они. Их и называли поморами. Они строили и снастили речные и морские суда. Среди них вырастали опытные «кормщики» (капитаны), которые смело ходили в Ледовитый океан, добираясь до Груманта (как они называли Шпицберген) и Новой Земли.

Смелым и трудолюбивым помором был и Василий Дорофеевич Ломоносов. Осенью 1711 года у него родился сын Михайло. Родился он на Курострове, в деревне, названной в писцовых книгах

Просторы Архангельского края.

Труды М. В. Ломоносова, изданные при его жизни.

Крестьяне во времена М. В. Ломоносова пользовались посудой из меди.

Мишанинской. Скоро она слилась с соседней Денисовкой, прослывшей родиной Ломоносова еще при его жизни.

Василий Дорофеевич Ломоносов долгое время жил во дворе своего дяди Луки Ломоносова — опытного кормщика, возглавлявшего «артели» куростровцев, которые отправлялись на промыслы обычно на нескольких судах. Став на ноги, женившись и зажив своим домом, Василий Ломоносов один из первых на Севере построил «новоманерный гукор» (Петр Великий предписал вместо ненадежных в плавании шняк, сойм и других старых судов строить корабли нового типа). Судно Ломоносовых было о двух мачтах, с двумя упрямо выгибающимися под ветром четырехугольными парусами. Острый блинд на длинном, выдавшемся вперед, бушприте и небольшие веселые кливера придавали ему горделивый и нарядный вид. Названо оно было «Святой Архангел Михаил», а прозвали его в народе «Чайкою». Любо-дорого было смотреть, когда судно, распустив паруса, летело вниз по Двине навстречу суровому морю.

Когда Михайло подрос, отец стал брать его с собой в далекие морские переходы. На новом судне была дорога каждая лишняя пара рук. И Михайло лет с десяти работал как заправский юнга.

Возвратившись из первого плавания, Михайло застал мать в жестокой горячке, от которой она через десять дней умерла...Судно Ломоносовых не раз попадало в жестокие штормы, грозившие раз-

бить его или выбросить на пустынный берег. И через много лет, возвращаясь на родину из-за границы, М. В. Ломоносов узнал от знакомых холмогорцев, что его отец погиб в море.

«Новоманерный гукор» Ломоносовых мог принимать до пяти тысяч пудов груза и служил не столько как промысловое судно, но и для перевозок соли, заготовленной трески, хлебных запасов для далеких северных гарнизонов. Плавая с отцом, Михайло изведал все уголки Белого моря и Северного океана от Колы до Новой Земли. Он дивился сложенным из гигантских валунов неприступным стенам и башням Соловецкого монастыря и, забираясь глубоко на север, наблюдал скалистые полярные острова, где гнездились чайки, кайры и чистики.

* * *

Трудные морские переходы не только закалили юношу Ломоносова, они развили в нем отвагу и неустрашимость, выносливость и упрямство. Постоянное общение с величественной природой будило его разум. В нем пробуждалось настойчивое желание познать окружающий его мир. Чем больше он видел, тем больше хотел до всего дознаться. Что, например, означает таинственный зеленоватый свет, порой озаряющий ночное небо, набегающие друг на друга или свисающие неровной завесой светлые столбы? В его уме теснилось множество вопросов, но ответа он не находил.

Школ на Беломорском Севере тогда не было. Но поморы ценили грамоту, обучали ей друг друга. Северная деревня была книгами не скудна. Михайло научился читать и писать уже после смерти матери. Местный дьячок Семен Сабельников обучил его «расстановочно и внятно» читать церковные книги, а скоро он стал и расписываться в «подрядных записях» за неграмотных «по их повелению». В сохранившихся до нашего времени первых записях Ломоносова нет ни одной орфографической ошибки. Пристрастившись к чтению, Михайло выпросил у соседей две заветные книги: старинную «Грамматику» Мелентия Смотрицкого и «Арифметику» Леонтия Магницкого, которые потом называл своими «вратами учености». Обе были напечатаны старым церковнославянским шрифтом, написаны трудным языком. Но Ломоносов их одолел без чужой помощи. Особенно важной была для него «Арифметика» Магницкого, обучавшего моряков в основанной Петром Великим Навигацкой школе, что помещалась в знаменитой Сухаревой башне в Москве. «Арифметика» содержала изложение не только этой науки, но и начал морской астрономии и навигации, много полезных сведений для торговли и мореплавания, забавных задач.

Попала в руки Михайла и третья замечательная книга: «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого, вышедшая в Москве в 1680 году. С удивлением Михайло увидел, как обычная церковная «Псалтирь» (собрание псалмов), которую он сам читал нараспев на клиросе в церкви, каким-то чудом становится мерной речью, укладывается в стихи. Стихи были написаны по старой, так называемой силлабической, системе стихосложения, основанной на равенстве слогов в строке и не принимающей во внимание чередование ударений. Читались такие стихи монотонно, ровным голосом. Других тогда на Руси не писали...

Ломоносова все сильнее тянуло к наукам, но научиться чему-нибудь становилось все труднее. И спустя много лет он с горечью вспоминал «злую и завистливую мачеху», которая вечно попрекала его тем, что он «по пустому» сидит за книгами.

В нем созрело намерение уйти из дому и податься в Москву. С помощью земляков, поручившихся за него, он получил в холмогорской воеводской канцелярии паспорт. И в декабре 1730 года, не сказавшись никому дома, в морозную, вьюжную ночь ушел пешком вместе с проходившими мимо рыбными обозами. Путь к Москве занял три недели, путь к вершинам науки — долгие годы.

* * *

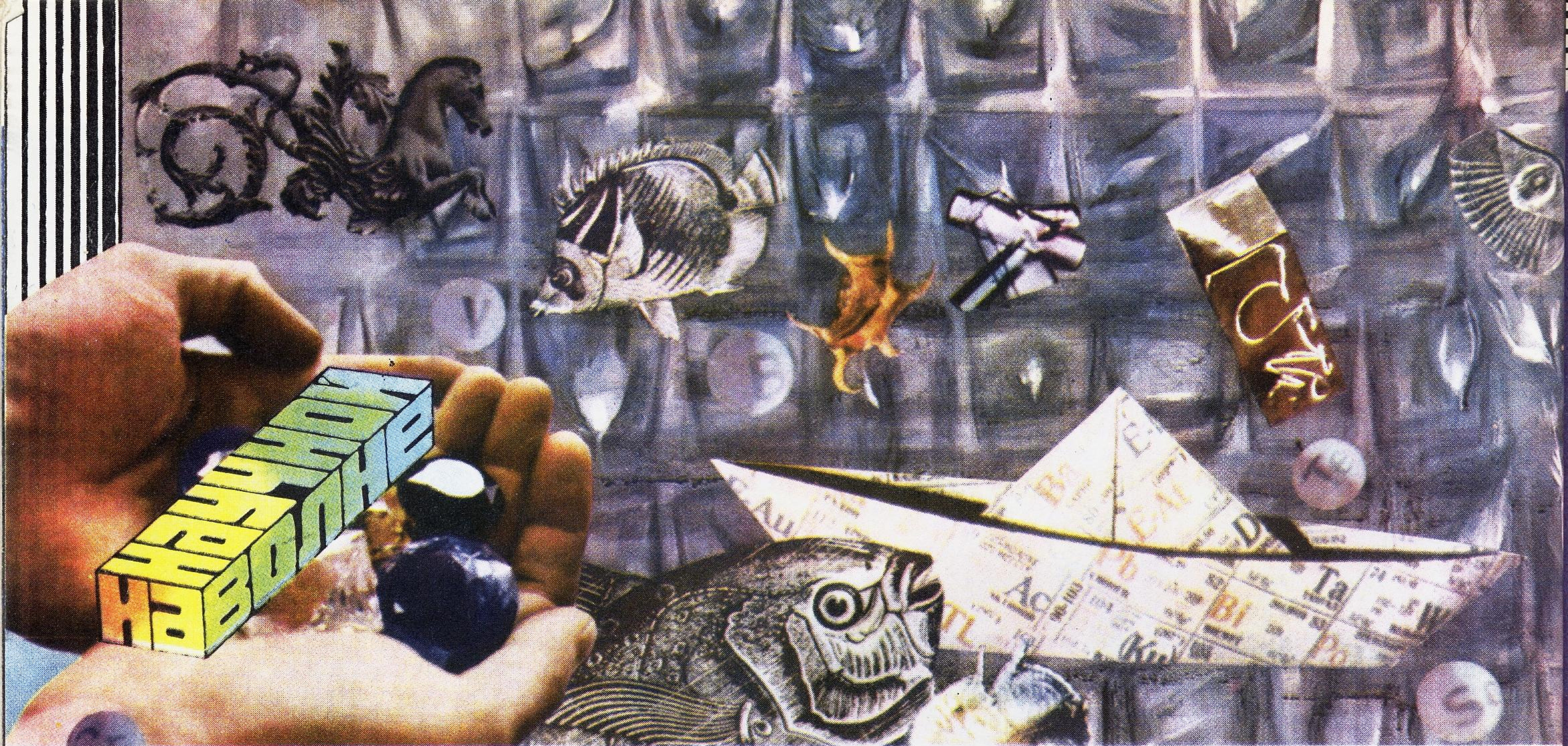
Постоянной мечтой Ломоносова было, «чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство». По его настоянию и проекту в 1755 году в Москве был открыт первый университет России, носящий сейчас его имя. И памятник М. В. Ломоносову словно встречает тех, кто переступает порог университета, словами одной из его од:

Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет!

Фотографии С. САФОНОВОЙ.

Так выглядела лаборатория, где М. В. Ломоносов проводил опыты по физике электричества.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.
Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Дело для XXI века

КЛАДОВАЯ СЛЕДУЮЩЕГО ВЕКА

Знаете, как обедает кит? Он набирает в огромную пасть воду, а потом процеживает ее через плотное сито пластинок, которые называются китовым усом. Вода выходит наружу, а всевозможные мелкие морские животные остаются. Так, раз за разом процеживая целые озера воды, кит набирает еды на обед. Занятие не из легких, к тому же долгое, но другого выхода у кита нет, вот он и старается.

Однажды ученые задумались: а что, если им тщательно процедить морскую воду? И вот что показали лабораторные опыты: в морской воде есть почти все известные химические элементы — железо, золото, магний, уран, йод. Только их очень мало. Если наполнить домашнюю ванну морской водой, то в ней будет всего сто граммов кальция, два-три миллиграмма урана, а золота еще в тысячу раз меньше.

Извлечь такие крохи — настоящий «китовый труд», поэтому до сего дня полезные ископаемые добывались на суше или, точнее, под сушей, в шахтах. Но время идет, земные шахты истощаются, и все чаще мысли ученых обращаются к океану. Тем более что опыт по добыванию веществ из морской воды есть: в Китае уже четыре тысячи лет назад так получали поваренную соль — испаряли воду под лучами солнца, вода улетучивалась, а соль оставалась.

Сегодня выпариванием из воды в Болгарии добывают магний, в Китае, Японии, Англии — калий, в США планируют добывать кальций.

Для получения металлов из морской воды необходимо устройство типа китового уса: чтобы воду пропускало, а то, что нужно, задерживало. Одно из самых современных таких устройств — ионообменные смолы.

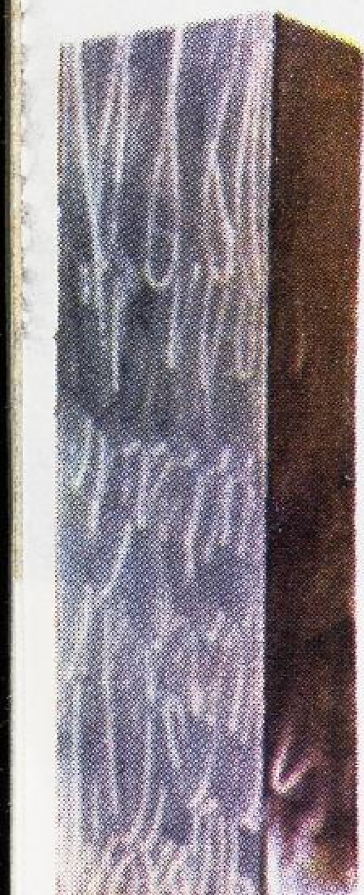
Они притягивают к себе металлы, растворенные в воде. Когда через порошок из такой смолы пропускают морскую воду, сама вода проходит без задержки, а растворенные ионы металлов притягиваются. Потом металлы отделяют от смолы, что тоже непросто сделать.

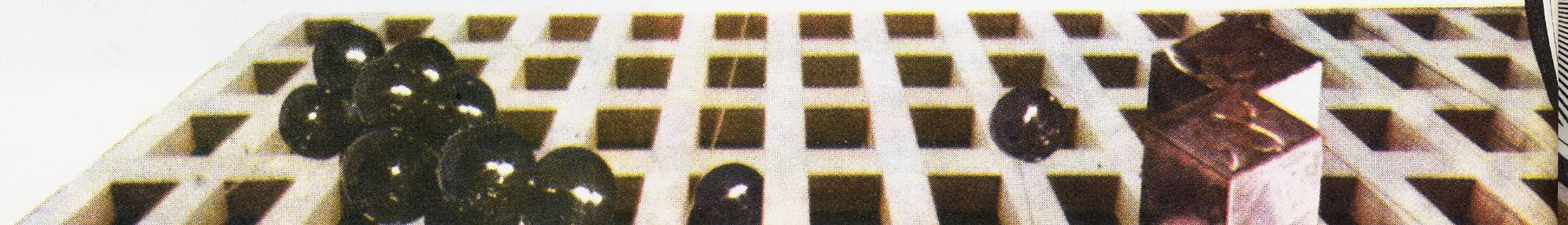
Главная сложность этого способа в том, что в воде полным-полно разных растений и живых организмов. И эти «законные» обитатели морских просторов загрязняют порошок так, что он теряет свои свойства. От этой живности надо научиться избавляться. И вторая сложность: смола притягивает все металлы подряд, а хорошо бы «научить» ее притягивать строго определенные сорта. Но это задача на будущее.

Самая обычная морская вода оказалась ценным сырьем, надо только научиться с ней работать. Для этой «жидкой руды» требуются не совсем обычные шахтеры. В забоях, где добывают каменный уголь, шахтерам нужны прежде всего сила, ловкость. А для того, чтобы работать с жидкой рудой, надо прежде всего много знать: химию, физику.

Океан — это кладовая следующего века, но, чтобы открыть ее, ключи надо готовить уже сегодня.

А. СЕМЕНОВ

зачем? почему?

300 теорий старения

Почему люди стареют?

Маша ГЛУШАКОВА, 5-й класс,
г. Ярославль.

Не было еще человека (да и любого другого живого существа), который в свой срок бы не состарился. Старость — такой же обязательный, естественный этап развития организма, как детство или зрелость. Почему она наступает? Окончательный ответ на этот вопрос ученые пока дать не могут, хотя в разное время было предложено около трехсот теорий старения.

Считается, что ближе всех к истине стоят две теории. Одна утверждает, что программа старения заложена в генах (о генах вам, видимо, слышать приходилось) так же, как программа всех этапов развития организма. И что изменения, характерные для старения, начинаются в организме чуть ли не с младенчества. Другая теория говорит, что в генах старость, может быть, и не предусмотрена, но чем дольше живет организм, тем больше «поломок» накапливается в самых главных его молекулах. Поэтому, мол, организм начинает работать все менее надежно.

Есть и еще одна теория, которая пытается примирить эти две, на первый взгляд противоположные. Но хватит о теориях — попробуйте-ка представить себе, что никто на свете и в самом деле не стареет. Что населяют Землю одни только розовощекие молодцы да силачи. Кто бы тогда учил их уму-разуму? Кто бы мирил спорщиков? Кто бы, наконец, рассказывал детям сказки? Разве может человечество жить без стариков — живых источников опыта, знания, мудрости?

Все состарятся — и вы тоже. И ничего плохого в этом нет.

В. РОМАНОВ

Загадка «якобы звезды»

Я читала, что во Вселенной есть объекты, которые называются квазарами. Что это такое?

Ира ВОЛОЩЕНКО, 6-й класс,
с. Ржевка, Белгородская область.

Звезд на небе — не сосчитать. Есть чуть поярче, есть побледнее. Нам кажется, они все похожи друг на друга: мерцают крошечными свечечками. А на самом деле они разные, и от одних свет к нам идет десятки лет, а от других — миллионы. Астрономы умеют определять расстояние от Земли до любого небесного тела по тому, с какой скоростью оно от нас удаляется: чем быстрее удаляется, тем, значит, дальше расположено.

Однажды голландский астроном Маартен Шмидт решил повнимательней рассмотреть крошечную звездочку 3С 273. К своему удивлению, он обнаружил, что эта звездочка уносится от нас со скоростью 48 тысяч километров в секунду (всего в шесть раз медленнее света). Это значит, что до нее больше миллиарда парсеков. А парсек — это 30 тысяч миллиардов километров. И все же мы видим ее и в такой невообразимой дали. Расчеты говорят, что светит эта звезда в тысячу раз ярче, чем вся наша Галактика с миллиардами звезд! А размеры 3С 273 в миллион раз меньше, чем у Галактики. Вот такой удивительный звездный объект и назвали квазаром, это слово — сокращение от «квазизвездного источника радиоизлучения». Потом были открыты и другие квазары.

Словечко «квази» означает «якобы» или «почти что» — оно вставлено потому, что ученые не понимают, как может звезда светить так ярко. Строят разные догадки. По одной квазар — это «сверхзвезда», то есть звезда в миллиард раз тяжелее Солнца. По другой выходит, что квазар — нечто вроде «новогодней елки», то есть плотное скопление звезд, в котором часто вспыхивают новые звезды, и от вспышек исходит мощный поток излучения. Решение загадки квазаров впереди. И вполне может быть, что раздумья об их устройстве подскажут ученым новые источники энергии.

А. ВЛАДИМИРОВ

В шутку и всерьез

«Я — НЕУЧ»

Такого признания можно было ждать от кого угодно, только не от Сергея Ивановича, моего давнего знакомого. Не в том даже дело, что он профессор. Сергей Иванович знает четыре языка, понимает толк в самых разных науках, не говоря уже о его любимой физике. Почему же он так себя обзывает? Может, настроение плохое, не ладится что-нибудь? Нет. Гляжу — обут в сапоги, за спиной рюкзак. Значит, собрался в лес. А перед прогулкой в лес у него хандры не бывает.

— Э, нет, Сергей Иванович, до электрички еще время есть. Давайте разбираться.

— Я не шучу,— объясняет профессор, но при этом все же посмеивается.— Каждый из нас в самом деле НЕУЧ — Новичок, Едва Успевающий Читать. Да вот вчера, к примеру... Листаю я книжку о мексиканской революции. Пишут про знаменитого крестьянского вождя Эмилиано Сапату. Я же вдруг соображаю: Эмилиано — это же Емельян. Выходит, они с нашим Пугачевым тезки.

А на той неделе читал о древних кельтах — они когда-то по всей Европе жили, от Англии до Турции. Царств больших не создавали, верили колдунам, ремесленники были у них очень искусные, бродячие. Читаю и припоминаю: ведь эта культура очень похожа на африканскую, которая до сих пор сохранилась. А потом знакомый этнограф подтвердил: верно, считается, что у кельтов были какие-то невесть откуда взявшиеся связи с Африкой... Разве это не интересно? Я полвека прожил — знать не знал.

— Так ведь это вроде не по вашей части...

— Что значит «не по вашей»? — Сергей Иванович даже обиделся.— Я не чиновником числюсь — ученым. А какой же я буду ученый, если мне этот мир неинтересен?

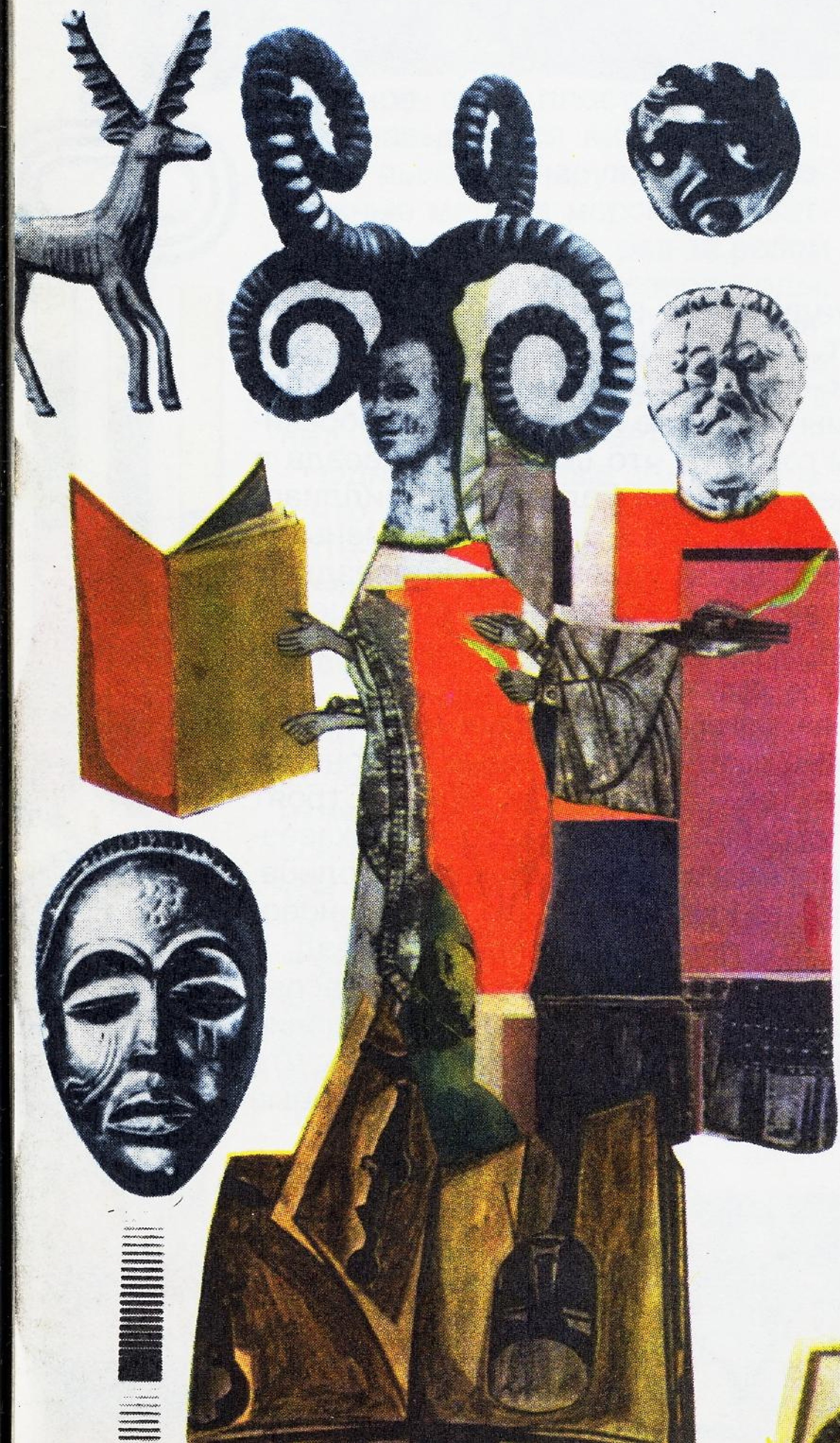
«Я всего лишь мальчик, играющий на берегу океана» — такие слова великий физик Ньютон произнес на старости лет, когда он уже был всемирно известным. Сергей Иванович знает их не хуже меня. Знает и старинную притчу о мудреце, который начертил две окружности — большую и спрятанную в ней маленькую — да объяснил ученику: «Вот твой круг знаний, а вот, снаружи, мой. У меня граница с непознанным куда больше, потому больше и сомнений, и вопросов...»

— Что же может получиться? — изумляюсь я.— Ваш круг знаний, куда больший, чем у ветхозаветного старца, может разрастись до бесконечности, бесконечно длинной станет «окружность сомнений» — и вам придется признать, что вы... ничего не знаете.

— А я разве не признаю? — Профессор ничуть не рассердился.— Говорю же: «Я — НЕУЧ». Но это не повод для уныния. Не ленитесь, смотрите на мир открытыми глазами, читайте книжки — да не только детективы, дружите с природой. И вы увидите, что не знаете массы удивительных вещей. А как говорил другой великий мудрец, помните? «Глупец, осознавший свою глупость, уже мудр!» Знаете что? Едемте со мной. В лесу и солнце светит по-другому.

Я согласился — и не было в моей жизни такого дня, когда я узнал бы столько нового.

П. САВКО

А теперь посчитайте сами!

Внимательное чтение

Любознательный человек каждый день прочитывает книгу объемом в 100 страниц, никогда ничего не перечитывая и вдобавок забывая каждый день 10 процентов накопленных сведений. Велика ли (в страницах текста) будет его эрудиция через месяц?

После того, как задачу решили, ответ проверьте, поднеся к странице зеркало.

ОТВЕТ

После первого дня чтения в памяти эрудита останется не 100, а 90 страниц; после второго — не 200, а $190 \times 0{,}9 = 171$. Спустя неделю в памяти останется 470; месяц — около 860 страниц. Эти расчеты нетрудно сделать на бумажке, хотя счетная машина, разумеется, справилась бы с ними куда быстрее и точнее. Она же, кстати, быстро показала бы, что запас эрудиции нашего героя при всей его усидчивости никогда не достигнет и 1000 страниц.

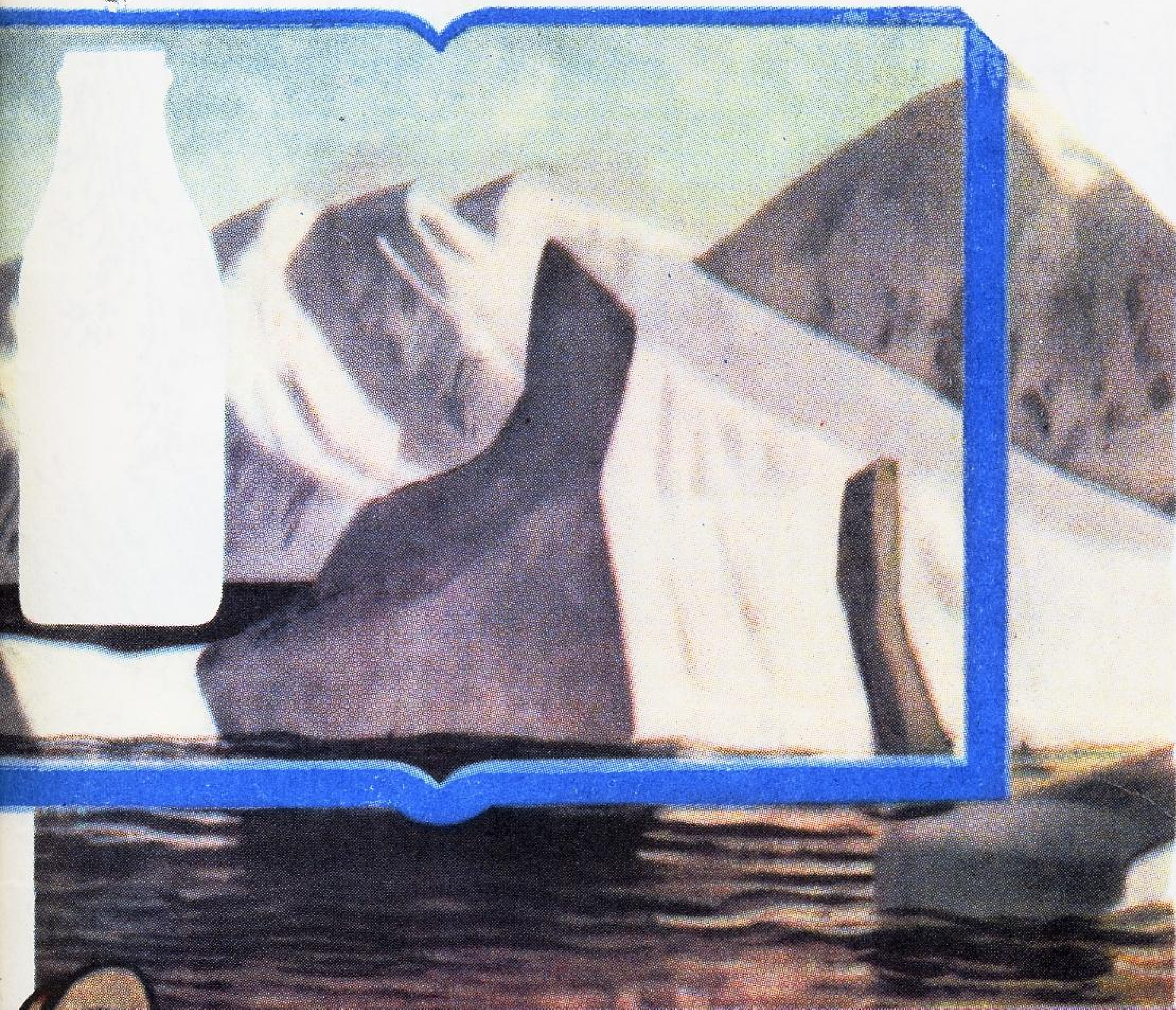
Вот вам доказательство того, что важно не только много читать, но и крепко запоминать прочитанное, а к лучшим книгам возвращаться.

Домашняя лаборатория

Вокруг сосульки

Что необыкновенного в обыкновенном льде? Замерзшая вода, да и только. Но замечал ли ты, что лед занимает больший объем, чем вода? Заполни доверху бутылку водой и поставь на мороз. Через некоторое время она лопнет: ее разорвет лед. Бутылка лопнет даже в том случае, если будет открыта. Вода в первую очередь замерзнет у горлышка, там, где она соприкасается с морозным воздухом. И эта ледяная шапка не даст вылиться незамерзшей воде наружу.

Можешь провести еще один опыт. Положи в банку или бутылку маленький резиновый мячик или пустой пластмассовый флакон. Налей в банку воды и заморозь. На сей раз бутылка не лопнет. Потому что, замерзая, вода будет расширяться и сжимать воздух в мяче или флаконе. А, значит, давление на стенки бутылки уменьшится.

Это необычное свойство воды может сослужить иногда недобрую службу. Представь, что замерзнет вода в трубах водопровода или в батарее. Аварии не миновать: даже металлическая оболочка не выдержит давления в сотни атмосфер. Чтобы такие аварии не происходили, водопровод прокладывают глубоко под землей, а трубы укутывают теплоизоляцией. А чтобы зимой вода, охлаждающая мотор, не замерзала в радиаторе автомобилей, в нее добавляют специальное вещество — получается незамерзающая смесь.

У льда много и других интересных особенностей. Например, что произойдет, если сломать обыкновенную сосульку? Раздастся треск. Но не только. Оказывается, в тот момент, когда ломаешь сосульку, наблюдаются маленькие вспышки света. Глазом их, конечно, не увидеть, но можно сфотографировать. Если ломать сосульку в темноте перед двигающейся чувствительной фотопленкой, то на фотографии получатся светлые пятна и полосы — портреты вспышек. Откуда же вспышки берутся? Когда ломаешь лед, разрушаются и сдвигаются его кристаллики. Они трутся друг о друга, электризуются, в результате возникают электрические разряды, подобные тем, которые ты видел, когда расчесывал чистые сухие волосы или снимал свитер.

Не прост обыкновенный лед. Но он и не может быть простым, потому что состоит из воды. А вода — вещество необыкновенное.

Л. ВИКТОРОВА

Знаешь?

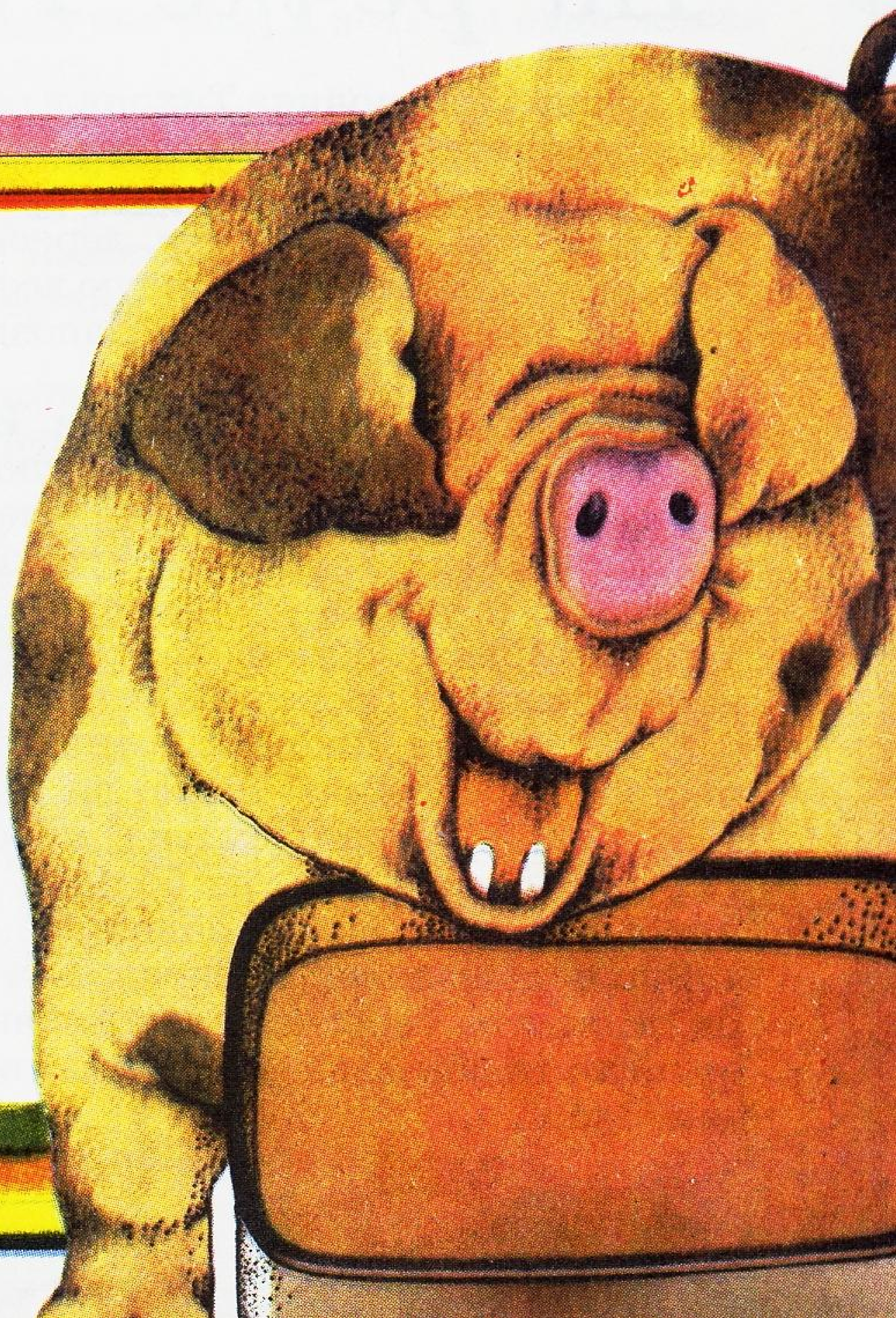
Детей еще до рождения можно учить понимать отдельные слова.

* * *

В крови человека содержатся антибиотики естественного происхождения.

* * *

Возможно, что удастся создать породу свиней размером с корову.

Писатель Виктор Иванович Баныкин более пятидесяти лет отдал детской литературе. Он автор многих книг. Это и «Рассказы о Чапаеве», и повести «Костик», «Мачеха», «Хочу быть человеком», «Валеркин календарь». Последнее из этих произведений печаталось на страницах «Пионера» в 1983 году. А повести «Весной в половодье» и «Счастливое лето» удостоены премий на Всесоюзном и Всероссийском конкурсах на лучшую книгу для детей и юношества.

Писатель умел чутко слышать природу. Поэтому, наверное, природа — главный герой большинства его произведений.

Виктор БАНЫКИН

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

На речке Тихоне

Извилистая речушка Тихоня в разгар лета местами почти пересыхает. В весеннее же половодье она широко разливается. Кое-где подкрадывается вода к избам, что на окраине деревни Коровино. В Коровино я приезжаю каждую весну перед ледоходом. А этой весной чуть запоздал. Приехал, а речка-то уже вскрылась.

Вся Тихоня забита льдинами. Им тесно, и они с шумом наползают одна на другую, натыкаются на берега и снова устремляются вперед.

Льдины, льдины, льдины. Все колышется, вздыбливается, крутится, с треском и гулом лезет на холодный песок островка, узкой горбатой залысиной торчащего посредине речки.

Я стою возле Тихони с Алешкой, сыном тракториста Ивана Лукича. Давно ли мы остановились у ноздреватого серого валуна, вросшего в пеструю гальку? Минут пять, не больше. А ледяная вода, прибывая, уже лижет подножие камня.

Вдруг неподалеку со скрежетом и каким-то даже шипением на берег полезла, словно живая, многопудовая глыба льда. Выползла, встала на ребро и замерла.

— Вчера по речке еще ходили, а ночью... нá вот тебе — вскрылась! — вздохнул Алешка, точно ему было жалко этого вчерашнего снега...

На солнцепеке пригревает, словно в мае, и как-то даже не верится, что с утра стояла пасмурная погода, дул сырой ветер. Сейчас солнце сияет неистово, молодо.

Внезапно огромная льдина с зубастыми бутылочными краями застревает между песчаным островком и правым берегом, сразу перегородив половину реки. Масса льда устремляется в узкий проход у нашего, левого берега. И здесь тоже возникает пробка. Теперь вся Тихоня перехвачена ледяной плотиной.

Мы с Алешкой молчим, не сводя глаз со вздыбившейся реки. А на нерукотворную плотину лезут все новые и новые льдины.

— Закончу восьмилетку и в речной техникум подамся,— вдруг говорит Алешка.— Рулевым буду на теплоходе!

Ответить я ему не успеваю. Плотина, вся прогибаясь, угрожающе трещит. А в следующий миг грохот настоящего взрыва раскалывает воздух. И уже не видно ни затора, ни тонкой горбатой полоски песчаного островка. Во всю ширину Тихони нескончаемым потоком грузно идет лед.

Заботливая мама

Как-то июльским тихим утром выскочил Алешка за калитку, да так и замер на месте. В сверкающей росинками траве кто-то шевелился.

«Лягушка? Ужик?» — подумал Алешка, опускаясь на корточки. И увидел ежонка.

— Ой, какой ты маленький! — воскликнул мальчишка, беря ежонка в руки.

Ежонок не испугался, не свернулся клубком, а спокойно сидел на ладони, подняв кверху розовый пятачок. Погладил Алешка ежика по мягким иголкам и понесся во двор.

— Бабушка, бабушка! — закричал он радостно.— Посмотри, какую животину я нашел!

Увидела бабушка ежика и вздохнула:

— Похоже, от мамки отбился, глупыш.

И, налив в чайное блюдце молока, поставила его на ступеньку.

Ежик вылакал молоко до самого донышка. А когда Алешка положил зверька в коробку из-под маминых туфель, он тотчас заснул.

— Я его Тишкой назову,— сказал счастливый Алешка, осторожно ставя картонную коробку на веранду.— Подрастет — в лес отнесу. Отец говорил, ежи всяких вредителей уничтожают.

Днем Алешка снова угостил Тишку молоком. А под вечер, вернувшись с лесного озера, где купался с приятелями «до посинения», увидел крупную ежиху, вылезшую из-под крыльца. За ежихой колобками выкатились маленькие ежики, ну точь-в-точь как Тишка!

Ежиха старательно принюхивалась, тревожно поводя мордочкой в разные стороны.

«Неужели Тишкина мама нашлась?» — спросил себя Алешка.

Подошла бабушка. Улыбаясь, сказала:

— Неси-ка с веранды пострела. Разыскала-таки его мамка!

Тишка, едва мальчик бережно опустил его на землю, засеменил к ежихе. Обнюхала та малыша и устремилась в конопляник, разросшийся у забора. Ежики покатились за ней. Тишка всех опередил. Он так и льнул к ежихе. Видно, соскучился по маме!

Воробей, не робей

С октября начались заморозки. Выйдешь по утру в парк, а под ногами шуршат поседевшие от инея лежалые листья.

Нынче тоже холодно и ветрено в голом, опустевшем парке. Бродил полчаса, и хоть бы одна живая душа повстречалась.

Вдруг откуда ни возьмись мальчишка. Розовощекий, в распахнутой вельветовой курточке. В одной руке—новый скрипучий портфель, в другой—булка. Несется мне навстречу что есть духу. И жует. Торопится. Наверное, боится опоздать на первый урок.

На ветках акации сидели унылые воробьи. Пробегая мимо, мальчишка бросил воробьям недоеденную горбушку.

Обрадовались воробушки. Зачирикали, залопотали и всей крикливой стайкой слетели с дерева. Но не удалось беднягам попировать.

В конце аллеи показался лопоухий щенок. Спустил хозяин щенка со сворки, и он, глупый, голову потерял от радости. Набежал, отрывисто лая, прямо на воробьиную стайку.

И стайки как не бывало: разлетелись воробушки кто куда. Лишь один из них — невзрачный, общипанный — не струсил.

Вонзил клюв в большую горбушку и чуть ли не перед самым носом ошалелого щенка тяжело взлетел, отчаянно взмахивая крылышками.

Жутко было перепуганному до смерти воробью. Тяжела была ноша. Но он поднимался все выше и выше, пока не достиг ветки старого вяза и не вспрыгнул на нее.

«Воробей, не робей!» — крикнул я. И воробей словно понял, на меня покосился. Но только на мгновение. И правильно: впереди у него было занятие поважнее.

Жаркая калина

В октябре всегда так — рассвет с сумерками посреди дня встречаются...

Я только что сошел с пригородной электрички и решил отправиться в поселок, напрямик через лес.

Стыдливо-грустными стояли раздетые осенними ветрами деревья, немногим нарядней выглядел и подлесок.

Слева открылся приземистый куст. Его словно кто-то украсил леденцами. Я не поленился подойти. Так и есть — барбарис. Тонюсенькие веточки были унизаны пунцовыми бусинами.

Немного погодя повстречалась в низинке колония порыжевших папоротников. Оттуда дружно вспорхнула, устремляясь к осине, семейка поползней. А еще через какое-то время я увидел волчьи ягоды. Багровые капельки манили меня: «Разве мы не пригожи? Подойди, отведай!»

Я уже поднимался по изволоку к вырубкам, когда настиг меня дождь — мелкий, частый, подгоняемый ветром. Прямо-таки на глазах наполнились водой глубокие следы, оставленные лосем, бродившим здесь, возможно, этой ночью.

Вначале дождь-зануда сек и сек мне спину, потом переменился ветер, и колючая пыль принялась кропить лицо. Вместе с дождем навстречу летели листья, хладнокровно сорванные с деревьев злым сиверком. Два золотых березовых листика приклеились накрепко к телогрейке, словно медалями наградила меня осень.

Под ногами хлюпало. Зябли намокшие колени. Сырость пробиралась и за ворот. И уж тяжелой стала казаться перекинутая через плечо сумка.

Думалось об уютно мурлыкающем самоваре, о стакане крепкого горячего чая.

Внезапно разбежались в стороны сизые от дождинок ели, и в образовавшейся прогалине будто заполыхал костер.

Я прибавил шагу. И вот стою у красной калины. Трогаю тяжелые аппетитные гроздья. Что ни кисть, то пригоршня жарких угольев. Так я и стоял, словно согреваясь у этого костра.

«До поселка еще километра три, а уж смеркается»,— поторопил я себя...

Дождь частил с прежней назойливостью, под ногами не переставало хлюпать. А мне стало как будто теплее. Точно и в самом деле согрелся немного возле молчаливого калинового костра.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Владимир ОРЛОВ

Золотой характер

Прохладным воздухом пахнуло,
Открылись тайные замки:
Нам осень двери распахнула
И отворила сундуки.
И мы потом под каждым кровом
Холодной, вьюжною зимой
Не раз припомним добрым словом
Ее характер золотой.

Осенние листья

Дуют ветры жгучие,
Воя и трубя.
Солнце нахлобучило
Тучу на себя.
Листья разгораются
Красные, как медь,
И собой стараются
Землю обогреть.

У причала

Качается у берега
Кораблик деревянный,
Уже готов к отплытию
В далекие края.
Зовут его соленые
Моря и океаны,
Дрожат от нетерпения
Сережки-якоря.

Зажгутся незнакомые
Закаты и рассветы,
Растают золотистые
Родные огоньки.
Увозит он на палубе
До будущего лета
Веселые каникулы,
Веселые деньки.

Все лето наше красное
Увез он до минутки,
Звенит оно на палубе
От берега вдали:
И горны пионерские,
И песенки, и шутки
Услышат в этом плаванье
Ребята всей Земли.

Пускай волну соленую
Погода раскачала,
Кораблик белопарусный
С дороги не свернет.
И вовремя к любимому
Вернется он причалу,
И лето пионерское
Ребятам привезет.

Сто веснушек

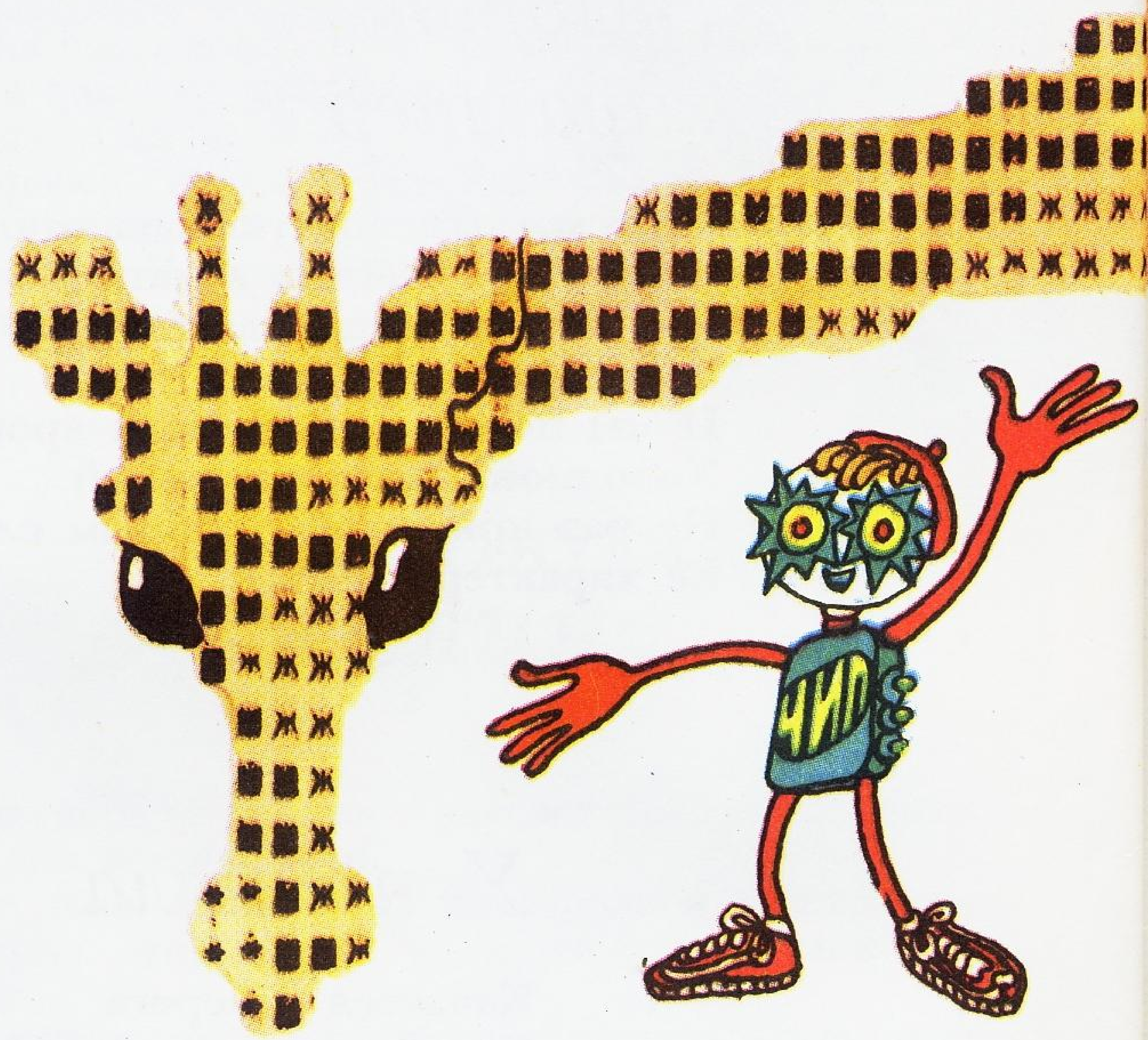
Вспоминаю по привычке
Эту рыжую красу:
Две косички-невелички,
Сто веснушек на носу.

Я за ней ходил несмело,
И вздыхал я и молчал,
Но за нашу третью смену
Я их все пересчитал.

Хоть прощальные минуты
Белым снегом замело,
Но зимою почему-то
От веснушек мне тепло.

Рисунок В. ДУДКИНА.

Как уговорить маму купить жирафа

В этот вечер Сережа был занят: родители ушли в гости, а ему поручили домашнюю работу. Надо было убрать в кухне, вымыть посуду и почистить картошку. Чтобы было не так скучно, он вызвал Чипа, и теперь тот иронически комментировал Сережины действия:

— Ну как ты моешь пол?! То тут, то там машешь тряпкой без толку, а вода остывает. Вот этот угол ты уже третий раз трешь, а про тот забыл.

— Может быть, и на этот случай ты программу составишь? — отозвался Сережа, пыхтя и возя мокрой тряпкой по полу.

— Пожалуйста, вот тебе рекурсивная подпрограмма:

ВЫМОЙ (пол).

Если пол вымыт, то возврат.

Протри тряпкой полоску от левого дальнего до правого дальнего от двери угла.

ВЫМОЙ (оставшуюся часть пола).

По этой программе ты будешь мыть пол, как ты читаешь страницу: строчка за строчкой, начиная с левого дальнего угла и кончая правым ближним к двери. Через дверь потом выйдешь, чтоб по мокрому не ходить.

— Ладно, — усмехнулся Сережа, — когда у меня будет слуга-робот, я ему напишу эту программу. И еще добавлю строчку, чтобы он столы и стулья отодвигал, а то ты про это забыл. Слушай, Чип, а что, программу можно для всего на свете составить?

— Составить-то можно, а вот как она будет работать, это еще надо посмотреть. Ну вот что бы ты хотел?

— Скажем, я хотел бы, чтобы мама мне купила жирафа!

— А что, — задумался Чип, — под окном привяжешь, у вас второй этаж, можно прямо через окно кормить. Словом, никаких хлопот и море удовольствия. Осталось только маму уговорить. Да, тут нужна очень хорошая программа. Это будет программа для тебя: как ты должен себя вести, чтобы мама купила жирафа. У тебя есть идеи, что может на нее подействовать?

— Ну, скажем, — протянул Сережа, все больше увлекаясь своей шуткой, — скажем, я дождусь, когда она меня будет за что-нибудь ругать, что я руки мыть перед едой забываю или что я поздно спать ложусь, а я тут возьму да и скажу: «А вот спорим, я за всю четверть больше ни разу так не сделаю?» Она скажет: «Свежо предание, да верится с трудом». А я в ответ: «Ну что, спорим?» А она спросит: «А на что?» Я в ответ: «Да хоть на жирафа». А она возьмет и в шутку согласится!

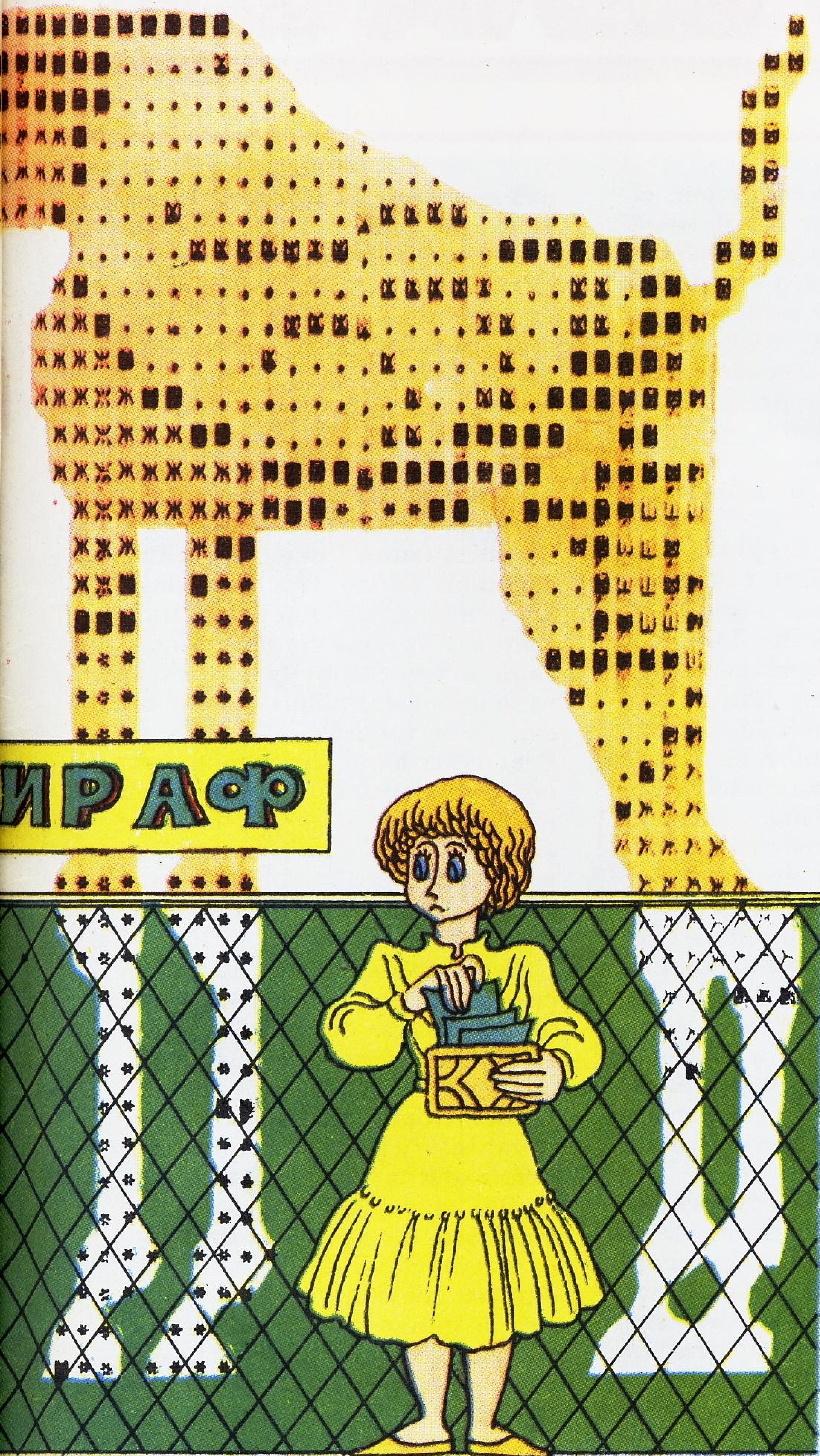
— Ну, а где же вы его возьмете, этого жирафа?

— А я поступлю в кружок юннатов при зоопарке, и, когда маленький жирафенок будет болеть, я с ним ночи не буду спать, выхожу, а потом...

— Слушай, Сережа, а у меня другая идея: давай предложим всем ребятам эту задачу. Пусть наши читатели попробуют составить программу, как уговорить маму купить жирафа. У всех разные мамы, и каждый придумает свой способ. Все дело в том, чтобы записать его в виде программы последовательных действий, вроде той, которую мы начали составлять.

— И еще, — подхватил Сережа, — пусть попробуют написать программу для чистки картошки, вроде той, которую ты предложил для мытья пола.

— А последнее — пусть запрограммируют стишок, сказку или считалку по своему выбору, вроде тех, которые мы с тобой раньше сочиняли. Только пусть хорошенько проверят, правильно ли программа работает, прежде чем посылать ее нам. Советуем всем ребятам дождаться следующего номера журнала, где мы с тобой будем разбирать их письма со сказками «Теремок» и «Красная Шапочка», а уже потом присылать свои программы.

ОТ РЕДАКЦИИ: *Итак, журнал «Пионер» вместе с Чипом и Сережей объявляет конкурс на лучшие программы, составленные нашими читателями самостоятельно,* ***без помощи взрослых.***

В конкурсе три задачи:

1. Как уговорить маму купить жирафа.

2. Программа чистки картошки.

3. Программа любимого стишка, сказки или считалки.

ВНИМАНИЕ! Победители будут награждены.

Первый приз — КАЛЬКУЛЯТОР!

Решения вы должны выслать ***до 1 января 1987 года.***

Не забудьте указать свой точный адрес, возраст, имя и фамилию. На конверте поставьте пометку: «КОНКУРС ЧИПА».

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Николай ШАМСУТДИНОВ

Праздник Севера

Сегодня гонки,
гонки!
Смеющийся и звонкий,
Горит короткий день
Цветастыми платками,
Румяными щеками —
Красою деревень.

В морозных медных пряжках
Летят вперед упряжки,
Клубится снег в ногах.
Летят по насту тени
И солнце
, на оленьих
Закинутых рогах.

Скорей, скорей!
Недаром
Олени пышут жаром —
Не стойте на пути!
Несутся по дороге...
И самый легконогий,
Конечно, впереди!

Что этой гонки
краше?
Не раз
мальчишкам нашим
Приснится в дивных снах —
Сквозь крики восхищенья
Летящие олени
С солнцем
на рогах!

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

Кто сильнее: мышь, слон, человек или, может быть, муравей? С одной стороны, кажется, и сравнивать нечего — и так все ясно. Но с другой, если по справедливости... силу нужно оценивать с учетом «весовой категории», как у спортсменов. И тогда ответ на такой вроде бы простой вопрос может оказаться интересным и неожиданным...

Вот, например, муравей. Какой груз ему по плечу? Заложили камешком вход в муравейник, а маленький богатырь схватил камешек челюстями и оттащил в сторону. Это не оговорка: именно богатырь. Когда муравья и его ношу взвесили, оказалось, что камешек в 52 раза тяжелее муравья. Если бы человек был способен проявить силу в 52 раза больше собственного веса, он без особого труда смог бы перетащить на новое место одноэтажный дом. На самом же деле даже сильные люди едва сдвигают с места небольшие валуны в 400—500 килограммов (в 5—6 раз больше своего веса). То есть выходит, что человек почти в 10 раз слабее муравья.

А как же сильнейшие из животных — слоны? Они весят до 4,5 тонн, а способны перетаскивать груз в 12—15 тонн, то есть в 3—4 раза больше своего веса. Выходит, слоны относительно слабее человека, а уж тягаться с муравьями им совершенно не по силам.

Но обязательно ли волочить тяжести, если придумано колесо? Совсем необязательно, тем более, что везти легче, чем тащить. Что ж, можно посоревноваться в силе и при перевозке. Тропического жука пассалуса весом 1,88 грамма впрягли в тележку, и он, как заправская лошадка, повез на себе 175 граммов груза — почти в 100 раз больше своего веса. Но это еще что! Улитка хоть и не так быстро, но возила груз в 200 раз больше своего веса, а пчела «в упряжке» — в 300 раз!

Лучшие же лошади-тяжеловозы, битюги, при весе в полтонны еще тащат 5—6 тонн (в 10—12 раз больше своего веса). Ну, а человек? Конечно, впрягаться в воз не его дело, но ради научной истины...

Англичанин Джефф Кейпс, весящий около 100 килограммов, надел на плечи лямки, которые другим концом привязали к семитонному автотягачу, и пробежал с ним «за плечами» 25 метров за 54,3 секунды. Результат бега, что и говорить, посредственный, но, прокатив на себе тягач в 80 раз больше своего веса, Кейпс доказал, что и в этих соревнованиях с животными человек не на последнем месте.

А сколько может нести на себе человек и его меньшие братья? Оказывается, и здесь та же закономерность: чем носильщик крупнее, тем относительно слабее. Буйвол едва передвигает ноги, если нагружен поклажей в два собственных веса (около тонны). Человек же способен носить значительно больше. Замечательный русский силач Иван Заикин исполнял в цирке такой номер: наполнял до краев водой сорокаведерную бочку (около 450 килограммов), сам взваливал ее на плечи и обходил с ней три круга по манежу, да еще улыбался. А бочка-то в 4 раза тяжелее атлета. Другой наш выдающийся соотечественник, Якуба Чеховской, носил на поднятой вверх руке 6 солдат-гренадеров, которые весили почти в 5 раз больше атлета.

Но эти результаты не идут ни в какое сравнение с тем, что могут насекомые. Тот же жук

пассалус, о котором мы уже говорили, умудрился ползти с ношей на спине, которая была в 850 раз (!) тяжелее его самого. Прояви такую же силу человек, он был бы в состоянии нести на плечах не меньше двадцати слонов!

До сих пор мы говорили о заочных соревнованиях в силе человека и животных. Но между ними было немало и очных встреч, причем не только таких, как встреча человека с комаром, петухом или собакой. Так, один из самых прославленных атлетов России, чемпион мира по борьбе среди профессионалов Иван Шемякин останавливал впряженных в повозку, несущихся на полном скаку лошадей, ухватившись руками за обод колеса. Нередко выручала сила бывалых охотников, на которых нападали волки, медведи и даже тигры. А украинский богатырь Терентий Корень в 1907 году, выступая в цирке в Чикаго, невольно был вынужден вступить в поединок с разъяренным львом, который вырвался из клетки и оказался на арене. Поединок был недолгий. Лев, разинув пасть, кинулся на атлета, а тот схватил его своими могучими руками и с такой силой бросил оземь, что царь зверей через несколько секунд испустил дух. Терентий Корень был награжден единственной в своем роде золотой медалью с надписью: «Победитель львов».

Человек не только соревнуется в силе с животными, но и с давних пор использует их для развития и тренировки своей силы. Например, в Древней Греции силу развивали так: юноша несколько раз в день поднимал новорожденного бычка, а затем по мере роста бычка ежедневно продолжал упражнения с ним. Так эллины, сами того не подозревая, открыли один из важнейших принципов современной педагогики в воспитании силы — принцип постепенности; именно благодаря ему они сумели добиться замечательных успехов в укреплении мышц.

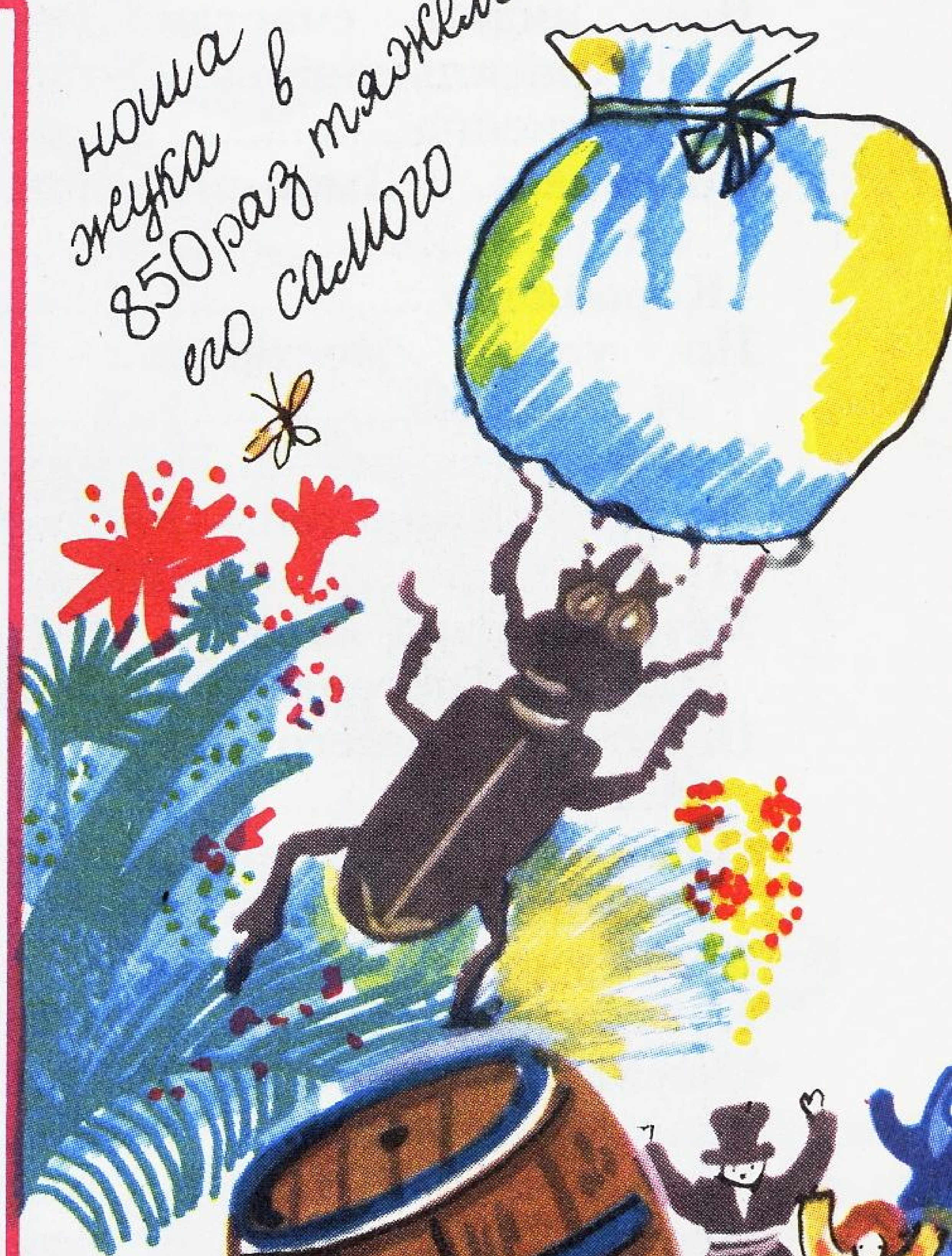
Прошло свыше 2500 лет, и «история с бычком» повторилась в другой стране и при других обстоятельствах. Шла Великая Отечественная война. Советский военный летчик Иван Кожедуб храбро дрался с врагом, защищая Родину. А в свободное от полетов время, чтобы легче было в бою, он укреплял мышцы, тренировал силу. Конечно, ни спортивных залов, ни даже гирь на фронте не было, а вот коровы во фронтовом хозяйстве нашлись. Поэтому Кожедуб воспользовался опытом древних греков: поднимал сначала телят, потом молодых бычков, а потом...

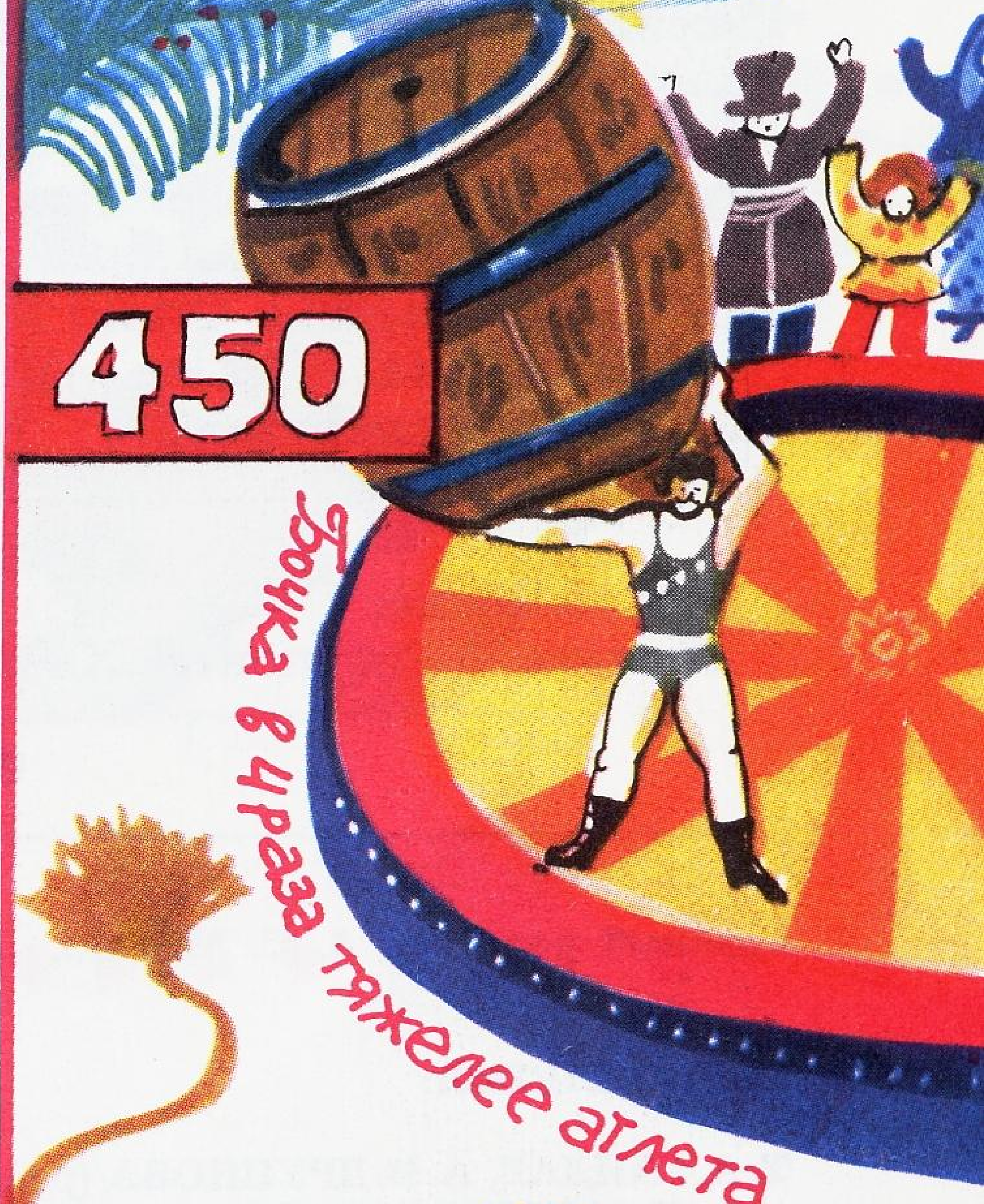
За время войны Иван Никитич Кожедуб совершил столько беспримерных подвигов, что был трижды удостоен звания Героя Советского Союза. Война окончилась, а Кожедубу было всего 25 лет, и он продолжал свои силовые тренировки. Вскоре к боевым наградам прибавились спортивные — он завоевал звание чемпиона Военно-Воздушных Сил СССР по тяжелой атлетике.

Ваши «бычки» еще впереди, и героем, надеюсь, кто-то из вас станет, а пока, друзья, следующий комплекс упражнений.

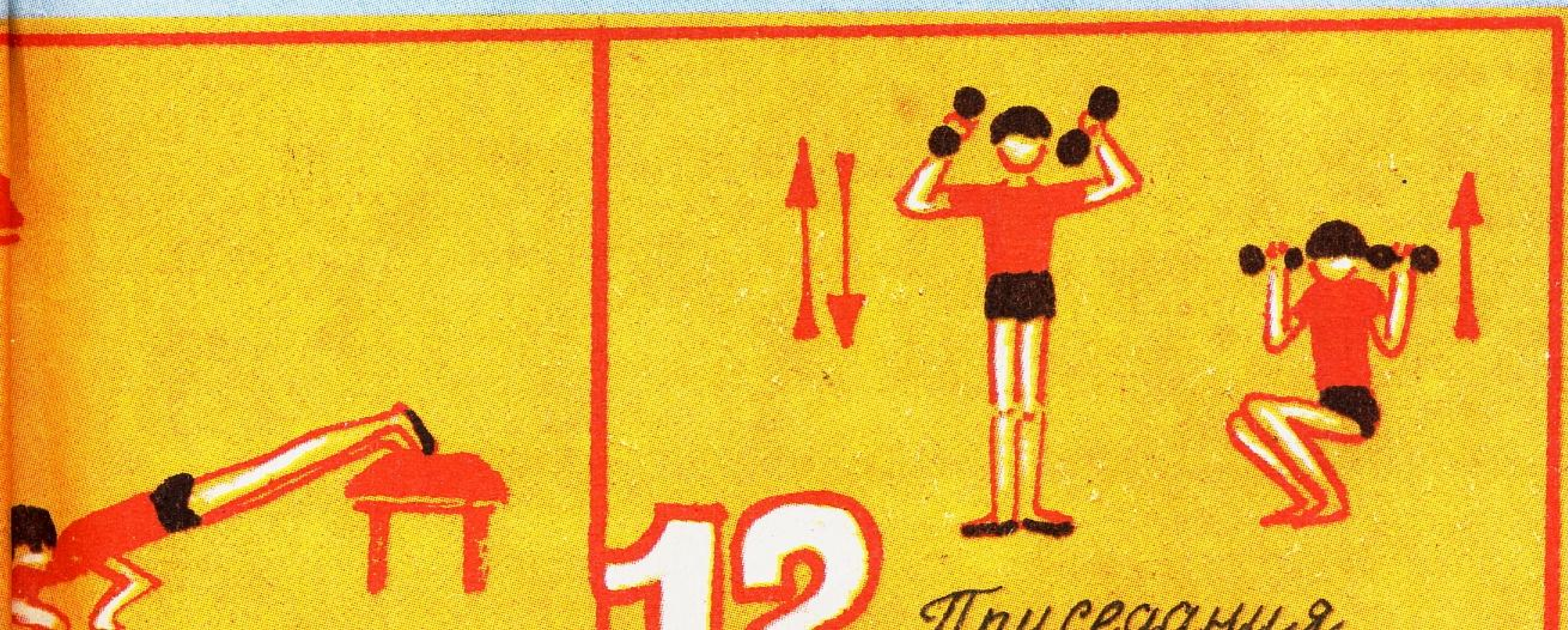
1. Упражнения 10, 11, 12 выполняются после 9-го.
2. Учащимся до 4-го класса выполнять упражнения не более трех раз.
3. Время выполнения двенадцати упражнений — 15—18 минут.

М. ЗАЛЕССКИЙ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Содержание

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.09.86.
Подписано к печати 17.09.86. А 02026. Формат $84\times60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 840 000 экз. Изд. № 2443. Заказ № 3632.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Виктор ВИКТОРОВ

Причина

ПРИЧИНА...
Какое удобное слово!
Оно выручает лентяя любого.
Оно объясняет,
оно покрывает,
оно от стыда и позора спасает.
Не сделал:
«забыл»,
«тяжело»,
«далеко»;
ПРИЧИНУ найдешь —
и на сердце легко!
Мир на душе,
не запятнана честь...
Чего-то там нет,
но ПРИЧИНА-то есть!
Ребята, ребята,
вы завтра — мужчины.
Не надо причин!
Не ищите причины!

Константин МЕЛИХАН

Речь председателя совета отряда

ФЕЛЬЕТОН

Товарищи одноклассники! В этом месяце наш пятый «А» класс добился огромных успехов. Мы завоевали первое место в соревновании с пятым «Б» классом за лучшую успеваемость и лучшее поведение.

В этом месяце нами получено сто пятьдесят семь двоек. Это на две двойки меньше, чем в «Б» классе.

В этом месяце мы опоздали на уроки сорок шесть раз. Это на четыре опоздания меньше, чем в «Б» классе.

Количество окон, разбитых в этом месяце, составило девятнадцать штук. Это, товарищи, на три окна меньше, чем в «Б» классе.

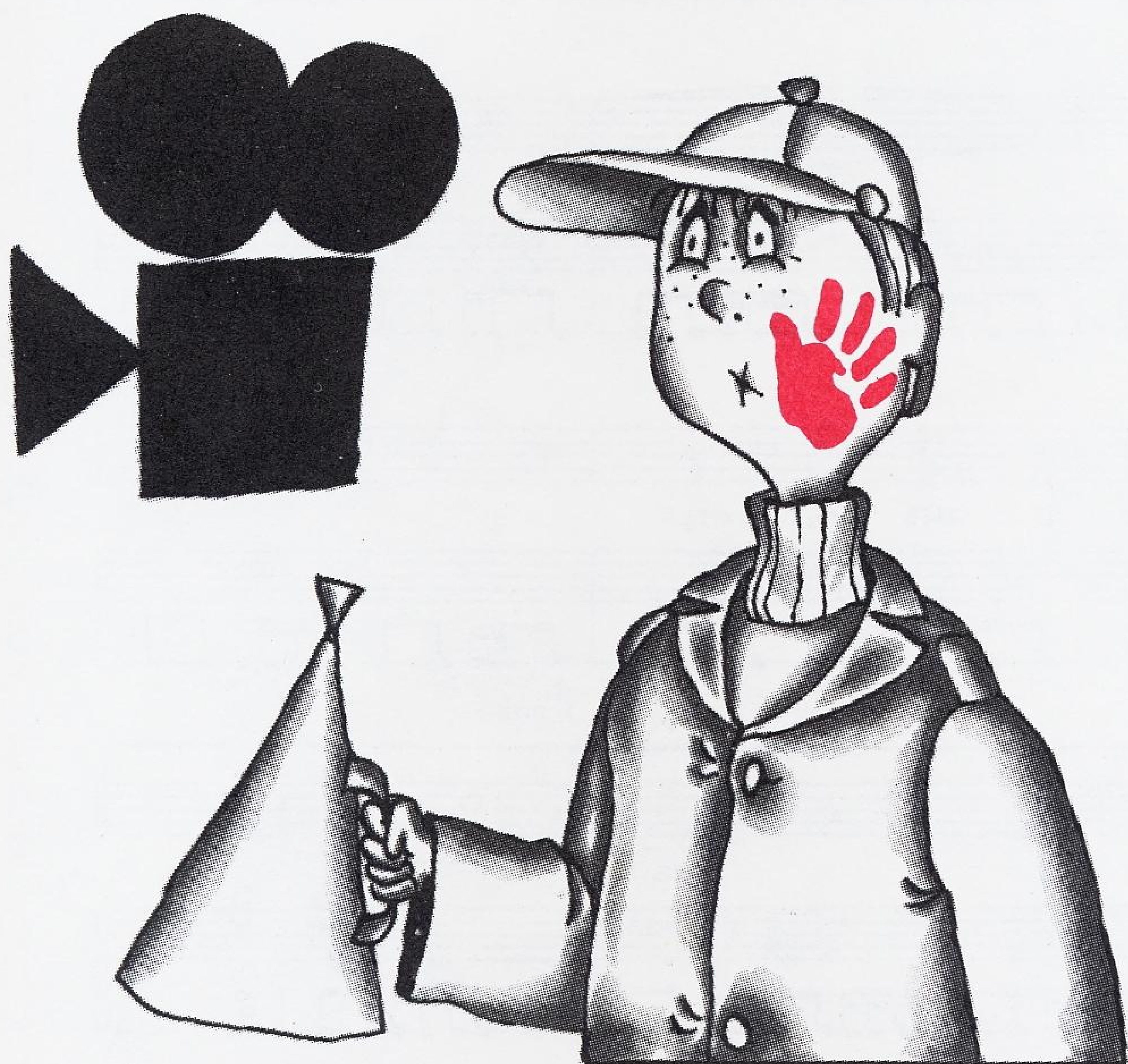
Общая площадь страниц, вырванных из учебников и тетрадей в этом месяце, составила семь гектаров. Это в два раза меньше, чем в «Б» классе.

Общая длина перил, по которым мы съехали в этом месяце, превысила сорок километров. Но это на один сантиметр меньше, чем в «Б» классе.

В этом месяце мы дернули Сидорову за косичку три тысячи семьсот раз. Это, правда, на двести косичек больше, чем в прошлом месяце, но зато на восемь косичек меньше, чем в «Б» классе.

И наконец, в этом месяце мы дрались тридцать один раз. То есть не только в будни, но и по воскресеньям. Правда, этот показатель у нас одинаков с «Б» классом, но это потому, что дрались мы всегда только с «Б» классом.

А сейчас представители пятого «Б» класса вручат нам переходящий вымпел, который они отобрали в прошлом месяце у нашего класса. А если они его не вручат нашему классу, мы тогда еще раз врежем ихнему классу!

Юные актеры и юный режиссер

Юный режиссер, ученик седьмого класса Вася Сидоров, снимал фильм.

— Дубль первый! — услыхала актриса, ученица шестого класса Света Дорофеева, и сразу же дала пощечину актеру, ученику восьмого класса Феде Николаеву.

— Не верю! — закричал режиссер.

— Дубль второй! — услыхала актриса и сразу же дала пощечину актеру.

— Не верю! — закричал режиссер.

— Дубль третий! — услыхала актриса и сразу же дала пощечину актеру.

— Не верю! — закричал режиссер.

— Дубль четвертый! — услыхал актер и дал пощечину режиссеру.

— Верю! Верю! — закричал режиссер.

Рисунки А. ГУРЬЕВА.

ОТРЯДНЫЙ МАРШ

Музыка Игоря КАДОМЦЕВА. **Стихи Петра СИНЯВСКОГО.**

В темпе марша

Хор

Горн

Барабан

mf f mf

От-

лич - ный ба - ра - бан - щик у на - ше - го от - ря - да, мы

в празд - ни - ки и буд - ни и - дем как на па - рад. В от-

ря - де друж - ном на - шем ре - бя - та — то что на - до, не

зря гвар - дей - ской вып - рав - кой гор - дит - ся наш от - ряд.

f

И не гас - нут, ни - ког - да не гас - нут

сол - неч - ны - е зо - ри впе - ре - ди —

ес - ли гал - стук, ес - ли а - лый гал - стук

f соло f соло

1.2. 3.

гор - до пла - ме - не - ет на гру - ди. //-да.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694